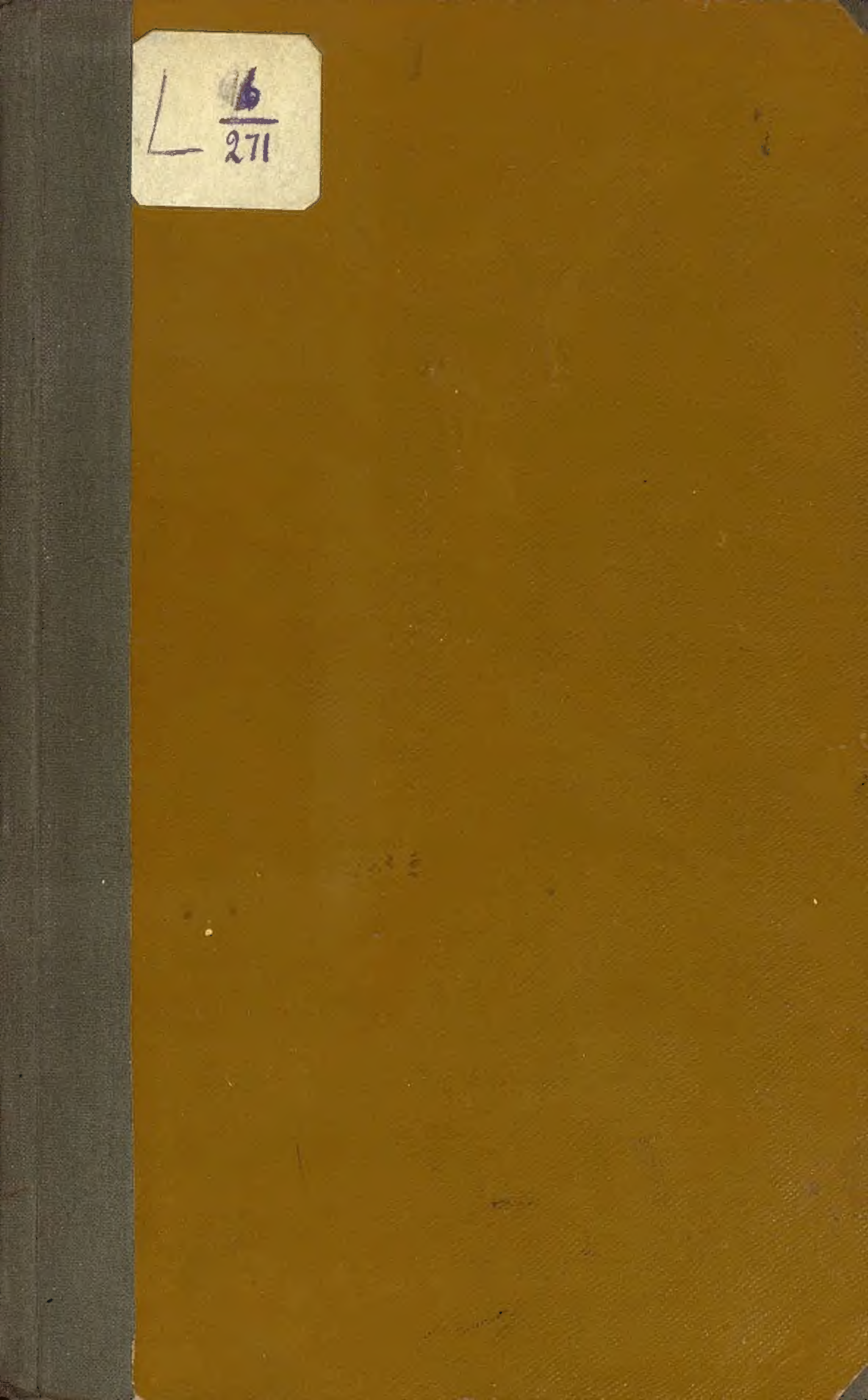

В. М. Яновичъ

ПЕРМЯКИ

Этнографическій очеркъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1903

В. М. Яновичъ

ПЕРМЯКИ

Этнографическій очеркъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1903

Оттиски изъ журнала «Живая Старина» за 1903 г., выпуски I и II.

Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

I.

Мѣстность, занимаемая пермяками.—Ихъ языкъ.—Сохранившіеся остатки языческихъ вѣрованій (лѣшій, икоты, кикиморы, сусѣдка, водяной, полудница, чугунная баба). — Характеръ пермяка.—Бытовыя и санитарныя условія (трахома, чесотка). — Домашнія средства лѣченія (черъэшванъ, челпанъ, вѣжливецъ; оспа, лѣкарство отъ запоя). — Заговоры, кабала.—Внѣшній типъ пермяка и одежда.—Уходъ за дѣтьми, пріемыши.—Воззрѣнія пермяковъ на семейную жизнь.

Пермяцкая народность проживаетъ, главнымъ образомъ, по правую сторону рѣки Камы, но нѣкогда несомнѣнно владѣла не только обоими ея берегами, а и частью Заволжья. Оба берега рѣки Инвы, такъ называемый Инвинскій край, почти сплошь заселены пермяками. Инвинскій край раскинулся и въ ширь и въ даль довольно далеко; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія чисто пермяцкія волости: Ошибскую, Егвинскую, Архангельскую, Карповскую, Юсьвинскую, Верхъ-Юсьвинскую, Верхъ-Нердвинскую (Питеевскую), Верхъ-Инвинскую, Кувинскую, Бѣлоевскую, Кудымкорскую и Тиминскую. Кромѣ перечисленныхъ, здѣсь же имѣются слѣдующія волости, заселенныя пермяками только отчасти: Купросская, Нердвинская, Майкорская (Никитинская). Помимо бассейна р. Инвы пермяки сохранились еще по теченію р. Косы, Чердынскаго уѣзда, да въ Зюздинской (Аѳанасьевской) и Гординской волостяхъ Вятской губерніи (Глазовскаго у.). Собственно въ Инвинскомъ краѣ пермяковъ насчитываютъ приблизительно $70^3/_4$ тысячи, а всего съ чердынцами и зюздяками до 99 тысячъ. Одинъ изъ казанскихъ профессоровъ, при производствѣ раскопокъ одного изъ многочисленныхъ здѣсь «городищъ», нашелъ, что нынѣшніе пермяки, по сложенію черепныхъ костей, значительно отличаются отъ ранѣе обитавшихъ здѣсь жителей. Сами себя пермяки, какъ и зыряне, называютъ: «коми-мортъ» (камскій человѣкъ). Эта однородность въ названіи народовъ, живущихъ по Камѣ и Двинѣ характерна и наводитъ на мысль о связи этихъ финскихъ племенъ.

Почти всѣ пермяки, кромѣ своего родного языка, говорятъ еще и по-русски, разумѣется, сильно коверкая послѣдній. Такъ, напримѣръ, твердое окончаніе мужского рода они замѣняютъ женскимъ и, наоборотъ; напримѣръ: «дѣдъ обѣдала», «жена обѣдалъ». Затѣмъ, х замѣняется к: корошо, вмѣсто хорошо; ф

замѣняется п: Пилипъ, вмѣсто Филиппъ; ц—ч или с, напр., саръ, сарича, вмѣсто царь, царица; л—в: свава, вмѣсто слава. Фразу: «дѣдъ Филиппъ не сталъ обѣдать, а побѣжалъ посмотрѣть на царя и царицу и видѣлъ ихъ, а бабка сидѣла обѣдала и никого не видала», по-пермяцки слѣдовало бы сказать такъ: «дѣдъ Пилипъ не става обѣдать, а побѣжава посмотрѣть на саря и саричу и видѣва икъ, а бабка сидѣу, обѣдалъ и никого не видѣулъ». Звукъ л въ концѣ слова нельзя передать на бумагѣ, онъ представляетъ изъ себя переходъ отъ «елъ» къ «улъ» и къ «олъ». Приведенная выше фраза считается въ нашихъ мѣстахъ (въ центрѣ Инвинскаго края) за чисто русскую, на самомъ же дѣлѣ и такъ правильно пермяки не могутъ говорить.

Языческія вѣрованія сохранили до сихъ поръ среди пермяковъ всю свою силу и ими признаются открыто. Такъ пермяки вѣрятъ, что въ лѣсу проживаетъ лѣшій; правда, его за бога не почитаютъ, но увѣрены, что всѣ думы лѣшаго только и направлены къ тому, какъ бы напакостить, какъ бы устроить какую-либо мерзость доброму человѣку. Лѣшій не прочь попугать, кричитъ, хохочетъ, а иной разъ даже и украдетъ у человѣка дорогу. Въ этомъ случаѣ, какъ бы хорошо ни зналъ человѣкъ дорогу, онъ пропалъ, если только, по оплошности своей, не приметъ должныхъ мѣръ. Спорить съ лѣшимъ можно— стоитъ только снять свою верхнюю одежду и надѣть ее на выворотъ, и онъ отступится. Бабы въ этихъ случаяхъ должны вывернуть на изнанку свои шамшуры (особый головной уборъ); если же это не помогаетъ, то надо тотчасъ же вывернуть на изнанку всю одежду и не ограничиваться при этомъ только верхней. Между пермяками найдете немало людей, по ихъ увѣренію, не только видавшихъ лѣшаго, но и гостившихъ у него. Лѣшій, по словамъ такихъ очевидцевъ, большого роста, выше каждаго высокаго дерева; старикъ, съ сухими ушами, за плечами у него всегда имѣется сумка. Обыкновенно лѣшіе живутъ въ большихъ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ имѣютъ свои домики; домики эти всегда деревянные и всегда новенькіе. Но и между «сухоухими дядями», какъ называютъ лѣшихъ пермяки, боящіеся назвать ихъ настоящимъ именемъ, попадаются такіе, что не прочь заняться и торговлей. Такой лѣшій, принявъ на себя малый ростъ, отправляется въ Ка́зань за товаромъ, и узнать и отличить его отъ простого смертнаго можно лишь по бровямъ; если ихъ у торговаго нѣтъ—это не торговецъ, а лѣшій. Каждому взошедшему въ избу лѣшему, выбраться изъ нея трудненько. Но иногда, особенно колдуновъ, «сухоухій дядя» и самъ выведетъ на правильную дорогу. Особенно часто бываетъ онъ любезенъ къ тѣмъ молодымъ колдунамъ, которые приходятъ въ лѣсъ, чтобы продать ему свою душу. Послѣ этого колдуны получаютъ даръ: наводить порчу. Вообще же говоря встрѣча съ лѣшимъ ничего путнаго не предвѣщаетъ, даже и въ лучшихъ случаяхъ: либо самъ, встрѣтившій, чѣмъ-либо захвораетъ, либо кто

изъ его семьи помретъ, либо скотина падетъ. Словомъ можно положительно сказать: «такая встрѣча не къ добру». Въ лѣсахъ же живутъ «икоты» и «кикиморы». Хотя сами пермяки считаютъ первыхъ людьми больными, но на самую болѣзнь смотрятъ какъ на происшедшую отъ «духовъ» и, кромѣ того, каждый, страдающій икотой, становится, какъ это здѣсь дознано-де долголѣтней практикой, съ момента заболѣванія колдуномъ; къ такимъ больнымъ охотно идутъ ворожить всѣ тѣ, у кого потерялась лошадь, заболѣла корова и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ: «гдѣ найти потерю»? На что и не замедлитъ послѣдовать обстоятельный отвѣтъ: «ищи на солнцевосходѣ» и т. п. Колдуновъ этого рода развелось немало, такъ какъ дѣло ворожбы совсѣмъ не безвыгодное. Въ присутствіи одержимыхъ этою болѣзнью отнюдь нельзя курить: икота табака не любитъ; по увѣреніямъ больныхъ, отъ табачнаго дыма они даже во снѣ начинаютъ корчиться. Мнѣ впрочемъ приходилось куривать при больныхъ, даже и днемъ, безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій, ожидаемаго результата я не получилъ. Тотъ, кто видѣлъ меня курящимъ, говорилъ: «свово знаетъ, потому и не дѣйствуетъ». Кикиморы у пермяковъ, какъ и у насъ, русскихъ, также принадлежатъ къ категоріи злыхъ духовъ и приносятъ населенію немало непріятностей; чаще же всего они доятъ коровъ. Изъ духовъ наиболѣе виднымъ признаютъ «сусѣдку» (домового). Сусѣдка представляетъ изъ себя, по вѣрованіямъ пермяковъ, неотъемлемую принадлежность каждаго жилого помѣщенія и, хоть до нѣкоторой степени, благоустроеннаго дома. Постоянная резиденція сусѣдки - подполье (голбецъ). Каждый благоразумный хозяинъ и хозяйка почитаютъ и холятъ его. Впрочемъ сусѣдка и не взыскателенъ—слѣдуетъ только ему ни въ чемъ не мѣшать. По характеру своему, сусѣдка доброе существо; онъ не пугаетъ людей, и если его и побаиваются, то все же божескихъ почестей ему не воздаютъ, а просто задабриваютъ его, кто чѣмъ можетъ. Такъ ставятъ въ подполье не покрытую сметану, чтобы сусѣдка могъ поѣсть ее. Повидимому, онъ дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, такъ какъ положенное исчезаетъ вскорѣ. Одно только можно сказать про сусѣдку съ полной увѣренностью: коли сусѣдка не въ ладахъ съ хозяиномъ или просто чѣмъ-нибудь недоволенъ, дѣла пойдутъ плохо. Скотина, какъ ее ни корми, все худѣетъ, у бабъ хлѣбъ не удается, пряжа не спорится, и т. д. За то когда сусѣдка доволенъ, тогда онъ и самъ угодить старается: скотина здорова и въ гривахъ ея онъ наплететъ такихъ косъ (особенно у тѣхъ лошадей, что̀ больше любитъ), какихъ не сплести и самой искусной бабѣ. Если же сусѣдка совсѣмъ покинетъ домъ, тогда все домоводство прахомъ пойдетъ: все равно старайся—не старайся, а толку не будетъ. Вывести сусѣдку изъ себя можно, напр. тѣми же хитросплетенными косами—стоитъ только ихъ расчесывать, такъ сказать, браковать

его работу. Мнѣ лично приходилось видѣть подобныя косы въ головѣ и бородѣ у иныхъ стариковъ. Сами старики да и окружающіе ихъ смотрѣли на нихъ съ полнымъ благоговѣніемъ, какъ на явное доказательство сусѣдкиной любви. Людямъ сусѣдка показывается весьма рѣдко; видятъ его, а по большей части слышатъ, когда онъ сѣетъ муку. Это совсѣмъ маленькій и сѣденькій старичекъ. Иной разъ онъ зажигаетъ маленькій, синенькій огонекъ, а иной разъ, когда особенно разшалится старый, возьметъ да и начнетъ давить соннаго человѣка. Нечего его бояться. Напротивъ, надо лишь спросить: «къ худу или къ добру давишь», и сусѣдка скажетъ къ чему; а такъ какъ онъ духъ вѣрный, то въ зависимости отъ отвѣта и слѣдуетъ ждать добра или худа.

Въ каждой рѣчкѣ, по вѣрованію пермяковъ, имѣется свой водяной (васъкульпіянъ); лично онъ не злой, но во всякомъ случаѣ явленіе его не къ добру. При постройкѣ мельницъ онъ непремѣнно требуетъ себѣ въ жертву голову; въ противномъ случаѣ, какъ только придется проѣзжать его свадьбѣ черезъ мельницу, онъ ее пронесетъ, какъ крѣпко ее ни устраивай. Какую голову давали водяному въ старь—покрыто мракомъ неизвѣстности; теперь же ограничиваются пѣтушиной, и водяной не заявляетъ неудовольствія: мельницы проносятся рѣдко. Каждый мельникъ знакомъ съ водянымъ, какъ съ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальствомъ, и по первому его требованію выпускаетъ воду изъ мельничныхъ прудовъ для безпрепятственнаго прохожденія своего начальника. Ни одинъ изъ пермяковъ, проходя черезъ воду (бродомъ или по лавѣ), не забудетъ одарить водяного, а если у такого прохожаго ничего нѣтъ съ собою, то онъ хоть нитку изъ гасника (поясокъ у брюкъ) выдернетъ и броситъ въ рѣку. Водяного видали многіе; онъ является въ видѣ совершенно нагой женщины, которая расчесываетъ свои длинные волосы, засѣвъ гдѣ-нибудь между ивовыми кустами. Стоитъ водяному завидѣть кого-нибудь, онъ тотчасъ же бросается въ воду, причемъ бросается въ нее такъ ловко, что ни круговъ, ни пузырьковъ отъ его паденія не происходитъ. Изрѣдка водяной показывается и въ видѣ ребенка съ удлиненной къ затылку головой, усѣянной короткими, мягкими волосами. Всѣ водяные живутъ въ домахъ; правда, самыхъ домиковъ никто не видывалъ, но многіе пермяки вытаскивали изъ воды солому, которая не могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросаютъ въ воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить къ себѣ человѣка; особенно часто это продѣлывается ими въ крещенское гаданье, когда дѣвушки приходятъ слушать, что дѣлается въ проруби. Всѣхъ водяныхъ можно запирать во время крещенской заутрени, вплоть до обѣдни. Сдѣлать это легко; стоитъ только положить крестъ на крестъ палочки и повернуть ихъ рукой съ права на лѣво, какъ

запираютъ замокъ. Такой замокъ или запоръ называется по-пермяцки «йертанъ», очевидно исковерканное слово Іердань.

«Православный» пермякъ вѣруетъ въ множество другихъ второстепенныхъ духовъ. Между духами попадаются и совсѣмъ добрые, но, духи, по преимуществу, злые. Въ полѣ живутъ «полу̀дницы» [1]). Въ рудникахъ и штольняхъ обитаетъ «чугунная бабушка». Увидать ее—добра не ждать.

Понятія пермяковъ объ единомъ истинномъ Богѣ весьма скудны. Большая часть изъ нихъ увѣрена, что каждая часовня построена въ честь особаго бога. Каждаго святого они считаютъ также за отдѣльнаго бога, требующаго, помимо молитвъ, и болѣе существенныхъ приношеній. Такъ наприм., на Марію Голендуху, слывшую за куринаго бога, въ подлежащую часовню приносятся куры, индѣйки и проч.; на праздникъ Флора и Лавра—«скотьяго бога» особенно въ Кочѣ, Чердынскаго уѣзда, приводятся «невинные» быки, бараны и др. Въ ночь на названный праздникъ, особенно чтимый пермяками, приводятъ скотъ изъ разныхъ мѣстъ, верстъ за сто и болѣе. Не имѣющимъ лишняго скота не возбраняется принесеніе мяса. Часть приготовленнаго для жертвоприношенія мяса идетъ въ пользу нашего духовенства, т. е. православнаго, каковое и совершаетъ въ этотъ день молебствія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи пермяковъ къ иконамъ, таинствамъ и проч. укажу на факты. Къ одному изъ волостныхъ писарей пришелъ съ иконой св. Николая Чудотворца почтенный старикъ Ошибской вол. и спрашиваетъ: «Какого Бога купилъ»?—«Николая Чудотворца», отвѣчаетъ писарь.—«Какъ Чудотворца?» всполошился старикъ и тотчасъ же побѣжалъ къ священнику, которому и повторилъ свой вопросъ. Послѣдній успокоилъ: «ты купилъ образъ святителя Николая».—«То-то, удовлетворился старикъ, а то писарь сказалъ «Чудотворца» купилъ; это чтобы онъ въ избѣ-то чудесъ натворилъ!?... Вотъ какъ святитель, я поставлю его въ уголокъ—пусть святитъ. Чудотворца, говоритъ, купилъ! Я и на базарѣ-то, какъ выбиралъ, видѣлъ, что басенькій (красивый, хорошій, приглядный) старичекъ»! Въ 1895 г., въ Юсьвинской вол. одна изъ женщинъ, пріобщившись св. Таинъ, спросила священника: «А когда исповѣдать-то будешь». Тамъ же въ 1899 г. пришелъ въ церковь во время причащенія (дѣло было великимъ постомъ) какой-то крестьянинъ и идетъ причащаться.—«Ты зачѣмъ, говоритъ ему священникъ, вѣдь ты не говѣлъ»?—«Нѣтъ,

---

[1]) Въ самое недавнее время въ полдни, т. е. въ то время, когда выходитъ «полудница», ни одинъ человѣкъ не смѣлъ приняться за работу на открытомъ мѣстѣ. Обаяніе «полудницы» было велико, хотя еще и теперь рѣдкій ребенокъ войдетъ въ огородъ въ полуденную пору. «Полудница», по виду, здоровенная баба, всегда одѣтая въ вывороченную на выворотъ шубу. Ровно въ полдень она выходитъ изъ земли позавтракать и тогда ей не попадайся—въ припадкѣ злости она можетъ съѣсть всякаго; въ остальное время она существо безобидное.

батюшка, меня къ тебѣ съ пакетомъ изъ волости послали, да ты все не отходишь, вотъ я и пошелъ отъ скуки съ другими». Въ Кочѣ записана слѣд. молитва: «Егорій храбрый, Микова Миволстивый, темные лѣса, лѣсные звѣри, спасите и сохраните меня; матушка вода не прогвоти, а будь миволстива»! Поднося дѣтей къ св. причастію, каждая мать старается не причастить своего ребенка первымъ или послѣднимъ: «это нездорово». При такомъ взглядѣ пермяковъ на это таинство, во время причащенія, иной разъ происходятъ крупныя недоразумѣнія. Если матери покажется, что ея ребенку дали мало «счестья» или, если ребенокъ боленъ, то она или сама, когда много причастниковъ, или черезъ посредство своей родни и знакомыхъ, отправляетъ дитя за полученіемъ «счестья» во второй разъ; да и сами-то взрослые, великимъ постомъ, если пріобщаютъ не изъ одного, а изъ двухъ-трехъ придѣловъ, не прочь получить причастіе у каждаго изъ священниковъ. Во время молебновъ духовенству за частую приходится получать записки такого рода: «О здравіи Ильи, Петра, пестрой коровы, Анфисы, курятъ» и т. п. Духовенству приходится иногда считаться и съ просьбами такого рода: «Батюшка, отслужи молебенъ о здравіи рабы Агапіи», а потомъ, черезъ день-два: «батюшка, разслужи молебенъ, что̀ я заказывала». Эта просьба ясно указываетъ на происшедшую между пріятельницами размолвку. Уважая и почитая, по своему, Бога, пермяки требуютъ отъ Бога уваженія и къ себѣ, и къ своимъ трудамъ. Духовенство особымъ уваженіемъ среди пермяковъ не пользуется. Въ исполненіи разнаго рода и даже иногда языческихъ обрядовъ духовенство, усматривая себѣ пользу, пермякамъ не отказываетъ, но самаго населенія, вѣроятно, въ виду его косности,—чуждается, забывая, что въ этой косности далеко небезвинно и оно само.

Х а р а к т е р ъ пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если они говорятъ «спасибо», то лишь потому, что переняли это слово отъ русскихъ. Словъ «здравствуй», «прощай» у нихъ также нѣтъ. Пришелъ, сунулъ руку для рукопожатія—значитъ поздоровался; продѣлалъ тоже самое и ушелъ—значитъ простился. Еще болѣе замѣчательно то, что нѣтъ пермяцкаго слова, выражающаго понятіе о чистой любви. Напротивъ, что касается словъ, относящихся до любви нечистой, то въ нихъ пермяки перещеголяли насъ, русскихъ. В о р о в с т в о—общій всенародный бичъ, распространено среди пермяковъ весьма сильно и за порокъ почти не считается: «у сосѣда есть, а у меня нѣтъ, и почему бы не наоборотъ»? Есть деревни, въ которыхъ не воры лишь тѣ, что̀ лежатъ въ люлькахъ. Г о с т е п р і и м н ы пермяки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Рѣшительно каждаго пришедшаго, даже совсѣмъ незнакомаго, а по праздникамъ и недруга, угощаютъ брагою и «кумышкою», впрочемъ послѣдняя, по нынѣшнимъ «монопольнымъ» временамъ, предлагается лишь хорошимъ знакомымъ.

въ домѣ пермяка гостямъ и каждому встрѣчному предлагается все, что имѣется въ печкѣ. Пермяки, по природѣ, отнюдь не злы, но до крайности скрытны и мстительны.

Было время, когда и пермякъ былъ вольнымъ и свободнымъ человѣкомъ, но вотъ въ 1564 г. появляется грамота: «И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Григорія Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Перми (города Чердыни) за восмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по праву сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызноскіе курьи, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовые рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставити (разумѣется Орелъ) и около-бъ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменныхъ и нетяглыхъ называти» («Пермская старина» А. Дмитріева). Въ числѣ пустыхъ мѣстъ и рѣчекъ попали къ Строганову и рѣки Пива, Обва и Коса, по теченію которыхъ жили пермяки. На основаніи грамоты они, какъ поселившіеся по рѣчкамъ, съ этого момента отъ вершинъ своихъ, пожалованныхъ Строганову, попали въ его полную зависимость, а въ силу повторнаго указа имп. Петра I въ 1700 г., 1 іюля («Указъ разнымъ бургомистрамъ объ утвержденіи за Григоріемъ Дмитр. Строгановымъ погостовъ по Обвѣ, Иньвѣ и Косьвѣ») отошло за него людей 14.003 чел. (Ф. Волегова), т. е. всѣ жители окончательно попали въ полное и потомственное владѣніе Строгановыхъ. За крѣпостничествомъ пермякамъ дана была воля; за это время произошелъ такъ назыв. «караванный» бунтъ, описаніе котораго мною здѣсь помѣщается.

Понятіе о патріотизмѣ у пермяковъ совершенно отсутствуетъ, но за свое старое, насиженное мѣстечко онъ постоять съумѣетъ. Впрочемъ, жители Юсьвинской волости, по совѣту нѣсколькихъ своихъ однообщественниковъ, построили въ минувшее царствованіе императора Александра III одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ во всей Пермской губерніи «въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; причемъ, не считая работы натурой, потратили на постройку этого храма почти 90 тысячъ рублей лишь на однѣ стѣны.

Главный родъ занятій пермяковъ—хлѣбопашество. Зимою, когда весь хлѣбъ съѣденъ, пермякъ идетъ на самыя трудныя, почти каторжныя работы, притомъ за безцѣнокъ. Однакоже и въ этомъ трудѣ за безцѣнокъ неприспособленность пермяка даетъ себя знать весьма чувствительно и заставляетъ его терпѣть многія бѣды отъ нанимателя—заводчика. Живутъ пермяки, по сравненію съ нашими крестьянами, зажиточно. Такъ, въ каждомъ домѣ найдете не одну лошадь или корову, а нѣсколько; въ достаточномъ же количествѣ

имѣется и другого мелкаго скота и разной домашней птицы до индюшекъ включительно, но никакой практической пользы ни отъ чего пермякъ не получаетъ. Коровы и слишкомъ мелки и мало удойны. Оно и не мудрено: кормятъ ихъ всю зиму яровой соломой, а весной, лѣтомъ и осенью—подножнымъ кормомъ. Что же касается сѣна, то его пермяцкія коровы не видятъ; въ зимнее время, въ добавокъ къ этому, коровъ не доятъ, такъ какъ пермянки говорятъ: «рукамъ ководно». Лѣтомъ доеніе коровъ тоже не въ лучшемъ положеніи, но это происходитъ отъ того, что скотъ пасется совсѣмъ безъ присмотра. Придетъ корова домой—подоятъ, не придетъ—искать станутъ, и не сразу-то ее найдутъ. Вообще рогатый скотъ содержится только для удобренія,—для навоза, а не какъ доходная статья. Всю мелочь: овецъ, куръ, индюковъ, утокъ, телятъ и проч. пермяки кушаютъ сами; для русскаго крестьянина такая роскошь едва ли даже понятна.

Умѣя брать для пищи вкусные продукты, пермякъ умѣетъ ихъ, въ добавокъ къ этому, еще и вкусно приготовить; однакоже грязь, грязь во всемъ его обиходѣ, грязь непролазная, грязь невѣроятная, зачастую и въ голодъ, заставляетъ непривычнаго отвернуться отъ ихъ наиболѣе лакомыхъ кушаній. Такъ, въ Юмской и Зулинской волостяхъ, Чердынскаго уѣзда, у многихъ, даже очень богатыхъ домохозяевъ бражныя корчаги совсѣмъ не моются. Брага—питье мучное и густое; чтобы оно было крѣпче, его держатъ на печкѣ. Когда вся брага на исходѣ и корчага замѣтно опустѣла, въ ту же корчагу подливаютъ вновь заготовленный растворъ, на завтра тоже и т. д. Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какое по истинѣ невѣроятное количество мухъ встрѣчается въ любой крестьянской избѣ. Вотъ эти-то мухи изо дня въ день ползаютъ по не промываемому, загрязненному липкими и тягучими остатками браги горшку. Мухи усердно несутъ свои яички въ подсыхающее и теплое тѣсто, а изъ нихъ въ самомъ непродолжительномъ времени выходятъ малюсенькіе червячки. Эти червячки быстро ростутъ, становятся прежирнѣйшими. Попали въ кружку,—ковырнулъ перстомъ, и нѣтъ досадника! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ошибской волости и кой-гдѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ скотъ по зимамъ живетъ въ жилыхъ избахъ вмѣстѣ съ хозяевами, причемъ нечистоты (какъ скота, такъ и малолѣтнихъ дѣтей) не выбрасываются до Пасхи. Зато къ первому дню Свѣтлаго Христова Воскресенія вся грязь «тщательно» выскребается лопатою. Повсемѣстно посуда не моется не только между кушаньями, но и по нѣсколько дней. Вода изъ вонючихъ кадокъ не выливается до тѣхъ поръ, пока кадка годна для своего употребленія—отстой ила и разной другой дряни бываетъ непомѣрно великъ. Умывается пермякъ больше чѣмъ рѣдко. Да и въ то время, когда онъ умывается, глядя со стороны, и не подумаешь, что онъ продѣлываетъ именно эту операцію: плеснетъ изо рта воды на руки, а съ

нихъ на лицо и—конецъ. Мыла для умыванія вовсе не употребляется и очень мало при стиркѣ бѣлья. Бѣлье носится обоими полами по долгу, а иной разъ и до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, и носится такъ отнюдь не по бѣдности; моется же во всякомъ случаѣ крайне рѣдко и въ чуть теплой водѣ. Прямыми послѣдствіями такой невѣроятной грязи являются: трахома, тифъ, чесотка и милліарды паразитовъ. Половина пермяковъ поражена въ болѣе или менѣе легкой формѣ трахомой. Кажется большаго числа слѣпыхъ, какъ здѣсь, нигдѣ не найти. У одного отъ рожденія слѣпого пермяка, женившагося на точно такой же женщинѣ, родился четвертый слѣпорожденный ребенокъ, и по закону нельзя слѣпорожденному воспрепятствовать вступать въ бракъ съ таковыми же. Не жестокъ ли законъ?

Распространенная здѣсь въ ужасающей степени чесотка не поддается описанію. Въ школахъ существуетъ правило о временномъ удаленіи чесоточныхъ дѣтей. Еслибы такое правило примѣнить къ пермяцкимъ школамъ, то всѣ онѣ должны бы и притомъ навсегда закрыться, такъ какъ нечесоточныхъ дѣтей не водится. Всѣмъ извѣстно, что лучшимъ средствомъ противъ чесотки слѣдуетъ считать чистоту; зная это, пермяки стараются соблюсти ее, но только, къ сожалѣнію, по своему. Невыносимый зудъ заставляетъ ихъ, въ концѣ концевъ, идти въ свои курныя бани, гдѣ они и парятся до одуренія. Грязныя бани грязи безъ мыла не смываютъ, а скорѣе прибавляютъ ея, хотя временно, подъ вліяніемъ жара, зудъ и стихаетъ; за то, спустя нѣсколько часовъ, чесоточный зудъ еще быстрѣе прокладываетъ свои ходы подъ размягченной жаромъ кожей и, обезумѣвшій отъ зуда, пермякъ бѣжитъ вновь париться въ баню. Мученія чесоточнаго становятся наконецъ до такой степени нестерпимыми, что больной или отправляется въ больницу за лѣкарствомъ или самъ покупаетъ себѣ въ ближайшей лавочкѣ «чесоточную мазь». Снадобье это на видныхъ мѣстахъ стали выставлять еще совсѣмъ недавно во всѣхъ магазинахъ пермяцкаго края и расходуется оно въ громадномъ количествѣ. Всѣ остальныя заразныя и эпидемическія болѣзни, разъ только онѣ заберутся въ наши мѣста, собираютъ обильную жатву. Оспенная эпидемія 1895—6 годовъ дала смертность 537 ч. только въ одной Юсьвинской волости на 348 человѣкъ родившихся въ ней за это же время. Сама борьба съ эпидеміями представляетъ немало затрудненій всегда и вездѣ, но у насъ въ пермяцк. краѣ этихъ затрудненій еще больше. Головная вошь считается пермяками за необходимую и неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка, и ими не вычесывается; наоборотъ, еслибы таковыя насѣкомыя, въ силу какихъ-то непонятныхъ условій, перевелись, то ихъ разводятъ, беря съ головы болѣе богатыхъ этими насѣкомыми. Не имѣть вшей не къ добру. При обрядѣ свадебномъ расплетенія косъ, на полу, зачастую, вшей словно пшена насыпано. А вѣдь всѣ эти свадебные обряды происходятъ

на глазахъ у всѣхъ: при молодомъ, при поѣзжанахъ, и вопіющая грязь никѣмъ не осуждается.

Начало борьбы со всякаго рода недугами начинается съ домашнихъ средствъ. Средства эти иной разъ заслуживаютъ полнаго вниманія врачей, а иной разъ они крайне наивны и весьма вредны. Къ числу домашнихъ средствъ нельзя не отнести «черъэшванъ» (вѣшаніе топора; черъ — топоръ и эшванъ — вѣсить, вѣшаніе. Къ черъэшвану прибѣгаютъ при разнаго рода недугахъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, напримѣръ: при ревматизмахъ, коликахъ, головныхъ боляхъ, сыпяхъ и т. п. все равно имѣются ли они у людей или у домашнихъ животныхъ. Собственно говоря, черъэшванъ даже и не лѣкарство, а скорѣе заклинаніе, при помощи котораго можно вполнѣ достовѣрно узнать: какой богъ или какой покойникъ «нашелъ» на больного (значитъ, недоволенъ и наказываетъ больного), кто, говоря по-пермяцки, устроилъ «мыжвисъ». Каждый святой, по пермяцкому вѣрованію, представляетъ изъ себя отдѣльнаго бога,—вотъ его-то именно и находятъ при помощи заклятія. Прежде всего, желая прибѣгнуть къ лѣченію при посредствѣ черъэшвана, берутъ «челпанъ» (коврига черваго хлѣба), кладутъ его па столъ, зажигаютъ огарокъ восковой свѣчки и ставятъ ее передъ образами; къ образамъ же кладутъ щепотку хмѣля, завязаннаго въ какую-нибудь тряпку. Всѣ эти манипуляціи носятъ названіе: «вязать черъэшванъ». Помолясь передъ образами, вяжущій черъэшванъ, беретъ съ божницы узелокъ съ хмѣлемъ и обводитъ имъ вокругъ больного мѣста или вдоль его у себя или животнаго. Если онъ занемогъ весь, то узелокъ обводится вокругъ всего тѣла и вокругъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его. Въ это же время больной читаетъ извѣстныя ему молитвы. Наконецъ больной вновь кладетъ узелокъ къ хлѣбу, гаситъ огарокъ восковой свѣчки и кладетъ ее на божницу; затѣмъ туда же кладется и лежащій до сихъ поръ на столѣ челпанъ и узелокъ съ хмѣлемъ. Все положенное остается лежать на божницѣ до слѣдующихъ сутокъ. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самимъ больнымъ. Разумѣется, если онъ ужъ черезчуръ плохъ, то тоже самое за него долженъ продѣлать кто-либо другой. По прошествіи сутокъ черъэшванъ (узелокъ съ хмѣлемъ, огарокъ восковой свѣчки и челпанъ) уносится къ черъэшванницѣ, которая принимаетъ всѣ эти вещи только у себя на дому. Если черъэшванъ принесенъ къ черъэшванницѣ рано утромъ, такъ что она до принесенія его еще не успѣла ничего ни попить, ни поѣсть, то она тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу; въ противномъ случаѣ черъэшванъ оставляется у нея до слѣдующаго утра и, принесшій его приходитъ узнавать о результатѣ на слѣдующій день. Личное присутствіе въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ. Самый обрядъ вѣшанія черъэшвана заключается въ слѣдующемъ. Черъэшванница затапливаетъ печь самымъ ран-

нимъ утромъ на тощакъ и закрываетъ ее такъ, чтобы въ печи оставались еще горящіе уголья. Затѣмъ, она беретъ изъ принесеннаго узелка огарокъ свѣчки и зажигаетъ его передъ иконами, къ образамъ же кладется и челпанъ съ хмѣлемъ, хотя чаще послѣдніе ставятся на столъ подъ образами. Продѣлавъ все это, знахарка долго и усердно молится Богу, шепча какія-то молитвы. Перебравъ ихъ, она гаситъ свѣчку и, положивъ огарокъ вмѣстѣ съ хмѣлемъ, высыпаетъ и хмѣль и огарокъ на горящіе уголья. Хмѣль при горѣніи начинаетъ слегка потрескивать. Это-то потрескиваніе и означаетъ, что, дѣйствительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то богъ «нашелъ» на больного (мыжвисъ или мыжъ). Пока въ печкѣ происходитъ сгораніе хмѣля и воска, знахарка приступаетъ къ самому важному дѣйствію—къ вѣшанію топора, приготовленному еще до молитвы. Вѣшаніе черъэшвана производится такъ: берется обыкновенный топоръ и подвѣшивается обычно къ полатямъ такъ, чтобы топорище было въ положеніи равновѣсія, т. е., чтобы топоръ висѣлъ горизонтально по отношенію къ полу. Подойдя къ подвѣшенному так. обр. топору и давъ ему время совершенно успокоиться, черъэшванница начинаетъ, все время не спуская глазъ съ топора и читая молитвы, перебирать имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, какихъ только она сама знаетъ, напримѣръ: «Элексѣя, Божьяго чевовѣка—Егвенской, Егорей—Крабвой Юсьвинской, Щипицинскій—Илья пророкъ, Кудымкорской—Микова Мивостивый» и т. д. до безконечности, пока не истощатся всѣ знакомые ей боги или же до тѣхъ поръ, пока висящій на подвѣскѣ топоръ не колыхнется. Если во время перебиранія боговъ топоръ не закачается, то знахарка начинаетъ перебирать боговъ съизнова; тоже дѣлаетъ она, когда у ней закралось сомнѣніе при имени какого бога качнулся топоръ, хотя въ послѣднемъ случаѣ она повторяетъ только имена боговъ, введшихъ ее въ сомнѣніе, а въ первомъ случаѣ всѣхъ. Перебирая имена во второй разъ, она произноситъ ихъ значительно рѣже, съ паузами. Тотъ богъ, при имени котораго качнулся топоръ и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебенъ, чтобы онъ не только теперь, но и впередъ не «находилъ». Послѣ такого молебна болѣзнь должно какъ рукой снять. Иногда бываетъ и такъ, что топоръ и не думаетъ качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство съ точностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что болѣзнь происходитъ не отъ бога, а отъ кого-либо изъ покойныхъ родственниковъ больного. Удостовѣряясь такимъ образомъ въ невиновности боговъ, черъэшванница начинаетъ перебирать имена покойныхъ родственниковъ больного, и если топоръ качнулся на чьемъ-либо имени, то это уже ясно означаетъ, за кого изъ родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этимъ путемъ избавиться отъ нежелательныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ вниманія покойника. Бываетъ иногда и такъ, какъ ни старается черъэшванница, сколько разъ ни перебираетъ она

имена святыхъ и покойной родни, а топоръ всетаки не качается, тогда она начинаетъ задабривать и боговъ, и покойниковъ усиленными просьбами и обѣщаніями. Въ этихъ случаяхъ знахарка, помимо молебна или поминанья, обѣщаетъ поставить «нашедшему» свѣчу въ длину больного мѣста (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обвернуть одинъ или два раза вокругъ больного мѣста (головы, туловища, шеи). Въ иныхъ случаяхъ обѣщаютъ сдѣлать прикладъ въ церковь (дать въ церковь холста, льна и т. п.). Когда знахарка узнаетъ имя напавшаго бога (объ мыжѣ), она сообщаетъ объ этомъ больному. Узнавши, какой именно богъ или покойникъ напалъ на него, онъ старается, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, т. е. исполнить обѣщаніе черъэшванницы, и так. обр. ублаготворивъ бога, выздоровѣть самому. Такъ какъ огромныя свѣчи ставить неудобно, то таковыя обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. Въ церквахъ нерѣдко можно видѣть такія свѣчи. Свѣчи эти дѣлаются всегда изъ желтаго, домашняго, не отбѣленнаго воска и рѣзко цвѣтомъ и формой отдѣляются отъ обыкновенныхъ церковныхъ свѣчъ. Принесенный отъ больного челпанъ съ воткнутой въ него какой-либо мелкой монетою остается въ награду за труды черъэшванницѣ. Всѣ знахарки, занимающіяся этимъ дѣломъ, пользуются у пермяковъ полнымъ уваженіемъ; какъ люди, сподобившіеся откровеній, онѣ никогда не остаются безъ щедрыхъ подаяній и посильныхъ наградъ отъ исцѣленныхъ при ихъ содѣйствіи паціентовъ. По большей части дѣломъ этимъ занимаются или сироты или вдовы, словомъ народъ бѣдный.

Помимо черъэшвана у пермяковъ масса лѣкарствъ, получаемыхъ ими отъ вѣжливцевъ (колдуновъ). Средства эти въ большинствѣ случаевъ самыя невинныя, самыя безобидныя. Особеннымъ почетомъ и особенною славою пользуются тѣ знахари, которыхъ слѣпая судьба наградила громовою стрѣлою. Судьба такихъ людей вполнѣ обезпечена. При лѣченіи мелкихъ болѣзней, такіе счастливцы шепчутъ какія-нибудь молитвы на воду, налитую въ чашку по знаменитой громовой стрѣлѣ, и этой водой поятъ или натираютъ больного. При болѣе серьезныхъ заболѣваніяхъ, въ воду соскабливается чуть-чуть самой громовой стрѣлы. Само собой разумѣется, что въ случаяхъ смерти никто и не подумаетъ обвинять въ этомъ вѣжливца. Не всѣ однакоже средства такъ безобидны.

Однимъ изъ особенно славившихся знахарей былъ нѣкто Николай, крестьянинъ Егвинской волости, долгое время служившій въ должности церковнаго сторожа и еще совсѣмъ недавно почившій въ церковной сторожкѣ отъ каждому извѣстныхъ послѣдствій сельскаго праздника. Слава о немъ прямо-таки гремѣла, и къ нему пріѣзжали лѣчиться за нѣсколько десятковъ верстъ. Способовъ для излѣченія больныхъ у него было весьма много, и нѣкоторые изъ нихъ

нельзя не признать оригинальными. Вотъ одинъ изъ нихъ. Какъ-то позднею осенью въ самую гололедицу одинъ и по нынѣ здравствующій крестьянинъ отправился за сѣномъ; сдѣлавъ свое дѣло, онъ залѣзъ на возъ и, понукнувъ лошадь, заснулъ, а возъ-то, какъ на грѣхъ, и угораздило опрокинуться. Грянулся мужикъ на землю прямо головою, свихнувъ себѣ шею. Посмотрѣлъ на него вѣжливецъ Николай, покачалъ головой, крикнулъ разъ-другой и велѣлъ ему раздѣться. Самъ же вышелъ изъ избы на дворъ, взялъ оттуда здоровое полѣно, принесъ его въ избу, розыскалъ два трехъ-вершковыхъ гвоздя и ими прибилъ конецъ полѣна къ лавкѣ. Николай положилъ на лавку больного, крѣпко прикрутилъ его къ ней, предварительно связавъ на груди руки. Надо замѣтить, что полѣно было прибито такъ, что приходилось какъ разъ противъ шеи, но съ противуположной вывиху стороны, т. е. съ лѣвой. Покончивъ съ больнымъ, Николай взялъ крѣпкое, новое, деревенской работы, полотенце и, сдѣлавъ изъ него петлю, захватилъ этой петлей голову больного, а затѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики и мольбы жертвы, притянулъ голову за свободный конецъ полотенца къ полѣну и, обмотавъ конецъ за свободную часть полѣна, оставилъ больного полежать часикъ-другой. Когда больного отвязали, то оказалось, что средство подѣйствовало слишкомъ сильно: голова съ правой стороны плеча перекочевала на лѣвую. До сихъ поръ никто изъ многочисленныхъ паціентовъ Николая не можетъ сказать, какъ это случилось, что онъ не могъ потрафить. Правда Николай предлагалъ больному исправить, и даже безплатно, свою ошибку, да тотъ ни за что объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Упрямаго человѣка конечно, лѣчить трудно, зато и до сихъ поръ ходитъ онъ съ головой, свернутой на лѣвую сторону.

При оспѣ ребятъ, даже только что увидѣвшихъ свѣтъ, по разу, а то и по два раза въ день носятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ и подпариваютъ (почти также лѣчатъ и сифилисъ, давая при этомъ больнымъ сулему или внутрь, или при посредствѣ подкуриванія). Въ домѣ, гдѣ появился больной, съ перваго же дня заболѣванія и до конца болѣзни не только не моютъ, но и не метутъ половъ; курить въ это время въ избѣ безусловно воспрещается, «чтобы не осердить оспицу». Очевидно, и оспица принадлежитъ къ категоріи боговъ или духовъ. Лѣчимый так. обр. ребенокъ все время находится или въ страшномъ банномъ жару, или въ промозглой, вонючей и до нельзя грязной избѣ, постоянно охватываемый струями холоднаго (въ зимнее время) воздуха, врывающимися въ постоянно отворяемыя и затворяемыя двери. Всякое желаніе оспеннаго больного удовлетворяется, разъ только это представляется возможнымъ. Послѣдствія такого лѣченія оспенныхъ ужасны: нѣкоторыя деревни остались совсѣмъ безъ малолѣтнихъ. Сами пермяки называютъ эту болѣзнь «божья милость». Больныхъ, быть можетъ въ виду такого высокаго

происхожденія этой болѣзни, по возможности скрываютъ, такъ какъ пермяки свято вѣрятъ, что стоитъ только начать лѣчить, и «оспица» осердится.

Лѣкарство отъ запоя представляетъ изъ себя, по своей отвратительности, не только нѣчто невозможное, невѣроятное, но и то, о чемъ громко говорить не принято. Когда у напившагося до потери сознанія начинаетъ наступать плачевное положеніе, т. е., когда онъ начинаетъ горѣть отъ вина (острое отравленіе алькоголемъ), тогда ему ложкою или лезвіемъ ножа раскрываютъ крѣпко стиснутые зубы и мочатся прямо въ ротъ, пока его не стошнитъ. Эта-то тошнота—убѣжденъ пермякъ—и спасаетъ больного отъ неминуемой смерти.

Всякаго рода наговоры, заговоры играютъ въ пермяцкой жизни большую роль, чѣмъ настои изъ травъ и сами травы. Если внимательно присмотрѣться къ жизни пермяка, то нельзя не увидѣть того, что эти христіане не смѣютъ и шагу сдѣлать безъ указанія вѣжливца. Сами колдуны крѣпко хранятъ свои тайны и только случай помогаетъ узнать эти секреты—«кабалы». Кабала въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ прошеніе, а такъ какъ это прошеніе пишется и подается лѣсному царю, то подъ понятіемъ «кабала» разумѣется прошеніе къ лѣсному царю. Пишется оно въ экстренныхъ случаяхъ, когда у мужика теряется лошадь или другая крупная скотина заблудится въ лѣсу. Въ этихъ случаяхъ, потерявшій идетъ къ вѣжливцу и сообщаетъ ему о своемъ несчастіи. Колдунъ беретъ кусокъ бересты и, если онъ неграмотенъ, что почти всегда бываетъ, то чертитъ на берестѣ углемъ отъ правой руки къ лѣвой какія-то непонятныя каракульки, говоря въ слухъ въ то же самое время, что именно онъ пишетъ. По словамъ г. Теплоухова, грамотный колдунъ пишетъ свою кабалу также, но притомъ пишетъ буквы на выворотъ, такъ что кабалу можно прочесть лишь тогда, когда ее переписать на бумагу и читать съизнанки, т. е. на просвѣтъ [1]). Здѣсь приведу тексты кабалы какъ Теплоуховской, такъ и моей (см. рисунки ихъ). Въ обоихъ кабалахъ большое сходство. Прошеніе въ Теплоуховской кабалѣ гласитъ слѣдующее: «Лѣсному царю Митрофану Митрофановичу, прошеніе на лошадь; потеря же стала. У насъ же лошадь сивая и рублей пятьдесятъ стоитъ; чистое раззореніе намъ пришло. У насъ лошадь вы отпустите добровольно, лѣсной ты царь, Митрофанъ Митрофановичъ. Мы прокуды ничего тебѣ не думали сдѣлать, а ты намъ сдѣлалъ. Пожалуста, намъ отпусти лошадь; за чертой ты у насъ никуда не пошелъ (?). Если ты да не отпустишь, мы будемъ тебя то же безпокоить, другое прошеніе писать. На этой сторонѣ у насъ лошадь жила, должна быть у васъ въ рукахъ. Есть у васъ ваша дорога своя, а крестьянская у насъ особенная, куда лошадь пошли. Если ты добровольно отпустишь, мы будемъ тебя подарить. Такъ вы это отпустите пожалуста намъ...» [2]).

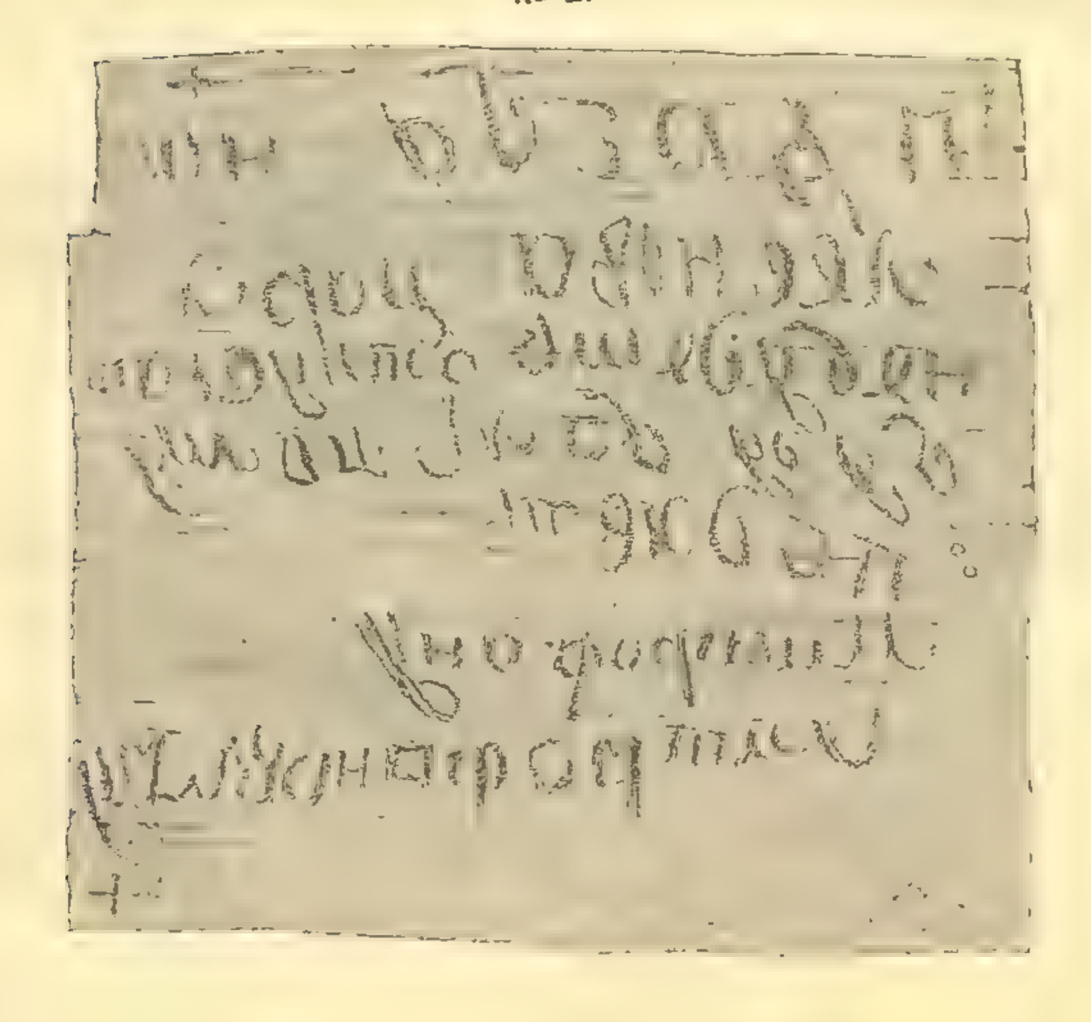
[1]) Ниже я укажу, почему я не вѣрю этому разъясненію г. Теплоухова.
[2]) Соч. Ф. А. Теплоухова. Кабала. Пермь. 1895 г.

Кабала, принадлежащая Ф. А. Теплоухову.

№ 1.

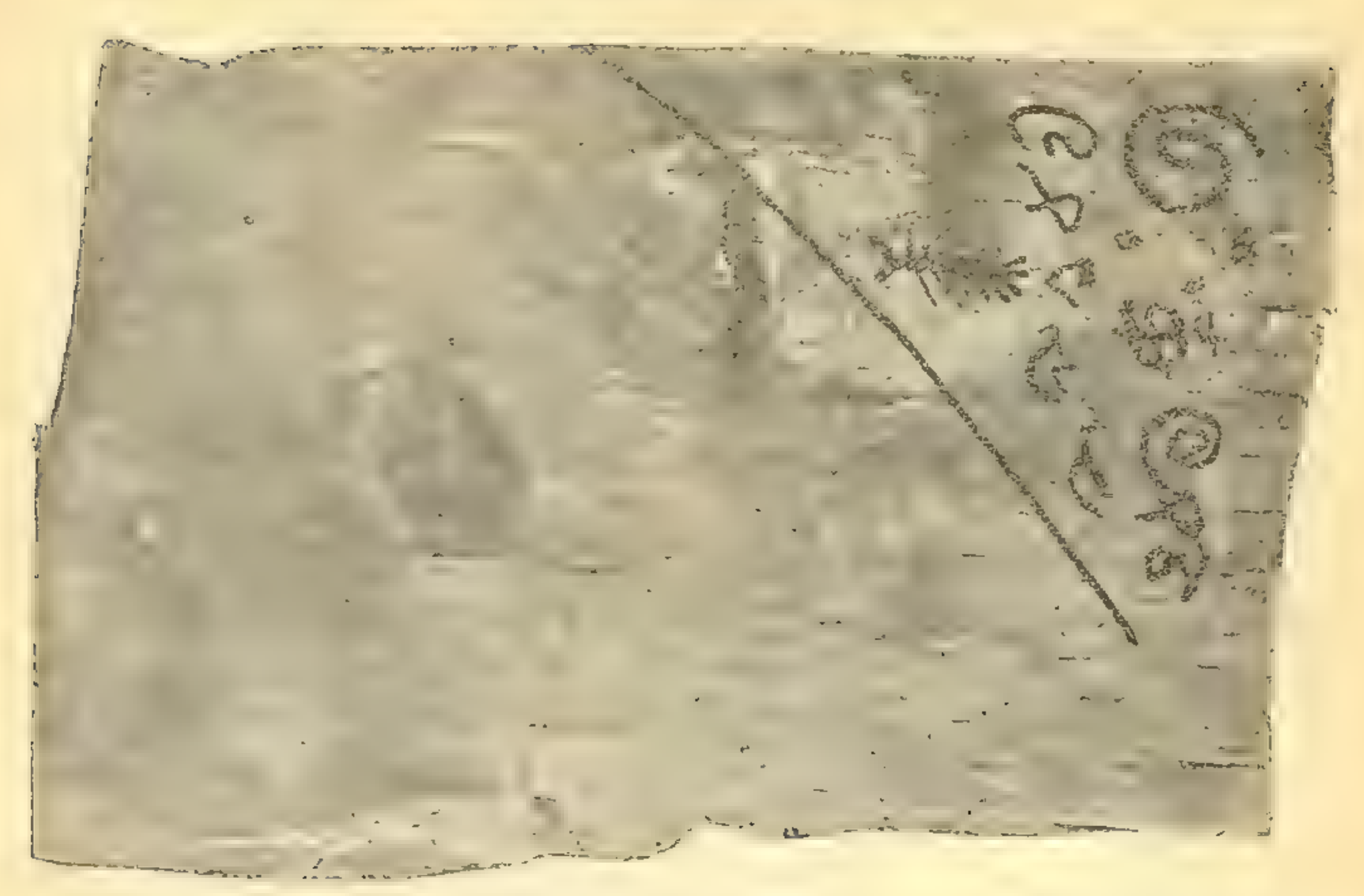

№ 2.

Кабала, принадлежащая В. М. Яновичу.

№ 1 (писана углемъ).

№ 2 (писана гвоздемъ).

Экземпляръ моей кабалы написанъ человѣкомъ безусловно неграмотнымъ и означаетъ слѣдующее: «На потерю лошади—лѣсному царю просьбу; гдѣ у насъ находится лошадь, 50 рублей стоитъ; быть тобы у васъ? Дайте намъ добромъ, мы бы вамъ жеваемъ поднести $^1/_4$ водки, да рыбный пирокъ. На это вы не согласны, то иначе. . . . . Дорога (на самой кабалѣ въ это время производилась черта и на ней рисовалась елка) наша. Ежели вы добромъ не даете, мы станемъ съ вами ссорится».

Кабала пишется всегда въ двухъ экземплярахъ, одна гвоздемъ, другая углемъ. Написанная гвоздемъ, сжигается въ печкѣ самимъ подателемъ прошенія, а другая, написанная углемъ, подается непосредственно лѣсному царю [1]). Самая подача прошенія лѣсному царю производится такъ. Знахарь вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ, отправляется въ лѣсъ, въ которомъ, по мнѣнію потерявшаго, заблудилась скотина. Здѣсь на перекресткѣ двухъ лѣсныхъ тропокъ знахарь передаетъ кабалу черезъ лѣвое плечо своему спутнику. Получившій кабалу или кладетъ ее на какой-нибудь пень или прямо бросаетъ въ кусты; и то и другое онъ дѣлаетъ лѣвой рукой. Прочтя описаніе обоихъ кабалъ, вы видите, что какъ въ той, такъ и въ другой, находится обѣщаніе со стороны подателя отдарить лѣсного царя, причемъ въ экземплярѣ моей кабалы даже указано, чѣмъ и въ какомъ размѣрѣ. Очевидно, мой вѣжливецъ былъ болѣе практичнымъ. Оно и немудрено—ему въ это время было около 65 лѣтъ. Если скотина дѣйствительно отыскивается или, проплутавъ нѣсколько дней, сама выберется изъ лѣсу и придетъ домой, то писавшій кабалу обязанъ въ точности исполнить свое обѣщаніе и принести на то мѣсто, гдѣ было имъ оставлено прошеніе, обѣщанное угощеніе. Почти всегда въ ту же ночь, какъ исполненъ обѣтъ, принесенные дары таинственно исчезаютъ, съ ними же вмѣстѣ исчезаетъ и поданное лѣсному царю прошеніе. Вотъ главнѣйшая причина, по которой почти нельзя найти кабалу въ лѣсу. Стоитъ ли говорить, что знахарь зорко слѣдитъ за исполненіемъ обѣщанія и умѣетъ использовать дары лѣсного царя. Въ случаѣ неуплаты (подобные случаи рѣдки), тѣ же знахари, воспользовавшись первою оплошностью мужика, угонятъ его скотину снова въ лѣсъ, но уже такъ, что ее никогда не увидитъ ни самъ крестьянинъ, ни его родня. Почешетъ тогда пермякъ свою голову и рѣшитъ: «за дѣло наказалъ меня лѣсной царь—я обманулъ его»! Выдать кабалу кому-нибудь въ руки не рѣшится почти ни одинъ знахарь. Во-первыхъ, это ему не выгодно; во-вторыхъ, хотя онъ и обманываетъ народъ, но самъ тоже въ существованіе лѣсного царя вѣритъ и по-

---

[1]) Это обстоятельство, очевидно, неизвѣстное г. Теплоухову, и ввело его въ заблужденіе, заставивъ думать, что у него не одна, а двѣ кабалы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ или одну полную кабалу (какъ я) или, что̀ мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, только половину ея, такъ какъ другая ея половина крайне подозрительна.

бапвается его и, въ третьихъ, остальные вѣжливцы, узнавъ о поступкѣ его, могутъ не только побить, но и убить его, какъ нарушителя ихъ профессіональной тайны. Найти самую кабалу въ полномъ ея видѣ невозможно: первая ея часть сжигается въ печкѣ, вторая же ея половина, оставленная въ лѣсу или уносится современемъ самимъ знахаремъ, или же первый дождь смываетъ съ бересты знаки угля. Да и гдѣ найти кусочекъ бересты въ вѣковомъ лѣсу?

Въ экземплярѣ Теплоуховской кабалы стоитъ знакъ вопроса, поставленный самимъ авторомъ, послѣ словъ: «за чертой ты у насъ никуда не пошелъ». Попытаюсь разъяснить его недоумѣніе. Подъ чертой, на концѣ которой или по срединѣ которой рисуется елка, подразумѣвается «лѣсная дорога». Подъ выше приведенной фразой надо разумѣть слѣдующее: «лошадь наша была не за чертой лѣсной дороги, у тебя есть своя дорога, есть и у насъ своя крестьянская, на ней-то и была лошадь; а разъ дѣло было такъ, то и ты невправѣ переходить за черту своихъ владѣній». Кабала, имѣющаяся у г. Теплоухова, представляется мнѣ правильной только въ ея первомъ изображеніи: вторая же, какъ написанная слишкомъ грамотно для тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ она доставлена, можно счесть за поддѣльную. Судите сами: можетъ ли и хорошо грамотный человѣкъ—безъ очень долгой практики—писать буквы на выворотъ, да еще съ лѣвой стороны къ правой. Любопытно было бы знать: обѣ ли кабалы г. Теплоухова написаны углемъ или же одна углемъ, а другая гвоздемъ. Если обѣ писаны углемъ, то одна изъ нихъ—и несомнѣнно грамотнѣйшая—поддѣльна; если же нѣтъ, то можетъ быть я и неправъ, т. е., что у г. Теплоухова имѣются обѣ части кабалы и притомъ съ совершенно иными знаками, чѣмъ у той, что пріобрѣтена мною [1]).

Собственно кабала состоитъ изъ талона и квитанціи. Кабалу, писанную углемъ, иначе какъ квитанціей и не назовешь: вѣдь она служитъ только для опредѣленія мѣста, куда лѣсному царю за его добропорядочность принесутъ дары; талонъ же поступаетъ къ нему въ видѣ дыма. Достать всю кабалу можно только путемъ обмана, да и то не сразу. Такъ, я досталъ свою только при посредствѣ услужливаго человѣка, который, упросивъ колдуна написать кабалу на его въ то время дѣйствительно заблудившуюся лошадь, послѣ написанія напоилъ его до безчувствія, и въ это время благополучно скрылся съ кабалою. Выкинуть эту штуку доставившій, однако же, рѣшился только потому, что черезъ нѣсколько дней долженъ былъ оставить Ошибскую волость навсегда. Также случайно, какъ удостовѣряетъ авторъ, досталась кабала и г. Теплоухову.

---

[1]) Случай доставилъ мнѣ возможность убѣдиться въ справедливости моего предположенія. Колдунъ, писавшій кабалу г. Теплоухову, абсолютно неграмотный—бѣлый царь изъ Ошибской волости, по фамиліи Власовъ.

Роль знахарей не ограничивается писаніемъ кабалъ и черъэшваномъ. При описаніи крестинъ, свадебъ, похоронъ и вообще еще часто придется съ ними сталкиваться.

Перейдемъ къ описанію типа пермяковъ и ихъ одежды. По наружному виду, пермякъ чаще средняго роста и сложенія; онъ блондинъ или брюнетъ; послѣднихъ больше и лишь изрѣдка попадаются рыжіе. Глаза небольшіе, узенькіе, монгольскаго типа; у нѣкоторыхъ же субъектовъ прямо-таки не глаза, а щели. Между пермяками довольно нерѣдки случаи альбинизма, т. е. находятся люди съ красноватымъ зрачкомъ. Такой субъектъ имѣетъ замѣчательно бѣлые волосы, почему и называется «бѣлый царь». Люди эти видятъ днемъ очень слабо, и они всегда идутъ, прикрывая глаза рукой и прищуриваясь насколько возможно. Какъ пермяки, такъ и пермянки сильно скуласты. Растительность на бородѣ и усахъ развита весьма слабо, у многихъ ея почти нѣтъ. Пермяцкая одежда не затѣйливая. Женщины носятъ на головѣ шамшуры (родъ нашего очипка) и поверхъ обвертываютъ платкомъ или шалью. Поверхъ исподней рубахи надѣвается дубасъ (среднее между юбкой и сарафаномъ) изъ домашняго синяго холста, поверхъ его фартукъ, чаще полосатый, на шеѣ накинутъ платокъ, а талію охватываетъ покромка (поясокъ)—почти всегда домашней работы—красный или какой-либо другой съ кистями на концахъ. Ноги тщательно и довольно высоко обернуты онучами и обуты въ лапти. Пермяцкій лапоть отличается отъ русскаго тѣмъ, что онъ обшитъ опушкою изъ какой-либо матеріи, къ которой пришиты двѣ покромки; этими покромками придерживаются какъ сами лапти, такъ и онучи. Неимѣніе опушней и покромокъ на лаптяхъ — признакъ дурного тона и встрѣчается или у записного лѣнтяя или у пьяницы. Поверхъ этой одежды одѣвается лѣтомъ синій холщевый шабуръ (пальто), а зимой шерстяной зипунъ; кто побогаче—носитъ и шубу. Мужская одежда, кромѣ обыкновеннаго, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ, платья, состоитъ еще зимою изъ холщевой накидки, представляющей изъ себя нѣчто вродѣ длиннаго фартука съ разрѣзомъ на груди, съ рукавами и широкимъ лоскутомъ, вродѣ матросскаго воротника, сзади. Этотъ фартукъ называется пермяками запономъ; запонъ всегда или бѣлаго или синяго цвѣта. Шапки лѣтомъ круглыя, войлочныя, киргизскаго образца, а зимой большія, самодѣльныя изъ овечьей шерсти. Рукавицы изъ собачьей или волчьей шкуры, огромныя и очень теплыя. Почему-то у пермяковъ даже и очень богатыхъ мало исподняго платья, да и дѣлается оно до-нельзя узкимъ. Послѣднее неудобство особенно сильно чувствуется пермянками. Случается, что во время беременности рубаха у нихъ становится настолько узкой, что ее приходится разрывать отъ груди до подола. Иначе пермянка никакъ не одѣвается, и ходитъ тогда бѣдняга въ такой рубахѣ въ зимнюю стужу, едва защищенная отъ нея своимъ жалкимъ и, зачастую, сплошь изодраннымъ дубасомъ.

Отдѣльныя части одежды называются лопотью, лопотиною; вся же одежда и бѣлье, и холсты—словомъ, все имущество—хламомъ. «Мужъ изодрава всю попоть», говоритъ пермянка, когда у ней ея благовѣрный издеретъ одежду. «Весь хвамъ чисто-чисто и рубива»,—плачетъ она, когда пьяница-супругъ испортитъ все ея имущество. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ свои рубахи по-долгу, а порой попадаются и такіе любители, что не снимаютъ ея до тѣхъ поръ, пока она не спадетъ совсѣмъ съ плечъ. Сколько въ такихъ рубахахъ всякаго звѣрья, объ этомъ и говорить не стоитъ. Ребятъ одѣваютъ совсѣмъ попросту и у иныхъ, совсѣмъ еще малютки, бѣгаютъ не только лѣто, но и осень и даже зиму въ одной длинной рубашенкѣ сомнительной цѣлости. Повидимому, нигдѣ такъ не любятъ дѣтей, какъ среди пермяковъ, правда—по инымъ основаніямъ. Нигдѣ не встрѣтить такого множества пріемныхъ дѣтей и воспитанниковъ, какъ среди пермяковъ. Пріемышей много даже и въ такихъ семьяхъ, гдѣ бы, казалось, не только принимать, а скорѣе отдавать слѣдовало. Пермякъ не дѣлаетъ различія между родными и пріемными дѣтьми и, взростивъ ихъ совершенно одинаково, надѣляетъ изъ благопріобрѣтеннаго какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Бытовая черта замѣчательно гуманная. Если пермяки такъ любятъ дѣтей, то откуда же берутся воспитанники и воспитанницы?

Здѣсь вы встрѣчаете людей съ слишкомъ упрощеннымъ взглядомъ на жизнь. Понятія о ц ѣ л о м у д р е н н о с т и почти здѣсь совсѣмъ не существуетъ; непрочны и устои семейной жизни. Несомнѣнно только одно: пермяки съ особеннымъ удовольствіемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ дѣтей, или находящихся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и не вполнѣ довольны дѣвушками еще непорочными. «Еще когда своего наживешь—говоритъ пермякъ—а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и борноволокъ есть (ребенокъ, управляющій лошадью во время боронѣнья)». Братъ моего кучера долго искалъ дѣвушку съ ребенкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, на сносяхъ. Наконецъ, судьба, повидимому, сжалилась надъ нимъ: подходящая дѣвушка нашлась. Предложеніе было сдѣлано, и родители были согласны выдать дочь, но родившагося у дочери во время переговоровъ ребенка (дѣвочку) категорически отказываются отдать. «Жениться—женись и дѣтей наживай, а эта на нашихъ хлѣбахъ выгулялась». Мнѣ какъ-то пришлось корить одну мать, пустившую свою дочь на гульбу въ болѣе чѣмъ юномъ возрастѣ. «Вѣдь она ребенокъ еще», говорю я матери.—«А когда и погулять-то, какъ не смолоду», отвѣчала она. Рѣдкая дѣвушка выйдетъ замужъ за того парня, отъ котораго имѣетъ ребенка: «не видала я его, что-ли», говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Родители, по свидѣтельству одного изъ мѣстныхъ этнографовъ, Рогова, перваго бытописателя пермяковъ, убѣждены, что если сватаются за дочерей ихъ, то, вѣроятно, онѣ по крайней мѣрѣ въ мнѣніи общества, уже потеряли дѣвство. Потому-то нѣкоторые отцы, считая дочерей

своихъ невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ, выгоняютъ, нерѣдко колотятъ сватовщиковъ, приговаривая: «что разь (т. е. развѣ) дочь моя пенна (отъ слова пеня, пенный—виновный), что пришелъ ты сватать»? Неимѣніе дѣтей для замужней женщины большое несчастіе; ее бьютъ и корятъ всѣ въ домѣ, а иной разъ и посылаютъ прямо-таки пригулять дитя на сторонѣ. Въ одномъ изъ мѣстныхъ волостныхъ судовъ было такое дѣло. Истецъ представилъ документъ, которымъ нижеподписавшіеся ставили условіе: истецъ отдаетъ отвѣтчику на годъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, по истеченіи срока, представилъ ее обратно съ мальчикомъ; въ вознагражденіе за исполненіе условія истецъ платитъ нынѣ же отвѣтчику пять рублей. По истеченіи условнаго времени оказалось, что отвѣтчикъ хотя и возвратилъ истцу его жену и даже съ ребенкомъ, но не мужского, а женскаго пола. Истецъ, въ виду нарушенія договора найма, проситъ присудить деньги обратно. Отвѣтчикъ не признавалъ этого иска, такъ какъ онъ старался выполнить условіе. Стороны помирились. Какъ плохо смотрятъ на честныхъ дѣвушекъ, показываетъ слѣд. совсѣмъ недавній фактъ. Къ одному изъ земскихъ начальниковъ пришла какъ-то молодая женщина пермячка съ просьбой о выдачѣ ей отдѣльнаго вида на жительство, въ виду того, что мужъ безпощадно бьетъ ее и жить ей совмѣстно съ мужемъ невозможно.— «За что же бьетъ онъ тебя. Вѣрно сама нехорошо себя ведешь», — спрашиваетъ ее земскій. — «Именно за то и бьетъ, батюшка, что сызмала себя хорошо держала».—«Какъ-такъ»?—«Да ужъ такъ. Честная я за него вышла, вотъ онъ теперь меня коритъ: даже въ дѣвкахъ была—никто на тебя не позарился; одинъ только я такой дуракъ и нашелся». На увѣщанія одного изъ священниковъ жить нравственнѣе одинъ почтенный старикъ отвѣтилъ: «да вѣдь мы, батюшка, и такъ по-божьи живемъ; вѣдь Богъ-то плодиться велѣлъ, вотъ мы и плодимся, какъ умѣемъ»! Не удивительно, поэтому, что въ семьѣ пермяка рѣдко бываетъ тишь да гладь. Всѣ семейные устои расшатаны, взаимнаго уваженія и довѣрія нѣтъ и въ поминѣ. Понятія же о чистой, такъ облагораживающей семейную жизнь, любви не существуетъ даже на языкѣ пермяцкомъ. Семейныя отношенія среди пермяковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощеніе отъ ранней и крайне развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ предродовой и послѣродовой періоды, тяжелая работа— все это немало способствуетъ измельчанію народа. Мужчины бьютъ женщинъ сильно, бьютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Жаловаться не приходится: бьютъ, вѣдь, свои домашніе; пожалуешься—еще и не такъ вздуютъ. Собственно сильныхъ побоевъ, по мнѣнію бьющихъ, не наносятъ. «Да нешто я билъ; я только ее съ полатей варовыми вожжами хлестнулъ», говоритъ супругъ, по поводу причитаній нѣжной супруги. Вообще въ дѣлахъ семейной расправы пермяки отличаются замѣчательной жестокостью, доходящей иногда до варварства. Въ силу

того, что женщина въ семьѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, что на нее смотрятъ лишь какъ на самку, ей, какъ самкѣ, приходится выносить многое. Сожительство между родственниками сильно распространено среди пермяковъ. Снохачество—явленіе совсѣмъ заурядное; братья часто отбиваютъ женъ у своихъ братьевъ; нерѣдкость даже прижитіе дѣтей отъ родныхъ сестеръ; бываютъ случаи и сожительства сыновей съ матерями и дочерей съ отцами. Случаи послѣдняго рода, конечно, немало способствуютъ вырожденію народа.

II.

Родины.—Крестины.—Свадебные обряды.—Угощеніе (столы, пельняннь).—Похороны.—Поминки.—Душа покойнаго.—Заговоры отъ сглазу.

Изъ дней особенно знаменательныхъ въ человѣческой жизни и особенно чтимыхъ всѣми и вездѣ, какъ именины и день рожденія, эти дни у пермяковъ наименѣе чтятся.

Родины сами по себѣ занимаютъ послѣднее мѣсто; на нихъ смотрятъ небрежно. Заболѣвшую бабу уводятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ на полу бросаютъ свѣжей соломы, а на нее кладутъ роженицу. Къ больной приглашаютъ одну или двухъ старушекъ; иной разъ и больше; онѣ помогаютъ роженицѣ. Если, по мнѣнію этихъ лицъ, роды затягиваются слишкомъ долго, то онѣ начинаютъ мять бабѣ животъ, трясутъ ее, приподнимая то за ноги, то за руки и подвѣшиваютъ къ полку. Подвѣшиваніе производятъ или за руки, если ребенокъ идетъ правильно, или за ноги, когда ребенокъ идетъ неправильно. На совѣсти бабушекъ много не только вольныхъ, но и болѣе тяжкихъ грѣховъ. Помимо чисто физической помощи, бабушки помогаютъ родильницѣ и употребленіемъ средствъ симпатическихъ. Къ таковымъ для облегченія родовъ относятся: расплетеніе волосъ у больной, испугъ ея и просьба, если только близко церковь, отворить царскія врата. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, мать или сама, если въ силахъ, или при помощи бабушекъ моется и парится, равно какъ обмываетъ и паритъ ребенка. Одна изъ бабушекъ въ тоже время отправляется къ рѣчкѣ или ключу и, зачерпнувъ тамъ пригоршнею воды, которую непремѣнно черпаетъ не противъ теченія, а по теченію, спускаетъ ее по локтю въ туясъ (ведерко изъ бересты). Приэтомъ она нашептываетъ: «какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держитесь». Такимъ образомъ черпается воды тридевять горстей (т. е. три раза по девяти), которыя считаются всегда съ отрицаніемъ, какъ говорится, «сзади»: «не одна, не двѣ, не три, не четыре» и т. д. до девяти. Заполучивъ такъ воды, бабушка беретъ ее въ ротъ и спрыски-

ваетъ ею съ березоваго уголька (черезъ уголь) какъ родильницу, такъ и новорожденнаго; послѣднему иногда на темя кладутъ немножко соли. Все это продѣлывается отъ «уроковъ»—отъ сглазу. Въ силу уроковъ вѣрятъ далеко не одни крестьяне пермяки, а и люди интеллигентные. Новорожденнаго, затѣмъ, приносятъ въ избу и передаютъ отцу, который и укладываетъ его въ люльку; роженицу же, напоивъ и накормивъ, оставляютъ въ покоѣ. Въ ближайшій праздничный день новорожденнаго несутъ въ церковь крестить. Здѣсь, послѣ обѣдни батюшка нарекаетъ одно имя для всѣхъ мальчиковъ и одно для всѣхъ дѣвочекъ, принесенныхъ къ крещенію. Отсюда иногда происходятъ недоразумѣнія. Имя, даваемое ребятамъ, чаще всего то, память чьихъ святыхъ чтится въ день крещенія. Оно бываетъ иной разъ слишкомъ мудренымъ, и кумъ или кума, возвращаясь съ ребенкомъ обратно домой, или забываютъ его или просто путаютъ. Иногда суровые батюшки даютъ незаконнорожденнымъ совсѣмъ мудреныя имена, якобы въ наказаніе и назиданіе другимъ. Никакихъ празднествъ ни при рожденіи, ни при крещеніи не происходитъ, развѣ если къ случаю этому попала рыба, такъ испекутъ для кума и кумы рыбный пирогъ. Крестныхъ отца и мать и крестники, и крестницы почитаютъ иной разъ не только не меньше, но и больше своихъ родителей. Малютокъ кормятъ, если только представляется хоть сколько-нибудь возможнымъ сами матери, подбавляя молока изъ соски, а также браги, а чуть-чуть постарше, такъ съ полугода, переходятъ и на хлѣбъ. Какъ только малышъ всталъ на ноги, заботы о немъ покончились. Онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно и быть, гдѣ только пожелаетъ. Да и раньше-то уходъ невеликъ: совсѣмъ маленькій ребенокъ лежитъ въ своей люлькѣ на разномъ хламѣ и лишь изрѣдка, когда разревется не въ мѣру, укачивается въ ней кѣмъ-либо изъ семьи. Никакой одежды младенцамъ не полагается, и даже въ церковь ихъ приносятъ завернутыми въ материнскія, порой крайне грязныя, юбки. Завертываютъ, какъ попало и въ тоже время не обращая никакого вниманія ни на крики, ни на поведеніе дитяти, матери бываютъ иногда виновницами ужаснѣйшей смерти своихъ дѣтей (напр., во время мороза). Съ достиженіемъ дѣтьми семилѣтняго возраста ребятъ начинаютъ учить. Вопросъ объ обученіи поставленъ въ настоящее время хорошо, жаль лишь одного—школъ не хватаетъ.

Именины празднуются у пермяковъ очень рѣдко. Оно и неудивительно: мало кто знаетъ, когда онъ именинникъ, и этотъ день для нихъ положительно безразличенъ. Развѣ тотъ, кто видалъ, какъ въ другихъ мѣстахъ празднуютъ «ангела», напьется по этому случаю до-пьяна, предварительно сходивъ въ церковь, но, это бываетъ слишкомъ рѣдко.

Совсѣмъ не ту картину представляютъ свадебные обряды: они и замысловаты и своеобразно пышны. Свадьбы устраиваются чаще всего самими

родителями; вкусы жениха и невѣсты положительно игнорируются. Намъ извѣстенъ случай, гдѣ жениха, не пожелавшаго было жениться на избранницѣ родителей, преизрядно выдрали, а затѣмъ и женили въ тотъ же операціонный день. О томъ же говоритъ и пермяцкая пѣсня:

Безъ меня, меня жонили,
Я на мельничѣ былъ.
Пріѣзжаю я домой,
Меня жавуютъ жоной.

Женятъ пермяковъ чаще всего въ самомъ раннемъ возрастѣ. Зато жены для нихъ берутся иной разъ не на одинъ десятокъ лѣтъ постарше—отгулявшія свою волюшку. Поэтому, чуть не каждый пермякъ, какъ только стукнетъ ему лѣтъ тридцать—сорокъ, т. е. какъ только онъ станетъ въ разцвѣтѣ силъ, становится обладателемъ препочтеннѣйшей старушки, которая, въ силу причинъ естественныхъ, дѣлается и безусловно вѣрнѣйшей супругою. На нравственной сторонѣ семейной жизни такое положеніе вещей не можетъ не отзываться печально. Ранніе браки имѣютъ за собой только одно объясненіе: взять въ домъ, какъ можно скорѣе, здоровую работницу. Рѣдкій бракъ заключается безъ посредства свата или свахи. Сватанье обыкновенно происходитъ такъ. Посланный родителями жениха сватъ или сваха, при входѣ въ домъ невѣсты, обращается къ родителямъ ея, предварительно помолившись Богу, съ такого рода рѣчью: «пришелъ сватать, прошу не сердиться, водой не брызгаться, сажей не мараться, отопкомъ не кидаться (старыми лаптями), ожегомъ (палка, которой мѣшаютъ въ печи уголья, отъ сгоранія она становится острой) не тыкаться. А станемъ говорить: ваша невѣста, мой женихъ. Давайте-ка родню дѣлать (давайте-ка породнимся)». По обыкновенію, сватамъ сначала отказываютъ, но отказъ этотъ еще ровно ничего не значитъ. Сваты являются въ другой и третій разъ. Если ихъ при сватаніи напоили брагой, то, несмотря на отказъ, означаетъ, что предложеніе будетъ принято и родители невѣсты только куражатся. Въ противномъ же случаѣ, въ концѣ концевъ послѣдуетъ отказъ. Сватъ усиленно выхваливаетъ своего жениха и все его семейство; онъ увѣряетъ, что женихъ и спитъ и видитъ только одно—свою желанную невѣсту (это особенно бываетъ странно тогда, когда ни тотъ, ни другая другъ друга и отъ роду не видывали), что онъ исхудалъ, того и гляди помретъ, и что только это послѣднее обстоятельство, въ связи съ стариннымъ знакомствомъ съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, да черезчуръ чувствительное сердце его, свата, и заставили его взяться изъ жалости къ жениху за совершенно незнакомое ему дѣло сватовства. Только этимъ способомъ онъ, оказывая жениху незамѣнимую услугу, докажетъ, какъ онъ цѣнитъ его прекрасныя качества. Въ свою очередь, и

родители невѣсты не отстаютъ отъ свата и до небесъ восхваляютъ добрыя качества своей дочери. Пока сватовство не закончено, ни одинъ изъ родителей не преминетъ сказать, что лучше работящей, невиннѣйшей его дочери, хотя бы и на сносяхъ или съ борноволоками, найти нельзя. Зато и сватъ, въ виду слишкомъ пылкаго чувства своего жениха, говоритъ, что за невѣстой ровнешенько ничего не надо. Потомъ, когда предложеніе принято, тотъ же сватъ уговаривается съ родителями невѣсты о приданомъ и тутъ уже старается урвать все, что только можно. Въ горячности дѣло, иногда, несмотря на первоначальный уговоръ, доходитъ и до драки. Сваты чаще всего пріѣзжаютъ верхомъ на лошади и оставляютъ ее за воротами; какъ только дано согласіе, лошадь вводится во дворъ и ей даютъ сѣна. Въ тоже время на хозяйскій столъ ставится, заботливо привезенная на случай удачи, водка. Распитіе ея составляетъ конецъ сватовства и затѣмъ идетъ просватанье. Самый фактъ этотъ въ настоящее время сводится къ небольшому: невѣста потчуетъ водкою свата, а если съ нимъ женихъ, то—жениха, а потомъ и свата и, за тѣмъ, удаляется, а родители ея и сватъ начинаютъ рѣчь о приданомъ и подаркахъ для родни. Вопросъ этотъ весьма существенъ для обоихъ сторонъ и здѣсь то, глав. обр. и должна изощряться ловкость коварнаго свата. Подарки требуются не только всей роднѣ жениха, но и для всѣхъ поѣзжанъ; къ тому же, жениховская родня требуетъ подарки и для грудныхъ дѣтей. Дать слишкомъ много раззорительно, но страшно и мало дать. Тогда молодушку изъѣдятъ покорами: нищенка! безприданница! Какъ только щекотливый вопросъ покончeнъ, сватъ уѣзжаетъ и пріѣзжаетъ обратно не позднѣе слѣдующаго дня вмѣстѣ съ женихомъ и его родственниками и поѣзжанами. Въ этотъ день совершается пропой, но не рукобитье (этого уже нѣтъ). Пріѣзжаютъ возможно рано и ужь ни въ какомъ случаѣ не позднѣе полудня. Пріѣзжаютъ не съ голыми руками, а, судя по состоятельности жениха, привозятъ: четверть, полведра, а то и болѣе водки, пиво и брагу съ изюмомъ (болѣе хмѣльную и вкусную), рыбный пирогъ и прочее. Какъ только взошелъ женихъ, невѣста накрываетъ на столъ, а ее родственницы устанавливаютъ на немъ все привезенное. Когда устройство стола закончено, жениха и невѣсту сажаютъ въ передній уголъ и даютъ имъ въ руки новый платокъ. Платокъ этотъ новонарѣченные должны держать лѣвой рукой, каждый за свой уголъ, до конца пропоя, а конецъ этому пропою бываетъ иной разъ далеко за полночь. Къ этому надо добавить, что у пермяковъ выходить изъ-за стола до конца обѣда не принято. Во время пропоя (по старому, рукобитья) женихъ угощаетъ невѣсту нарочно привезеннымъ для нея дессертомъ: пряниками, конфектами, изюмнымъ пирогомъ и тому подобными лакомствами. Само собою разумѣется, что сугубо непраздными остаются приэтомъ и родители, и поѣзжане.

Привезенная водка распивается чуть ли не моментально, за нею тотчасъ же появляется новая, приготовленная въ ожиданіи пріѣзда дорогихъ гостей родителями невѣсты, а чаще ими же сдѣланная кумышка; если же таковой въ домѣ нѣтъ, то подается или хмѣльное-прехмѣльное пиво или такая же брага. Какъ въ то, такъ и въ другую для крѣпости подливаютъ водку, спиртъ и даже ромъ. Конецъ рукобитью наступаетъ только тогда, когда всѣ поѣзжане, а нынѣ и женихъ съ невѣстой перепились. Раньше было въ обычаѣ, что нововнарѣченные держали себя съ смѣшною важностью. Теперь дѣло обходится безъ церемоній. Въ общемъ, вся картина современнаго рукобитья представляется безшабашнымъ пьянствомъ. Да и сами пермяки говорятъ: «у меня завтра пропой такой-то дочери», а не рукобитье. Впрочемъ изрѣдка употребляется еще и это выраженіе. Самый фактъ пропоя или рукобитья составляетъ весьма существенное событіе при просватаньи. Послѣ дачи слова еще можно отказаться, но послѣ пропоя отказъ невозможенъ. Рукобитье—половина закона, и отказаться послѣ него значитъ «законъ разлучить», а это великій грѣхъ.

Свадьба назначается, по возможности, вскорѣ; вообще же просватанье и свадьба бываютъ въ одно промежговѣнье. Въ день свадьбы женихъ еще до сбора поѣзжанъ садится за столъ и за нимъ ожидаетъ пріѣзда гостей. Среди поѣзжанъ находится и заранѣе приглашенный вѣжливецъ, безъ котораго свадьба не обходится. Собственно говоря при совершеніи брачнаго обряда вѣжливецъ представляетъ изъ себя альфу и омегу и во всякомъ случаѣ играетъ большую роль, чѣмъ священникъ. Безъ указанія вѣжливца, даже безъ его позволенія, ничего и никому нельзя сдѣлать: ни встать, ни сѣсть, ни выпить, ни закусить. Онъ слѣдитъ за ходомъ всей свадьбы; отъ него точно зависитъ все счастье молодыхъ. Какъ только поѣзжане усѣлись зимою въ сани, а лѣтомъ верхомъ (у пермяковъ какъ мужчины, такъ и женщины ѣздятъ лѣтомъ верхами, причемъ женщины и дѣвушки ѣздятъ по-мужски, и ѣздятъ прекрасно), вѣжливецъ обходитъ всѣхъ ихъ, треплетъ по шеѣ каждую лошадь, дуетъ ей въ уши, а о сани задѣваетъ ногой. Случись что-либо неладное въ поѣздѣ: напр., оглобля вывернись, вывалился кто-нибудь въ ухабѣ, это уже означаетъ нерадивость вѣжливца: видно, онъ полѣнился хорошо заговорить и поэтому обязанъ тотчасъ же возобновить свой заговоръ. Присутствіе колдуна хотя и необходимо, но, въ тоже время, и никому нежелательно, такъ какъ онъ черезчуръ стѣсняетъ поѣзжанъ. Для постороннихъ же, т. е. не участвующихъ въ поѣздѣ, особа эта—прямо-таки наказанье. Кому, напр., охота заслонить дорогу такому чудищу. Волей-неволей приходится пермяку, зачастую съ тяжелымъ возомъ, сворачивать въ снѣжные сугробы. Да и нельзя иначе—не равно осердится и что-нибудь живо испортитъ. Хотя каждый вѣжливецъ и крѣпко силенъ, но все же между собою они не равны силою. Есть получше-покрѣпче, есть и по-

хуже-послабже. Разъ въ свальбѣ принялъ руководительство лучшій—сильнѣйшій вѣжливецъ въ данной мѣстности: поѣзжане чувствуютъ себя героями,—ихъ никто не испортитъ. Даже встрѣчныя свальбы должны будутъ не только дать имъ дорогу, но и первыми поклониться. Необходимо замѣтить, что женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ, и вопросъ о первенствѣ въ поклонахъ можетъ имѣть мѣсто только при встрѣчѣ двухъ свадебъ, да и эти тонкости свадебнаго этикета встрѣчаются лишь въ самыхъ захолустьяхъ. Пока вѣжливецъ не пьянъ, онъ хоть и гость, но довольно опасный и для поѣзжанъ: всѣ боятся его и слушаются каждаго его слова. Зато, когда колдунъ напьется до безчувствія, съ нимъ заводятъ не только ссоры, но и драки. Случается, что послѣ хорошей потасовки и самъ колдунъ отлеживается въ постели не одну недѣлю. Бьютъ вѣжливца только безобразно пьянаго, такъ какъ въ это время, впредь до вытрезвленія, онъ теряетъ силу колдуна. Бьютъ же его за сдѣланный кому-нибудь до этого времени вредъ, т. е. самимъ поѣзжанамъ или ихъ родственникамъ, или ихъ знакомымъ. Такимъ несомнѣннымъ вредомъ признается порча лошади, свиньи, курицы и т. п. Грамотные пермяки (народъ болѣе развитой) потѣшаются надъ пьяными колдунами иначе: они читаютъ надъ кусочкомъ воска воскресную молитву и прилѣпляютъ этотъ воскъ къ его, колдуна, платью. Умный колдунъ, разъ онъ еще не потерялъ сознанія, замѣтивъ продѣлку, падаетъ на землю и начинаетъ ползать по ней. Онъ залѣзаетъ подъ лавки, иной разъ валится, какъ бы въ изнеможеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ онъ доставляетъ немалое удовольствіе окружающимъ, но въ тоже время доказываетъ и то, что воскресная молитва ему не по нутру. Онъ въ близкомъ знакомствѣ съ врагами этой молитвы, съ духами нечистыми, отъ которыхъ и зависитъ всякая пакость въ Божьемъ мірѣ. Если же колдунъ ничего не замѣтилъ, то это уже какъ дважды-два доказываетъ, что онъ напился, и нечистая сила отъ него отступилась. Плохо тогда приходится бѣдному колдуну, но, въ видахъ сохраненія своего значенія, онъ безропотно подчиняется печальной въ этихъ случаяхъ участи. По возращеніи со свадьбы, когда «начались столы» (см. ниже), оскорбленный и подвыпившій старый вѣжливецъ завелъ съ новоявленнымъ (гость-шутникъ) споръ и доказывалъ тому свою силу. Да не на таковскаго напалъ; шутникъ-колдунъ съ нимъ и спорить не сталъ. «Куда, говоритъ онъ, тебѣ со мною тягаться не только въ силѣ, а и въ питьѣ: я тебя за поясъ заткну. Да что тягаться, тебѣ и стакана водки не выпить, коли я ее закляну, а ужъ если выпьешь, такъ все равно тебѣ свадьбы не высидѣть».—«Не только одинъ, а два стакана выпью», кричалъ вѣжливецъ. Поспорили. Взяли по стакану, разошлись по разнымъ угламъ и стали творить надъ водкой какія-то заклятія. Потомъ подошли къ столу. Новый колдунъ взялъ отъ стараго стаканъ заговоренаго вина и однимъ махомъ выпилъ его, а, затѣмъ, подалъ ему свой стаканъ. Взялъ

его вѣжливецъ и, хотя крѣпко поморщился, всетаки весь выпилъ. Поѣзжане такъ и впились глазами въ спорящихъ. Смотрятъ поѣзжане—что за притча такая: мутитъ стараго вѣжливца, подбираетъ его, а молодой—ничего: пьетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Блѣднѣетъ старикъ и, въ концѣ концевъ, до того дошелъ, что хозяева пригласили его удалиться, такъ какъ рядомъ съ нимъ нельзя было сидѣть, а самъ онъ все еще не хотѣлъ сдаваться. Оказалось, что вмѣсто стакана водки шутникъ поднесъ колдуну цѣлый стаканъ касторовато масла. Вѣжливецъ потерялъ всякій престижъ, а слѣд. и заработокъ. Онъ оказался шарлатаномъ, и многіе послѣ этого случая дивились, какъ они могли ошибаться. А иные прямо-таки говорили: «мы ужъ давно замѣчали, что онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ».

Самый **обрядъ вѣнчанія** оказывается изрядно дорогимъ: безъ освѣщенія и пѣвчихъ 8 рублей; съ малымъ освѣщеніемъ 9 руб. 50 коп.; съ большимъ освѣщеніемъ 11 руб., за пѣвчихъ, смотря по зажиточности, отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. Повѣнчанные выходятъ изъ церкви въ церковную сторожку, гдѣ «молодой» расплетаютъ косу и расчесываютъ ее. Послѣ расчесыванія волосы молодушки заплетаются въ двѣ косы и на нихъ надѣвается шашмуръ—съ этого момента пермянка становится покрытой. По окончаніи этой церемоніи молодая достаетъ изъ запазухи рыбный пирогъ. Пирогъ этотъ во все время свадьбы лежитъ непосредственно у тѣла невѣсты, завернутый въ тряпицы, чтобы не простылъ. Пирогъ разламывается молодухою пополамъ; одна половина дается мужу, а другая берется себѣ. Какъ тотъ, такъ и другая обязаны съѣсть весь пирогъ тутъ же въ сторожкѣ. Только по исполненіи этихъ обрядовъ и, сообразуясь, конечно, съ указаніями вѣжливца, свадьба трогается въ обратный путь. Во время самаго вѣнчанія ничего особеннаго не происходитъ, развѣ только можно отмѣтить, что платокъ, который держали вѣнчающіеся еще при рукобитьи и во все время свадебнаго обряда и послѣ его до знаменательнаго ухода въ голбецъ, ни женихомъ, ни невѣстою не выпускается изъ рукъ. Боже упаси кому-нибудь пройти между брачующимися: этимъ онъ разлучаетъ законъ и такого, хотя бы и въ церкви, побьютъ пресоповательно, отнюдь не обращая вниманіе на то, кого бьютъ. При чтеніи евангелія во время вѣнчанія невѣста, разъ она нравственна, подходитъ къ аналою и кладетъ на евангеліе ленту, служащую потомъ прокладкою. Этотъ знакъ своей чистоты, называемый «красотою», невѣста так. обр. передаетъ Самому Богу. То, что̀ обозначало раньше цѣломудріе, то, по нынѣшнимъ временамъ, стало обычаемъ. Обрядъ положенія ленты—эмблемы дѣвической красоты и чистоты вызываетъ нынчѣ сальныя улыбки и щипки. А между тѣмъ, раньше онъ вовсе не былъ такимъ дикимъ и страннымъ. Отдать, со стороны

дѣвушки, хотя бы и символически, самое дорогое, свою невинность, едвали можетъ казаться смѣшнымъ.

Какъ только свадьба доѣдетъ до родительскаго дома, такъ начинается попойка, кончающаяся, по большей части, только на разсвѣтѣ. Никакихъ особыхъ обрядовъ при возращеніи не соблюдается, хотя сами молодые и должны, изъ благоразумія, стеречься задѣть обо что-либо головой—это не къ добру случается. Поэтому, они всегда заходятъ въ низенькія двери пермяцкихъ избушекъ, перегнувшись чуть не пополамъ.

Какъ только новобрачныхъ покормятъ и попоятъ бражкой, то сейчасъ же ведутъ ихъ спать въ голбецъ (въ подполье). Обрядъ укладыванія молодыхъ простъ до нельзя. Открывается голбецъ, куда по малюсенькой и зачастую чуть живой лѣсенкѣ спускаются, въ предшествіи вѣжливца и свахъ съ шуточками и прибауточками, сначала молодые, а за ними и поѣзжане. Разсмотрѣвъ слишкомъ незатѣйливо приготовленное ложе молодыхъ и выпивъ бражки, поѣзжане уходятъ кверху, и въ голбцѣ остаются только молодые съ вѣжливцемъ и свахами. Въ самомъ голбцѣ ставится для молодыхъ столъ, покрытый скатертью, на немъ вино, брага, кружки и рыбный пирогъ на закуску. Съ благословенія вѣжливца начинаетъ, при помощи жены, раздѣваться молодой, а затѣмъ свахи раздѣваютъ и молодушку и укладываютъ ихъ обоихъ въ постель. Преподавъ, затѣмъ, нѣсколько необходимыхъ наставленій какъ мужу, такъ и женѣ о подчиненіи и благоповеденіи, свахи и вѣжливецъ уходятъ кверху допировывать и закрываютъ за собою подполье. Съ момента появленія вѣжливца изъ подполья, свадебная попойка доходитъ до своего зенита. Пьютъ за всѣхъ и за все; пляшутъ такъ, что кажется: вотъ-вотъ провалится полъ, и единеніе молодыхъ будетъ нарушено. Тостамъ при выпивкѣ нѣтъ числа: пьютъ за каждаго гостя отдѣльно, пьютъ за горе и удачу, даже за дѣла подпольныя, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Раннимъ утромъ еще не вытрезвившіеся поѣзжане начинаютъ будить молодыхъ. По выходѣ изъ спальни молодые отправляются въ баню почиститься, т. е. помыться. Поѣзжане же во время мытья ихъ бьютъ о двери и стѣны всякую разную глиняную посуду, разумѣется, уже никуда не годную. По приходѣ изъ бани молодая даритъ свою свекровку ею самою вышитою и сшитою рубашкою; рубаха эта, хотя и ночная, бываетъ роскошна. Сама же молодуха принимается за метеніе половъ въ избѣ. Гости шутятъ съ молодой и не даютъ ей мести, время отъ времени отбрасывая соръ назадъ и тѣмъ заставляя молодушку начинать свою работу съизнова. Понятно, что такое издѣвательство не проходитъ даромъ и поѣзжане время отъ времени бросаютъ на полъ кой-какую мелочь. Кто хочетъ покуражиться больше, вѣрнѣе—дольше, тотъ бросаетъ или монеты покрупнѣе или почаще. По окончаніи метенія

половъ, свекровь, одѣтая въ рубашку (подарокъ молодушки) беретъ стаканчикъ или рюмку и съ нимъ пляшетъ, а гости въ это время вновь пьютъ и бьютъ нарочно для этого запасаемую и приносимую стеклянную и глиняную негодную посуду. Шутокъ и прибаутокъ въ эту пору не оберешься и «хорошей, молодой» дѣйствительно должно быть отъ нихъ тошно, но она, какъ и при метеніи пола, все должна выслушивать и переносить безропотно и встрѣчать всѣ выходки съ ласковой улыбочкой, а всѣ свои работы выполнить безукоризненно. Иные шутники во время пляски, желая подчеркнуть торжество, возьмутъ да и плеснутъ на хорошую, бѣлую рубашку стаканъ краснаго или другого вина, да бросятъ въ тоже время двугривенный на полъ. При видѣ такой щедрости не обижаться, а благодарить надо.

Когда оканчивается пляска, поѣзжанъ зовутъ «къ столамъ». Столы — это самое главный моментъ во всей свадьбѣ. Столами, собственно говоря, называютъ послѣ-свадебный обѣдъ. Готовитъ его молодуха, при помощи свахъ, родни и всѣхъ иныхъ стряпухъ. Чѣмъ больше кушаній въ смыслѣ перемѣнъ, тѣмъ богаче свадьба. Одно только мясо можетъ быть подано неоднократно: изъ щей, просто вареное, вареное съ картошкой, такое же съ капустой, мясо жареное, мясо рубленое. А какое же разнообразіе можно устроить изъ пельнянъ—традиціоннаго пермяцкаго кушанья. На свадьбѣ пьютъ рѣшительно всѣ, даже малыя ребята; грудныхъ поятъ только теплой бражкой (тоже хмѣльной). Словомъ, столы устраиваются на славу, и за ними сидятъ иногда по полсутокъ, а смѣны блюдъ считаются десятками; браги, кумышки и пива истребляется столько, сколько только могутъ выпить поѣзжане. Второй день свадьбы—самый главный. Онъ называется «большіе столы». У тѣхъ, кто побогаче, устраиваются и малые столы въ теченіе двухъ-трехъ дней. Разницы въ большихъ и малыхъ столахъ нѣтъ почти никакой; конечно въ послѣднихъ по меньше блюдъ и —только.

Приданое невѣсты всегда провѣряется свахами при отправленіи невѣсты въ церковь, въ присутствіи дружки съ жениховской стороны; провѣренное укладывается въ сундуки, выносится и передается дружкѣ, который и ѣдетъ съ нимъ въ церковь, а оттуда, послѣ свадьбы, везетъ венцы къ молодымъ.

Такъ совершается свадьба въ захолустныхъ селеніяхъ, но въ тѣхъ изъ нихъ, что уже тронуты цивилизаціей, обряды нѣсколько измѣнились.

Попробуемъ дать возможно полную картину пермяцкой свадьбы.

Мать съ отцемъ, посовѣтовавшись между собой о женитьбѣ сына и, рѣшивъ, что женить его на такой-то—дѣло подходящее, пріѣзжаютъ сами или присылаютъ сваху къ родителямъ невѣсты. Тутъ снова начинаетъ происходить вышеописанная процедура отказа и расхваливаній. Вся разница заключается въ томъ, что послѣ распитія нѣсколькихъ рюмокъ водки родители и сваты бьютъ по рукамъ, а новонарѣченные выходятъ изъ-за стола, подходятъ къ

образамъ и молятся Богу. Прослышавшія про рукобитье дѣвушки-подруженьки приходятъ послѣ богомолья въ избу и, угостившись теплой бражкой, начинаютъ пѣть невѣстину, женихову и др., хотя и подъ руководствомъ вѣжливца, но уже ломанныя русскія пѣсни.

Во время пѣнія какъ родственники, такъ и присутствующіе, по мѣрѣ силъ и возможности, подтягиваютъ хору, не переставая угощаться. Какофонія получается полнѣйшая.

Вообще почти все, что въ тѣхъ или другихъ случаяхъ поется пермяками, такъ или иначе заимствовано отъ русскихъ; только то, что сохранилось на чисто пермяцкомъ языкѣ, можетъ быть, да и то только отчасти, признано за свое собственное, за чисто пермяцкое. Народнаго же пѣснетворчества, какъ оказывается по тщательнѣйшимъ розыскамъ (Роговъ, Пищенко и Дмитріевъ), слишкомъ мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ.

Какъ во время торжественнаго пѣнія пѣсней, такъ и послѣ, пирующіе угощаются на славу, кушая разные пироги (преимущественно рыбные). Только изрѣдка подъ слова пѣсни гости дарятъ деньгами то родителей невѣсты, то ее саму. Деньги эти моментально претворяются въ огненную воду, восполняя расходы хозяина. Подъ звуки пѣсенъ невѣста одариваетъ своего жениха, его родню и его присныхъ подарками, о которыхъ уговорились еще до рукобитья. Порядокъ отдариванья, какъ и всѣ прочія свадебныя обрядности отъ угощенья включительно, начинается со старшаго, т. е. со свекра и свекровки—ихъ въ большинствѣ случаевъ дарятъ самымъ дорогимъ—деньгами. При самомъ разъѣздѣ съ рукобитья невѣста дарить и жениха. Съ слѣдующаго за рукобитьемъ дня невѣста, въ сопровожденіи «вытчицы» и «дѣвокъ», начинаетъ ѣздить по гостямъ. Въ поѣздкахъ этихъ ее сопровождаютъ родственники ея и ея поѣзжане. Невѣстѣ подается, въ зависимости отъ ея благосостоянія, одна или пара или тройка лошадей, изукрашенныхъ лентами, бубенцами, колокольцами и другими побрякушками. Погостивъ у кого-либо, пріѣхавшіе, прежде чѣмъ уйти, поютъ пѣсню. Пѣсню эту сквозь слезы запѣваетъ вытчица, при чемъ не только поѣзжане и поѣзжанки, но и провожающіе со слезами поддерживаютъ ее. Пѣсню свою вытчица заводитъ не раньше, какъ встанетъ по серединѣ комнаты.

Стою я, молодешенька,
Среди столовой вашей горницы,
Среди пола дубоваго,
На бѣлокатанномъ войлочкѣ,
На сафьяновые башмачикѣ,
На бумажныя чувочики,
На свои рѣзвыя ноженьки.
Ужъ я кваняюсь моводешенька
Ниже пояса шевковаго.
Ужъ кого же я ищу-смѣкаю,
Не могу высмѣкати,
Сквозь очи сквозь туманныя,
Сквозь слезы сквозь туманныя,
Сквозь слезы горячія.
Своего роднмаго батюшку
И родимую свою матушку. И т. д.

Здѣсь вытчица начинаетъ перебирать рѣшительно всѣхъ присутствующихъ, называя ихъ по имени и отчеству. Невѣста и поѣзжане становятся въ кругъ, хозяева дома благословляютъ ихъ и они уѣзжаютъ. Когда поѣздъ, въ концѣ концевъ, подъѣзжаетъ обратно къ дому, то прежде чѣмъ войти въ домъ, вытчица, еще сидя въ саняхъ, снова заводитъ пѣсню, которую съ очень нетрогательнымъ единствомъ подхватываютъ нагостившіеся и наугощавшіеся поѣзжане.

На встрѣчу выходитъ изъ дому сестра или близкая родственница невѣсты, выноситъ съ собой теплую брагу или водку и подчуетъ ею невѣсту. Та низко, а чаще въ ноги, кланяется ей и принимается пить вынесенное ей питье. Покончивъ съ угощеніемъ, невѣста, за ней и всѣ поѣзжане входятъ въ домъ. Здѣсь сызнова начинается угощеніе всѣмъ тѣмъ, что за время отсутствія невѣсты изъ дому успѣли изготовить ея родители. Только что кончается угощеніе, какъ вытчица уже молится Богу, а затѣмъ начинаетъ новую пѣсню и поѣзжане, крестясь, вылѣзаютъ изъ-за стола, чтобы подтянуть и тѣмъ, посильно, помочь ей. Во время пѣнія пѣсенъ никакихъ плясокъ не происходитъ.

Затѣмъ, всѣ гости встаютъ съ своихъ мѣстъ (во время пѣнія обыкновенно вновь садятся за столъ и, отъ устатка, время отъ времени, потягиваютъ бражку) и вновь въ голосъ начинаютъ оплакивать невѣсту, а кромѣ того одариваютъ ее деньгами. Въ этомъ случаѣ пермяки крайне невзыскательны: самая мелкая монета принимается съ благодарностью. Тронутая общею любовью и сочувствіемъ окружающихъ, невѣста жалобно запѣваетъ.

Я стою моводешенька
На бѣвокатанномъ войочкѣ,
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь моводешенька
Своему любезному сватушкѣ
И сватьюшкѣ.
Поспѣшите дойти до меня,
До меня, моводешеньки,
Примите мои подарочки—
Не осудите любезные сватушки,
На мое одареньице—
Да на худое рукодѣьйице,
У меня стойко свучивося.

Та же пѣсня поется невѣстой каждому изъ поѣзжанъ, причемъ невѣста дарить каждаго посильно и какъ при рукобитьи было уговорено. Послѣ одариванія съ невѣстой остаются только ея подруги, которыя и помогаютъ ей снаряжаться къ свадьбѣ, т. е. заниматься шитьемъ на невѣсту. Снаряженіе (по мѣстному: стнаряженье) продолжается, въ зависимости отъ богатства невѣсты, два-три дня, иногда недѣлю, а то и того больше. Наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты съ утра вновь начинается самое отчаянное вытье: справляется такъ называемый дѣвишникъ. Раннимъ утромъ всѣ дѣвушки посылаются за водой, идя за ней, онѣ поютъ.

Ужъ вы, кумушки,
Вы, подруженьки,
Посъужите мнѣ, моводешенькѣ (невѣста идетъ съ ними же).
Отъ роду мнѣ впервые,
Сегодня мнѣ въ посвѣднее.
Вы возьмите ведра
На круты пвеча,
Идите вы по воду
На Дунай рѣчку быструю.
Ужъ вы черпайте, мои кумушки,
По пути воды бѣгучей.
Принесите мнѣ воду
И наварите щевоку.
Наварите щевоки слизкіе—
Хорошо мнѣ умыватися,
Чисто стпаряжатися.

Вода приносится и ставится въ печь, а поѣзжанки, поочередно, расчесываютъ волосы невѣсты; притомъ какъ подруги, такъ и сама невѣста плачутъ и причитаютъ. Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, то въ честь ихъ поютъ поминальные стихи; такъ напримѣръ:

Подымайтесь-ка, вѣтры буйные,
Со восточной сторонушки.
Вы сдуйте же, вѣтры буйные,
Со сырой земли бѣвы снѣжки.
Раздвойся-ка, мать-сыра земля,
Расковися-ка, гробова доска,
Распахнитеся, саваны бѣвые,
Съ моего (ей)-то родимаго (мой) батюшки (матушки),
Отопри-ка, родимый (ая) мой (моя) батюшка (матушка),
Да свои очи ясныя.
Да проснись-ка, родимый (ая) батюшка (матушка),
Да отъ сна отъ вѣчнаго,
Отверзи уста свадкія.
Востань-ка, востань-ка,
Родимый (ая) мой (моя) батюшка (матушка),
На свои рѣзвыя ноженьки.
Направь-ка, родимый (ая) батюшка (матушка),
Сызоперыя крывышка,
Полетай-ка родимый (ая) батюшка (матушка)
На сине морюшко.
Ужъ ты смой-ко, родимый (ая) батюшка (матушка),
Со бѣва лича ражавчину,
Съ ретива сердца червоточены.
Прилетай-ка, родимый (ая) батюшка (матушка),
Да въ нашу горенку.
Бвагосвовъяйте меня, родимый (ая) батюшка (матушка),
Навсегда, да на всякое времячко.

Изъ печи достается горячая вода и ею начинаютъ мыть полъ въ избѣ; на полъ обильно постилаютъ солому и уже на соломѣ начинаютъ плясать до сумерекъ, и снова приступаютъ къ вытью. Невѣсты изъ дѣвушекъ, да еще непорочныхъ, обязательно носятъ въ косѣ знакъ своего отличія отъ согрѣшившихъ до свадьбы—ленту «красоту»; теперь ее носятъ всѣ дѣвушки, но раньше—

и еще совсѣмъ недавно—дѣло съ «красотой» обстояло иначе. Итакъ невѣстѣ съ красотой пѣлись тогда еще особыя пѣсни.

Сумерки сумеркаются
О красной дѣвушкѣ.
Цвѣтная красота
Бьется—убивается,
Около дѣвушки завивается.
Повно вамъ, дѣвушки,
Красоваться,
Пора времечку
Разставаться.
Ты возьми-ка, красна дѣвушка,
Во свою праву рученьку,
Свою русу косыньку.
Развяжи авую ленточку
Предъ Пресвятую икону
Божью Матерь.
Пусть она тутъ успокоится
И отъ всего прихранится,
Пока я буду умываться,
Хорошо снаряжаться.

Дѣвушки идутъ топить баню, а когда истопятъ ее, то расплетаютъ невѣстину косу, садятъ ее за столъ и поютъ.

Ужъ не васточка—
Касаточка,
Она вьется-увивается
Оково матушки родимой.
Помоги-ка дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
Да души красной дѣвицы.
Развяжи-ка, родимая матушка,
Мои авыя ленточки,
Расплети мою дѣвичью красоту.
И въ говубушку трубчату косу
Не подымаются мои рученьки бѣвыя,
На свою буйну гововушку.

Мать, если же ея нѣтъ у невѣсты, то сестра или другая близкая родственница, расплетаютъ косу, затѣмъ невѣста проситъ благословенія у своего отца, матери и своего семейства и только послѣ благословенія, вмѣстѣ съ дѣвушками направляется въ баню. Сопровождающія ее дѣвицы, пляшутъ, иныя идутъ разряженными (замаскированными) и приэтомъ всѣ поютъ пѣсни.

Наглядись-ка, моя
Руса косынька,
Наглядись-ка, авая ленточка,
Какъ на небо съ синя-говубое,
На батюшку на свѣтѣу—мѣсяцъ
И на частыя мевкія звѣздочки.
Наглядись-ка, моя русая коса,
На всѣ четыре сторонушки:
На поя—на широкія,
На вуга—на зеленыя,
На всѣ дороженьки
И тропиночки.
Наглядись-ка, моя руса коса,
На лѣса дремучіе,
На рѣченьки быстрыя,
На всѣ уочки-переуочки.

Дѣвушки подходятъ къ банѣ, передъ дверьми которой останавливаются, заводя новую пѣсню.

Ужъ вы, кумушки-подруженьки,
Вы истопивили мнѣ банюшку.
Нагрѣли-ли воды горячія?
Накипятиви-ли щевоки слизкіе?
Приготовиви-ли вѣтошки шевковыя,
Мыва-то канфарныя?

Въ банѣ, гдѣ какъ невѣста, такъ и подруги ея моются, подруженьки невѣстѣ ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ париться; это очень дурная примѣта: «выйдетъ замужъ и ея мужъ шибко парить (бить) станетъ». Баню для невѣсты топятъ подъ наблюденіемъ матери или кого-либо изъ родни. Дѣлается это для того, чтобы кто-нибудь изъ топящихъ баню не поколотилъ головѣшекъ: это самое ужасное обстоятельство для будущей жизни невѣсты и изъ-за такого недосмотра несчастная обрекается на всю жизнь на битье супругомъ и его родней. По окончаніи мытья, вновь начинается вытье пѣсенъ.

Не спасибо вамъ, мои кумушки,
Не спасибо, подруженьки.
Не отмыли мои рученьки бѣвыя,
Не согрѣли мое тѣво бѣвое
Отъ вѣничка горячаго.
Не увадивось мое сердечико
Вашей этой тепвой банюшкой.
Раскатись-ка, наша банюшка,
На всѣ четыре сторонушки.
Становись-ка, наша банюшка,
Частымъ ельничкомъ
Да березничкомъ,
Чтобы не пройти бы,
Да не проѣхати
Моимъ-то сопротивничкамъ
Съ чужой дальней сторонушки.
Раззорись-ка, наша каменка,
На всѣ четыре сторонушки,
Становись-ка, наша каменка,
Крутой горой, крѣпкой стѣной,
Не прошли бы, да не проѣхали
Мои-то сопротивнички
Съ чужой дальней сторонушки.

Выйдя изъ бани, невѣста молится Богу на всѣ четыре стороны и, не плача, отправляется домой. Здѣсь, уже передъ самыми дверями, всѣ поѣзжане хоромъ начинаютъ вновь пѣніе съ всхлипываніемъ. Такъ какъ пѣсни пермяками поются во все горло, то пѣніе такое въ зимнее время, порой при сильномъ вѣтрѣ, да еще тотчасъ же послѣ бани, иногда влечетъ за собой гибельную простуду. Передъ дверьми дома поется пѣсня:

Не хотѣва родимая матушка
На мосту заморозити.
Прищипава рѣзвыя ноженьки
Ко сафьяннымъ ко башмачикамъ.
Прищипава бѣвы рученьки
Ко скобѣ ко желѣзной..
Я иду, моводешенька,
Не по прежнему.
И ступаю не по старому.
Иду же и сберегаюся,
Не подвалились бы
Перекладинки.
Не подвомились бы
Мостовиненки.

Изъ избы выходитъ мать или сестра невѣсты и выносятъ ей пить (брагу). Невѣста входитъ въ домъ, гдѣ ей вновь—и уже въ послѣднiй разъ въ этотъ день—заплетаютъ косу, причемъ «красота» въ нее уже не вплетается. Затѣмъ, садятся за столъ ужинать и, покончивъ съ нимъ, отправляютъ невѣсту спать, причемъ поютъ ей пѣсню: «Покорно благодарствую разлюбезному моему сватушкѣ». По окончанiи этой пѣсни всѣ присутствующiе отдариваютъ невѣсту деньгами и плачутъ, припѣвая:

Я покорно благодарствую
Родимаго моего батюшку
И родимую мою матушку,
Васъ на грувну на зовотую,
На другую на серебряную.
Нашто же вы меня жавуете
Этой гривной зовотой.
Ужъ и этой гривной зовотой
Мнѣ не святые храмы строити,
Не святыя иконы смѣняти.
Есть Божiи храмы—построены,
Есть святыя иконы—смѣняны.
Не откупиться будетъ этой гривной
зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки.
Не отдариться будетъ гривной зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки,
Не отдариться будетъ гривной зовотой
Отъ чужаго чужъ-чуженина.
Откупишься ты, родимый батюшка,
Отъ чужой дальней сторонушки
Моей-то буйпой гововушкой.
Отдаришься, родимая моя матушка,
Моей-то дѣвичьей красотой
Чужому чужъ-чуженину.
И т. дал.

Однако же родня, не взирая на обрядовыя завыванiя, вновь даритъ невѣсту деньгами и приноситъ ей шашмуру—знакъ завтрашняго замужества. Это—знакъ, съ которымъ вышедшая замужъ никогда не разстанется при жизни, отъ котораго не избавится и послѣ смерти, такъ какъ шашмуръ снимается только въ банѣ и надѣвается на голову женщины даже при ея погребенiи.

Я бы, дѣвица, возрадовалася,
Душа моя возвеселивася.
Я еще бы дѣвушкой остававася,
Да еще бы красовавася.

Много слезъ приходится пролить и невѣстѣ, и окружающимъ ея какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующiй день. Не успѣетъ зазариться востокъ, какъ въ домѣ невѣсты все приходитъ въ движенiе; вновь появляется угощенiе, вновь то заплетается, то расплетается невѣстина коса и, по прежнему, поются заунывныя, словно похоронныя, пѣсни, обильно, безъ всякаго сожалѣнiя къ самимъ себѣ, приправляемыя слезами.

Ужъ ты, васточка-касаточка,
Она вьется-увивается.
Окову матушки родимой.
Вы могите ли дойти-доступить,

До меня, до моводешеньки,
До луши красной дѣвицы,
До моей буйной гововушки,
До моей дѣвьей красоты,
Развязать авую ленточку,
Расплести мою дѣвью «красоту».
И т. дал.

Каждому, по очереди, подошедшему расплести косу, поется пѣсня, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ титулованіи. И въ этотъ день, какъ и наканунѣ, всѣ перерасплетали косу, мать или иная близкая роственница (разъ невѣста сирота) выплетаетъ только на это время вплетаемую ленту «красоту», и съ этого момента невѣста уже никогда въ жизни не можетъ вплести ленту въ свои косы. Всѣ присутствующія женщины вновь обступаютъ невѣсту и вновь невѣстина коса, но уже безъ ленты, расплетается подъ звуки пѣсни.

Не спасибо вамъ, кумушки,
Не спасибо, мои подруженьки,
Обмануви меня, моводешеньку,
Посадили за стоу дубовенькій.
Посмотри-ка, родимая матушка—
Развязали мои авыя ленточки,
Расплели мою русую косу.
Растрепавли мою буйную говоушку.
Нѣтъ, не жавѣетъ меня мамонька,
Не выводитъ изъ-за стова дубаваго,
Не плететъ мнѣ русу косыньку.
Не завяжетъ мнѣ авую ленточку;
Ужъ будетъ, видно, мнѣ красоватися,
Пора мнѣ разставитися,
Со своей дѣвьей красотой разставатися.
Ну, что такое свучивося.
Куда дѣвать мнѣ свою «красоту»?
И т. дал.

Когда рѣшительно всѣ кумушки-подруженьки перебраны, пѣсня продолжается такъ:

Вотъ пошва тошно моя «красота»
Отъ меня—моводешеньки
По стову по дубовенькому;
Среди пова остановивася,
Низко всѣмъ поквонивася...
Вотъ пошва моя «красота»
Съ душой красной дѣвицей,
И пошва—до дверей дошва;
И пошва по новымъ сѣнямъ,
По крылечкамъ, по навѣсикамъ.
Вотъ и пошва наша «красота»
И до саней дошва,
Въ саночки садивася,
Во Божью церковь катився.
Пріѣзжаетъ къ Божьему храму—
Тутъ она остановивася,
Красной дѣвицѣ поквонивася.
Ты прощай, прощай, моя дѣвица;
Ужъ недовго красоватися,
Пора-времячко разставатися.
Вотъ заходятъ они
Во Божью церковь.
Среди церкви становятся,
Во сваву своей церкви (курсивъ мой)
Богу молятся.
Свѣчи ярко зажигаютя,
Попы, дьяконы одѣваются;
Двери царскія растворяются;
Книги евангелья открываются...
Вотъ пошва тошно наша «красота»

Прочь отъ красной дѣвушки
Во святую книгу-евангелья.
Тутъ она остановивася,
Низко дѣвушкѣ поквонивася.
Ты прощай-прощай, красная дѣвица,
Хорошо мы съ тобой красовалися.
Ужъ и гдѣ мы съ тобой увидимся,
Гдѣ встрѣчу мы совстрѣтимся.
И во снѣ мы не увидимся.
Только разъ еще увидимся—
Во Христовъ день во заутреню.

По окончаніи пѣсни, всѣ встаютъ и молятся Богу, а невѣста, помолясь, проситъ у своихъ родныхъ благословенія. Получивъ его отъ родителей, она проситъ его отъ домашнихъ и отъ другихъ родственниковъ, послѣ чего, поддерживаемая подруженьками-кумушками и всѣми собравшимися на свадьбу, запѣваетъ.

Я стою, моводешенька,
Среди пова дубоваго
На бѣвокатанномъ на войокѣ
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь, моводешенька,
Ниже пояса шевковаго
Своему родимому батюшкѣ.
Не прошу я у васъ, родимый батюшка,
Не звата, ни серебра,
Ни скатнаго жемчуга.
Прошу я у васъ,
Родимый батюшка,
Бвагосъовъенница великаго.
Хорошо-чисто мнѣ умыватися,
Хорошо снаряжатися,
Во Божью церковь ѣхати,
Законъ божій приняти
Со чужимъ, со чужениномъ,
Чудной крестъ цѣловати.

Тотъ же стихъ поется матери, братьямъ, сестрамъ, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ именахъ. Всѣ родственники благословляютъ невѣсту словами: «Богъ бвагосъовитъ». Послѣ этого въ избѣ, гдѣ часть ея около печи забрана тесомъ или занавѣсью (закутью), невѣста уходитъ за перегородку, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то спускается вмѣстѣ съ подругами въ голбецъ и уноситъ съ собой мыло и воду. За перегородкой женщины умываютъ невѣсту и снаряжаютъ ее. При одѣваніи [прежде всего «лычикомъ» крѣпко-на-крѣпко вяжутъ невѣстино бѣлое тѣло, а ужь сверхъ его надѣваютъ рубаху, въ которую кладутъ шерсть и ленъ, чтобы они водились въ новомъ дому. Совсѣмъ снаряженная къ вѣнцу невѣста выходитъ изъ-за перегородки, усердно молится Богу, ставъ—обязательно—по серединѣ горницы на бѣлокатанномъ войлочкѣ.

За кого же я Богу молюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За царя бваговѣрнаго,
За царичу усердную.
За кого Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?
Я за батюшку родимаго
И за матушку родимую.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же поквонъ повожу?
За братчика родимаго,

За невѣстку—свою говубушку.
За кого же я еще Богу помолюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За чужого отца-батюшку,
За чужую свекровь-матушку.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же еще поквонъ повожу?
За чужихъ-то деверей-братчиковъ,
За чужихъ зововокъ-сестричекъ.
За кого же еще Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?
Да за чужаго чужъ-чуженина,
За свою буйную гововушку.
Создай намъ, Боже и Господи,
Даръ здоровья намъ крѣпкаго,
Ума-разума хорошаго.

Свашитъ со стороны невѣсты, обыкновенно, крестная мать, а потому, какъ только она входитъ, освѣдомляясь предварительно, можно или пѣть ей войти, т. е. кончилось ли вытье, ее встрѣчаетъ невѣста пѣніемъ слѣдующей пѣсни. Пѣсню эту невѣста поетъ одна.

Воспріемная крестная матушка,
Ты зачѣмъ поздно пріѣхава,
Когда я уже засватана
И совсѣмъ къ вѣнцу приготовленная.
Ты тогда бы пріѣхава,
Когда я быва не сосватанная.
Сѣва бы межъ родимаго батюшки
И межь родимую мою матушку,
Разговорива бы ихъ о моей-то выдачѣ.
Я бы еще дѣвушкой-то оставася,
Весну красную красовавася.
Разскажи-ка, моя кресненькая,
Про чужую дальнюю сторонушку,
Про чужаго отца-батюшку,
Про чужую свекровь-матушку,
Про чужаго деверя-братчика,
Про чужаго чужъ-чуженина.

Крестная маменька или сваха тотчасъ же подхватываетъ эту пѣсню и сердитымъ голосомъ поетъ ея окончаніе:

Разскажу я тебѣ, моя крестница,
Про чужую дальнюю сторонушку:
«Ровно зимонька студеная».
Какъ чужой-то свекоръ-батюшка—
«Въ поѣ ровно лютой звѣрь».
Какъ чужая-то свекровь-матушка—
«Ровно звая мѣдвѣдича».
Какъ чужіе-то деверья-братчики,
«Какъ черные собои».
Какъ чужая чужъ-чуженина—
«Великая зазнобушка,
Безъ морозу тебя вызнобитъ
И безъ вѣтру тебя высушитъ».

Невѣста, за частую совершенно не знающая своего чужъ-чуженина, по понятнымъ причинамъ, не только плачетъ, а рыдаетъ или, какъ говорятъ пермяки: говосомъ воетъ. Вытчица, подружки, да и вся родня, словно спохватившись, ревутъ, какъ только кто можетъ. Картина получается дѣйствительно потрясающая. Даже со стороны смотрѣть на нее жутко. Кажется, что не свадьба, а похороны самаго желаннаго, самаго дорогого дѣтитища совершаются

на вашихъ глазахъ. Такъ въ слезахъ и уже безъ всякихъ пѣсенъ ожидаетъ невѣста и поѣзжане пріѣзда жениха. Время тянется мучительно долго, но, вотъ вдали замѣчается надвигающійся поѣздъ жениха—зимой на нѣсколькихъ парахъ или тройкахъ, лѣтомъ верхами; тогда всѣ сразу встряхиваются и заводятъ пѣсню:

Выѣзжаютъ кони вороные
Со чужой дальней сторонушки:
Мои ѣдутъ сопротивнички.
Не могъ ты, родимый батюшка,
Загородить тыномъ желѣзнымъ
Меня, моводешеньку.
Не могъ запереть за замки крѣпкіе.
Налетятъ черны вороны,
Подхватятъ меня бѣвую лебедушку
За сиво-перыя крывышки;
Утащатъ меня, моводешеньку,
На чужую дальнюю сторонушку.
Я не буду у васъ свуга вѣрная.
Догадайтесь, родимый батюшка,
Какъ торговаться моей буйной гововушкой.
Торговався бы, родимый батюшка,
Торговавъ бы ты, родимой,
Быками-то рогатыми,
А не мною, моводешенькой,
Не моей буйной гововушкой.

Какъ только женихъ подъѣзжаетъ къ окнамъ, пѣсня, даже и не оконченная, прерывается, а съ нею вмѣстѣ прекращается и плачъ. Вѣжливецъ жениха, такъ называемый первый шаферъ, слѣзаетъ съ лошади или выходитъ изъ саней и говоритъ: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ! Дома ли хозяинъ»? На что домохозяинъ (—зяйка) отвѣчаетъ ему черезъ окно въ избѣ:— «дома». Тогда колдунъ спрашиваетъ: «быво ли сватовство; быво ли просватанье; быво ли обрученье»? Ему отвѣчаетъ: «Быво». Тогда спрашивающій говоритъ: «нашъ князь просится въ вашъ дворъ въѣзжать съ подруженьками, со сватеньками. Какъ будете встрѣчать или самимъ въѣзжать»?—«Ну, хорошо, отвѣчаютъ изъ избы въ окно, встрѣчать выйдемъ; сами встрѣчать будемъ». Затѣмъ, колдунъ или первый шаферъ подробно и обстоятельно уславливается о томъ, чтобы сѣна лошадямъ было дадено до колѣна, а овса до щетки и, уже послѣ этихъ уговоровъ, командуетъ: «о томъ бьемся, о томъ кваняемся, нѣтъ ли у васъ звыхъ собакъ; нѣту ли у васъ звыхъ свиней. Звыхъ собакъ по цѣпямъ; звыхъ свиней по хлѣвамъ; старыхъ старухъ по поватямъ»! Ворота отпираетъ или братъ невѣсты или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. Отпирая ворота съ низкими поклонами, онъ успѣваетъ однакоже выговорить себѣ немного-не-мало, какъ-то, чтобы его напоили до-пьяна. Послѣ угощенія братца, поѣзжане въѣзжаютъ во дворъ. Вѣжливецъ беретъ въ руку свѣчу, хлѣбъ, рыбный пирогъ, лагунъ съ пивомъ и входитъ въ избу, а поѣздъ остается во дворѣ. Входя въ избу, вѣжливецъ кладетъ передъ иконами поклоны и приговариваетъ: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ»!—«Аминь. Ваша молитва», отвѣчаетъ ему вытчица.—«Мы прибыли со всѣмъ повкомъ-поѣздомъ,

жива ли у насъ наша княгиня»?—«Жива и здрава», отвѣчаютъ ему.—«Вы меня-мнѣ не отвѣчаете, что ждави», говоритъ вѣжливецъ и проходитъ за занавѣсъ, гдѣ сидитъ невѣста и тамъ продолжаетъ свой разговоръ. «Примите мои гостинчики со чужой, дальней сторонушки». Гости невѣсты и сама она въ отвѣтъ на это поютъ.

Не приму ваши гостинчики
Со чужой, дальной сторонушки
Безъ родимаго отца-батюшки,
Безъ родимой моей матушки,
Безъ братчика родимаго,
Безъ невѣстки говубушки.

На эту пѣсню за занавѣсъ приходятъ отецъ и мать и благословляютъ невѣсту, а вѣжливецъ, обращаясь къ отцу и матери, спрашиваетъ: «смѣть ширнуть, пырнуть; наша невѣста укукливась ли (укуклилась ли, т. е. нарядилась ли, какъ куколка)? подойти къ ней, княгинѣ нашей на куньихъ вапочкахъ, принести къ ней подарокъ черинянь (рыбный пирогъ) отъ нашего князя». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ на это: «ширните, пырните, во дворъ нырните: наша невѣста укокливась». Послѣ этого невѣста беретъ изъ рукъ вѣжливца подарки, подымаетъ ихъ на свою «буйную гововушку», а затѣмъ и откусываетъ что-нибудь обыкновенно отъ челпапа, символизирующаго довольство. Люди зажиточные приносятъ не по одному, а по нѣсколько штукъ, и тогда невѣстѣ приходится знакомиться съ вкусомъ каждаго изъ нихъ. Послѣ принятія подарковъ въ избу входятъ всѣ поѣзжане и вошедшаго жениха усаживаютъ въ передній уголъ на невѣстину подушку. Сваха принимаетъ отъ жениха привезенные имъ подарки: шаль, ботинки, а иной разъ и сарафанъ и уходитъ съ ними за занавѣсъ къ невѣстѣ; подружки тотчасъ же запѣваютъ.

Свашенька-разсвашенька,
Зачѣмъ скоро подскочива
Безъ спроса родимаго батюшки
И родимой матушки?
Не приму я ваше цвѣтно пватьице
Безъ родимаго батюшки,
Родимой моей матушки.
Вы могите дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
До моей буйной гововушки.
Благосъовъяйте меня, моводешеньки,
Хорошо мнѣ снаряжатися
Мнѣ въ Божью церковь ѣхати,
Законъ Божій приняти.

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту. На невѣсту надѣваютъ шаль, на ноги ботинки и послѣ этого объявляютъ жениху: «невѣста готова»! Какъ только послѣдовало это объявленіе, встаетъ вѣжливецъ и говоритъ: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ! Моводой князь сидитъ за стовомъ дубовенькимъ, за стовешенкой кедровою, за скатертью шитой-браною, за питьями за бражными, за явствами за свадкими; кваняется низко своему боярину со боярушкой: нельзя ли вывести ему княгиню вашу за бѣвыя ручки, за бумажный

пваточекъ. Время али не время выводить. Говорьятъ, что время»? Послѣ этаго запроса одинъ изъ братьевъ или близкихъ родственниковъ отправляется за занавѣсъ и поетъ.

Я не выйду и не выступлю
Изъ кути-запавѣса
Безъ роднмаго батюшки,
Безъ родимой моей матушки.
Бвагосъовъяйте меня, моводешеньку,
Мнѣ въ Божью церковь ѣхати
За чужъ-чужимъ чужепипомъ,
Мнѣ законъ Божій приняти,
Чудный крестъ цѣвовати:
Бвагосъовъяйте меня всѣ крещеные!

Невѣсту выводятъ на середину избы, гдѣ она начинаетъ молиться, отвѣшивая три поясныхъ и три же земныхъ поклона и клапяется на всѣ четыре стороны, затѣмъ, отвѣшиваетъ особый поклонъ жениху. Когда она сядетъ, за столъ ставятъ ей стаканъ водки, брагу. Въ рукахъ жениха и невѣсты вновь появляется платокъ, что былъ при рукобитьи. Сваха подноситъ невѣстѣ опояску, и та лично опоясываетъ ею жениха, который и отдариваетъ свою ласковую княгинюшку деньгами. Поѣзжане, по приглашенію вѣжливца, присаживаются къ столу и, наконецъ, отправляются въ церковь.

Вторая свадьба, описанная мною, происходила въ мѣстахъ обрусѣлыхъ. Рѣдко что измѣняется въ ней. При укладавньи молодыхъ въ голбцѣ такъ же присутствуютъ сваха и вѣжливецъ; также въ присутствіи ихъ происходитъ раздѣваніе молодыхъ, причемъ укладывая ихъ въ постель, вѣжливецъ говоритъ: «стану, я рабъ божій, бвагосъовясь, выйду изъ дверей въ двери на красное совнышко, подъ бѣвый мѣсяцъ, подъ часты мевки звѣзды. Пройду въ лѣсъ, во темномъ лѣсу избушка, тутъ есть Мать Присущая; подойду поближая, поквонюсь понижая. Я хочу (такихъ-то) присушить, праву ручку поцѣвую, о чемъ и прошу». Тутъ, закрывая молодыхъ одѣяломъ, доканчиваетъ: «Аминь» и уходитъ.

Иногда на другой день свадьбы всѣ поѣзжане раннимъ утромъ отправляются къ рѣчкѣ мыться, вооружившись, кто чѣмъ смогъ: помеломъ, заслонкой, ведрами и т. п., причемъ вся эта ватага идетъ на рѣчку съ шутками-прибаутками и звономъ въ свои инструменты. Придя на рѣчку, молодая бросаетъ—богатая мелкую монету, а бѣдная шерстинку изъ опояски: это она задариваетъ водяного, чтобы онъ къ ней былъ добрымъ. При умываніи происходятъ комичныя картинки. Только кто-нибудь вымылся, глядь—ему вымазали все лицо сажей или грязью. Шутки эти нравятся не каждому. Свадьбы устраиваются родителями, а сама молодежь не при чемъ. Иной парень работаетъ гдѣ-нибудь на заводѣ всю зиму, пріѣзжаетъ домой, а ему тутъ и объявятъ: черезъ недѣлю вѣнчать будемъ; въ такой-то волости такую-то дѣвку высватали. Лѣтомъ, самъ знаешь, работы въ волю, матери одной не управиться

будетъ; чѣмъ строшную (работницу) держать, лучше стряпку въ домъ взять. Жена называется «стряпкой», а мужъ «работникомъ». Взять на себя работника значитъ — выйти замужъ. За частую ни женихъ, ни невѣста другъ-друга и въ глаза не видали. Пріѣдетъ женихъ и видитъ—уродъ его невѣста. Перетерпитъ до свадьбы, зато потомъ.... тяжелое житье и отъ мужа, и отъ всѣхъ нелюбимой бабѣ! Не лучше бываетъ и тогда, когда женихъ не нравится невѣстѣ. Вѣроятно поэтому-то такъ часто замѣчается полная отчужденность между супругами-пермяками. Они точно стыдятся сказать другъ другу ласковое слово не только при людяхъ, но даже и съ глазу на глазъ. Чаще всего супруги даже не называютъ себя по имени, а какой-либо кличкой и, притомъ, далеко не поэтичной. Вотъ подъѣхалъ къ дому пермякъ; ему лѣнь самому отворить ворота и онъ во всю мочь кричитъ: «Кага, каа-га»! (ворона, ворона). Зато собственныхъ именъ не знаютъ. Въ воинскихъ присутствіяхъ часто приходится наблюдать слѣдующее.—«Какъ зовутъ жену? Сколько ребятъ»? спрашиваютъ тамъ.—«Не знаю, сейчасъ спрошу у сосѣда», отвѣчаетъ вопрошаемый. Когда его вновь съ удивленіемъ спрашиваютъ: «да неужели же сосѣдъ лучше тебя знаетъ имена твоей семьи». Тогда пермякъ съ убѣжденіемъ въ голосѣ, какъ о какой-то непреложной истинѣ, говоритъ: «какъ же, въ сусѣдскомъ дѣвѣ какъ не вучше знать».

Кромѣ упомянутыхъ свадебъ, бываютъ еще свадьбы «убѣгомъ». Собственно говоря это фокусъ—никакого убѣга не происходитъ, а просто разъ люди слишкомъ бѣдны, и столы имъ не по карману, они вѣнчаются въ тихомолку и тѣмъ избѣгаютъ расходовъ. Случается иногда, что всѣ разсчеты относительно богатой невѣсты распадаются прахомъ по совершенно не зависящимъ отъ сторонъ обстоятельствамъ; напр., только что выѣхали со двора, а навстрѣчу попалась собака, приходится сватовщику возвращаться домой и сообщить домашнимъ: «не добрая встрѣча—собака попалась, не поѣду сватать, такая же злая сноха будетъ, не надо ея». Зато попадись навстрѣчу свинья—лучшаго и желать не надо.

Жизнь молодыхъ въ первый годъ идетъ обыденнымъ порядкомъ и въ ней только и выдаются то, что въ первый годъ ни молодой, ни молодушка не говѣютъ и не ходятъ ни къ кому на похороны. Въ сборное воскресенье всѣ молодушки пріѣзжаютъ въ церковь и здѣсь встрѣчаются съ своими подруженьками. Послѣ обѣдни всѣ онѣ выходятъ на паперть, тутъ повѣствуютъ о своихъ горяхъ и злоключеніяхъ и притомъ, конечно, ревутъ. Пермяки говорятъ про нихъ: поѣхава «сковородники» продавать (губы при плачѣ слегка отвисаютъ).

Церковь пермяки посѣщаютъ неохотно; но стоитъ кому-нибудь заболѣть или слегка прихворнуть, и они, боясь смерти безъ покаянія, шлютъ за попомъ. Встрѣтить мужика или бабу, соборованныхъ пять-шесть разъ, вовсе неудивительно; скорѣе трудно найти пожилого человѣка еще ни разу не соборованнаго.

Трудно больного кладутъ подъ образа и еще живого начинаютъ оплакивать. Пока скончавшагося обмываютъ бабы, мужики, родственники умершаго сколачиваютъ гробъ—самый грубый и по формѣ и по исполненію. Всѣ стружки и щепки, остающіеся отъ гроба, кладутъ въ него же. Одѣтаго въ чистое бѣлье покойника укладываютъ въ гробъ, закрываютъ плотно крышкой и стелютъ на нее кусокъ новаго холста. Затѣмъ гробъ выносится изъ избы и ставится на дровни, по возможности никуда негодныя. Гробъ ставится на дровни во всякое время года, т. е. и лѣтомъ. Плотно привязавъ гробъ, чтобы онъ не упалъ, жена, мать и другіе родственники садятся на крышку гроба, захвативъ съ собой челпанъ и предварительно обернувъ его пояскомъ, какой носится у лаптей. Верхомъ на лошаденку залѣзаетъ возница и поѣздъ съ едва-едва остывшимъ покойникомъ тихо трогается въ село. Первому, кто попадается на встрѣчу, бросается взятый изъ дома челпанъ—«на поминъ души». Бѣда тому, кто, по незнанію этого обычая, не приметъ хлѣбъ. Такимъ пренебреженіемъ онъ тяжко оскорбляетъ душу умершаго и за такое оскорбленіе иногда можетъ чувствительно поплатиться боками и во всякомъ случаѣ выслушать немало ругани. Бабы во всю дорогу навзрыдъ плачутъ и причитаютъ по умершему. Иногда и здѣсь, для большаго парада, приглашается вытчица. Вотъ нѣсколько образчиковъ завыванія по умершимъ.

Подымитесь, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,
Раздуньте-ка, вѣтры буйные,
Со гвубокой-то со могивушки
Мать сыру-землю.
Раздвойся ты, сыра-земля,
Развались, гробова доска.
У моей-то родной матушки,
Распахнитесь, саваны бѣвые.
Ты востань-ко, востань,
Родимая моя матушка.
Отвори-ко очи ясныя,
Посмотри-ко на меня, моводешеньку,
Признай-ка меня, твоего дитятку,
Отверзи-ко уста свадкія,
Поговори-ка со мной рѣчь понятную.
Ты уважь мое сердечико,
Разспроси у меня, моводешеньки,
Про мое житье-бытье сиротское.
И т. дал.

Надъ усопшимъ ребенкомъ причитаютъ такъ.

Дитя мое, мивое,
Дитя мое сердечное,
Бѣвое лебедушка,
Ясенъ ты, мой соковчекъ.
Куда ты взъетѣлъ,
Мой соковчекъ.
Во вѣчныя твои свояси.
Оставъяешь меня сиротой
Вѣчно о тебѣ горевать.
Оставій ты мнѣ на память
Твой хорошій образъ
Ангейскаго лича,
Не могу я твой вкъ зааа-а-абыыыть.

Провожая свекра, причитають такъ.

Богдарный ты, мой батюшка,
Не во пору, не во времьячко
Оставъявъ насъ, моводыхъ.
Какъ мы будемъ дома правити?
Кто насъ будетъ будить
По утру ранешенько?
Кто намъ будетъ работу сказывать?
Твой сынъ моводенекъ,
Я сама зевененька —
Остаюсь съ мавыми дѣткааа-а-аамиии.

Надъ свекровкой поютъ слѣдующую характерную и полную житейскаго смысла и мудрости пѣсню. Въ этой пѣснѣ-причитаніи свекровкѣ, женщинѣ—какъ вездѣ—суровой, воздается должное за то, чѣмъ она дѣйствительно не могла не быть полезной своимъ невѣсткамъ.

Богдарная моя матушка,
Вепкая моя надѣюшка!
Не во пору, не во времьячко
Подвомивись твои рѣзвыя ноженьки,
Повавивась твоя буйная говоушка,
Опали твои бѣвыя рученьки
И не будутъ мнѣ помогати.
И пойду я на лѣтнюю работу,
Оставъю я своихъ мавыхъ дѣточекъ
Съ чужой-то свугой и замѣнушкой.
Не по моему дѣво дѣваютъ.
Возмутится мое серче ретивое
И вспомнится богдарная
Моя матушка.
При вепкой моей заботушкѣ
Прійдемъ съ поя по вечеру поздненько,
Повстрѣчаешь ты насъ, наша матушка,
И все дѣо твое исправъенное
Да и про насъ ужинъ приготовъее-е-
еный.

Интересны причины плача у работницы.

На кого ты меня оставива,
Ученича моя (учительница-наставительница)!
Кто мнѣ дѣво прикажетъ,
Ученича моя!
Ужъ и тыжъ меня любива,
Ученича моя!
И любива ты и бива,
Ученича моя!
Наставъяа на умъ-разумъ ты меня,
Ученича моооо-о-ояяя!

Привезеннаго въ село покойника, первоначально оставляютъ на улицѣ, неподалеку отъ церкви; кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ къ отцу-батюшкѣ духовному и проситъ его прійти и отпѣть, причемъ вручаетъ ему плату, сообразную съ желаніями семьи, т. е. за простой отпѣвъ, или за отпѣвъ со звономъ при внесеніи въ церковь, или же за отпѣвъ съ полнымъ звономъ, т. е. со звономъ какъ при вносѣ, такъ и при выносѣ изъ церкви. Батюшка и члены причта въ облаченіи выходятъ къ поѣзду. Родня снимаетъ гробъ съ дровенъ, а если это не подъ силу, то прямо на дровняхъ, по совершеніи краткой литіи, везетъ покойника къ церковной паперти и оттуда вноситъ въ церковь. По отпѣвѣ покойника, подъ колокольный перезвонъ и въ сопровож-

денія духовенства (а при неуплатѣ ему дохода, безъ всего этого) гробъ выносятъ изъ церкви на кладбище. Могилы копаютъ весьма неглубокія. Какъ только покойника выносятъ изъ церкви, причитанія возобновляются и наиболѣе сильно раздаются при опусканіи его въ могилу. Какъ только покойникъ закопанъ, слезы прекращаются и поѣзжане уѣзжаютъ домой помянуть покойника. Торопятся пермяки съ погребеніемъ изъ-за боязни покойника. По вѣрованію ихъ, душа покойника гуляетъ по свѣту гораздо дольше, чѣмъ самъ онъ. Эта душа во всякое время «по звобѣ» можетъ напугать и причинить много зла еще не покинувшимъ юдоль скорби обывателямъ. Она, т. е. душа, всегда однакоже старается быть поближе къ своему тѣлу и, къ тому же, она еще безглаза—придти ей отъ трупа назадъ, поэтому, гораздо труднѣе, чѣмъ тогда, когда трупъ по близости. Вотъ и рекомендуется, какъ самое лучшее средство, для тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе избавиться отъ непріятностей, поскорѣе распроститься съ тѣломъ покойника. Только эта боязнь, только это чувство самосохраненія и заставляетъ пермяковъ продѣлывать разныя странности. Чтобы душа, по безглазости, не приняла дровни за тѣло и не возвратилась домой обратно, они еще и теперь очень часто оставляютъ дровни на кладбищѣ. Эти дровни или закапываются на половину въ могилу или просто оставляются на кладбищѣ. Однако же, въ послѣднемъ случаѣ, чтобы покойникъ (вѣдь онъ могъ быть и колдунъ) не вернулся обратно, а колдуны могутъ не только вставать изъ могилъ, но и совершать довольно-таки отдаленныя прогулки, вывертываютъ оглобли и самыя дровни перевертываютъ вверхъ копыльями (полозьями), причемъ правило или носокъ дровней долженъ быть не по направленію дома, а отъ дома. Тогда, если бы покойнику вздумалось вылѣзти изъ могилы, онъ, если даже и сможетъ вставить оглобли или выкопать руками (работа не скорая) изъ могилы дровни, во первыхъ, по безглазости своей души, если и поѣдетъ, такъ не въ сторону семейщиковъ, а въ противоположную, не найдетъ ихъ и, убѣдившись въ своемъ безсиліи, возвратится обратно; во вторыхъ, на означенныя работы покойникъ положитъ такъ много времени, что до пѣтуховъ ему будетъ не доѣхать. Эта же болѣзнь—страхъ передъ умершимъ заставляетъ пермяковъ чтить и всячески ублажать память «миваго упокойничка». Какъ убѣждены пермяки, покойники могутъ, и не оставляя могилы, входить въ соглашеніе съ добрыми и злыми духами и, при посредствѣ ихъ, устроить какую-либо каверзу или упросить кого слѣдуетъ напомнить о своемъ загробномъ существованіи посредствомъ какой-нибудь болѣзни или несчастія по домашнему обиходу. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ пермяковъ заказывать, сверхъ обыкновенныхъ поминокъ, сорокоустъ (стоимостью отъ 15 до 20 р.). Кромѣ того и мужики, а ужъ особенно бабы зорко слѣдятъ за поминальными днями, и въ эти дни ни въ какомъ случаѣ не забудутъ послать

въ церковь свои поминальники. Поминая усопшаго (цѣна за поминанье на общей панихидѣ 3 — 5 коп., на обѣднѣ 15 – 20 коп.), въ церковь несутъ кто пирогъ, преимущественно рыбный, но случается и мясной, кто печеное яйцо, кто просто хлѣбъ или паренку (пареная рѣпа). Все принесенное кладется въ церкви передъ какимъ-нибудь особо чтимымъ образомъ. Но какъ принесеніе, такъ и положеніе явствъ является дѣломъ не такъ простымъ, какъ кажется. Поминальщики пріѣзжаютъ или приходятъ иной разъ верстъ за двадцать, а то и дальше, да еще порой въ трескучій морозъ. Между тѣмъ, на прямой ихъ обязанности лежитъ принести явства горячими. Часто приходится наблюдать, какъ пришедшая зимой баба начинаетъ снимать съ себя сначала одну шубу, а потомъ другую; разстегиваетъ сарафанъ и изъ-за пазухи вытаскиваетъ толстѣйшій платокъ, въ которомъ въ многочисленныхъ тряпицахъ находится завернутая снѣдь. Иная двѣ-три шали не пожалѣетъ, чтобы донести все какъ слѣдуетъ, т. е. горячимъ. Прежде чѣмъ положить принесенное на столъ, помѣщающійся у чтимыхъ образовъ, необходимо пирогъ или паренку разломить, а яйцо разбить и, слегка облупивъ, надломить его. При такого рода разламываніи зимой виденъ, даже на глазъ, паръ. Этотъ-то паръ и суть всего дѣла въ обрядѣ поминовенія. Сама снѣдь, во время литургіи (при большомъ выходѣ) или будетъ взята и съѣдена приносящими, или возьмется для той же надобности трапезникомъ (церковнымъ сторожемъ). Паръ же, идущій отъ принесеннаго, къ тому времени весь улетучится, и имъ-то и полакомится душа умершаго. Поминаемая душа, вѣритъ пермякъ, всегда присутствуетъ тамъ, гдѣ ее поминаютъ, она только не видима для глазъ. Такъ какъ душа пермяка и всякаго другого есть паръ, то, исходя изъ этого основного начала, нельзя не придти къ заключенію, что паръ не представляетъ ничего иного, кромѣ пара, и ѣсть не можетъ. Вотъ гдѣ кроется весь смыслъ поминанія покойниковъ горячею ѣдою. Пермяцкая душа, какъ и наша, въ теченіи 40 дней не можетъ выбраться съ этого свѣта на тотъ: она все это время витаетъ по близости дома. Чтобы она не взошла въ домъ въ это время, пермяки нанимаютъ кого-нибудь изъ грамотной нищей братіи читать псалтирь. Въ 40 день устраивается общій для всѣхъ родственниковъ поминальный обѣдъ, а по окончаніи его всѣ расходятся, выпуская прежде всего въ выходныя двери кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ: послѣ умершаго мужчины—мужчину; послѣ умершей женщины—женщину. По убѣжденію пермяковъ, съ выходомъ этого лица выходитъ изъ дому, если только какъ-нибудь успѣла забраться, и душа умершаго. Ее провожаютъ точно также, какъ и покойника, съ причитаніями.

Пермякъ немало озабоченъ тѣмъ, какъ можно вылѣчиться отъ хворости безъ травъ и снадобій,—отъ тѣхъ болѣзней, что приключились с г л а з у. Для

того чтобы не хворать ни самому, ни ребенку слѣдуетъ не показываться черному-черемному (черному, красному, рыжему): это самый не надежный народъ. Впрочемъ, и противъ нихъ есть радикальнѣйшее средство: посыпьте на свою голову или на голову ребенка соли или попросите обрызгнуть съ уголька такъ. чтобы вы или ваше дитя испугались. Только эти средства и спасаютъ отъ сглаза. Сыпать соль слѣдуетъ не только при встрѣчѣ съ помянутыми и явно неблагонадежными лицами, но и тогда, когда вообще боишься сглазу. Захвалили вашего жеребенка, позавидовали вашей косѣ, силѣ или дородству и вы боитесь лишиться этихъ качествъ—самое лучшее немедленно посыпать голову солью. Когда, несмотря на мѣры предохранительныя, заболѣваютъ дѣти (ребята вообще легче всего поддаются урокамъ), прежде всего и, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ обратиться къ доктору, слѣдуетъ заговорить дитя. И что болѣе остается дѣлать пермяку въ такихъ случаяхъ? Доктора, даже фельдшера, пригласить нельзя—средствъ нѣтъ, да и дорогъ нѣтъ или онѣ дальнія. Бываетъ и такъ: пріѣдетъ докторъ, пропишетъ лѣкарство; за нимъ надо долго ѣздить, а пріѣдешь въ больницу—его въ ней нѣтъ. Заклинатели—тѣ же вѣжливцы дѣйствуютъ по-просту. Вотъ образчикъ такого заговора. «Пресвятая Богородица, будь Ты къ намъ на помощь, на способъ раба (имя рекъ) отъ урока, переповока, отъ скородумныхъ и передумныхъ; отъ дѣвки довгововолоски; отъ бабы кручнововоски; отъ мужика стригововолоска; отъ всякаго человѣка: отъ темнокроваго, отъ краснокроваго, отъ смутнаго, отъ развутнаго и т. д. Утренняя заря—Дѣва Марія, вечерняя заря—Маремьяна, пріидите Вы къ намъ въ нашу пользу, къ рабу мваденцу мвадому (имя рекъ)». Приэтомъ заговорщица (таковыми обыкновенно бываютъ женщины, а мужчины заговорами надъ маленькими не занимаются) беретъ въ руки вѣникъ (заговоры чаще всего происходятъ въ жарко натопленной банѣ) и имъ, предварительно политымъ начерпанной девять разъ ковшемъ водой, паритъ сглаженнаго приговаривая: «Зевеная вичка, зевеная травичка, повезная, освященная святою росою, такъ же и рабъ мваденечъ (имя рекъ) очищайся моими рѣчами». Стоитъ только послѣ этихъ словъ попарить ребенка, побрызгать его водой, раза два-три дунуть и... ребенокъ здоровъ. Всѣ заговоры кладутся какъ на маленькихъ, такъ на большихъ и на порченныхъ.

III.

Домоустройство. — Пища (брага, черинянь, кумышка). — Соціальное и семейное положеніе женщины.—Полеводство, коневодство, скотоводство, рыболовство и другіе промыслы (охота, талисманъ, магнитъ).—Народное образованіе.

Еще недавно пермяки жили гораздо дружнѣе. Семьи по 30 и по 40 чел. были не въ рѣдкость лѣтъ 25 назадъ. Теперь этого уже, за самыми

рѣдкими исключеніями, нѣтъ. Говорятъ, въ то время пермяки жили богаче. Браки играютъ здѣсь большую роль. Изслѣдованіе причинъ раздѣловъ убѣждаетъ въ томъ, что они начинаются тотчасъ послѣ свадебъ. Вольная дѣвушка, попавъ въ тяжелые тиски семейной жизни, всячески старается сбросить ихъ. Если ея мужъ дѣйствительно привязался къ ней, то при посредствѣ мужа, а если не такъ, то своею сварливостью она достигаетъ того, что старшіе родственники говорятъ: «надо дѣлиться». Получивъ по рѣшенію ближайшаго схода усадьбу для новаго дома и закупивъ потребное количество лѣса, приступаютъ къ постройкѣ дома. Дѣло постройки, какъ и всякое серьезное, начинается молитвою. Молятся только семейщики у себя въ домѣ, а помолясь идутъ на работу—рубку стѣнъ. Первый ударъ по дереву принадлежитъ тому, для кого строится домъ. Щепа, отлетѣвшая отъ перваго удара, берется ударившимъ и, до времени, хранится дома. Дальнѣйшая постройка происходитъ какъ вездѣ: подкладываютъ фундаментъ и въ тоже время рубятъ срубы. Когда срублены срубы, ихъ начинаютъ класть на мѣсто, причемъ, когда положенъ вѣнецъ, равняющійся съ поверхностью пола, работы пріостанавливаются и назначается «оквадъ» Приглашаются священники, и послѣ молебна и освященія зданія всѣмъ участникамъ работы и приглашеннымъ предлагается угощеніе. При наложеніи на фундаментъ перваго вѣнца, въ красномъ углу кладется домохозяиномъ, до этого времени тщательно сохраняемая имъ, первая щепа и копѣйка или больше, въ зависимости отъ богачества. Когда срубы выведены подъ потолокъ, наступаетъ самое важное дѣло въ постройкѣ: подъемъ матицы *). Заготовленное для матицы и надлежащимъ образомъ обдѣланное бревно подымается на мѣсто такимъ образомъ: сначала его слегка приподымаютъ по стѣнѣ, а затѣмъ къ срединѣ матицы лаптевыми опоясками привязываютъ завязанный въ бѣлый холстъ рыбный пирогъ (символъ будущаго довольства домохозяина); если ни у самихъ хозяевъ, ни у сосѣдей нѣтъ рыбы, то довольствуются и мяснымъ пирогомъ. Матицу осторожно, чтобы не смять и не раздавить пирогъ, вмѣстѣ поднимаютъ кверху и кладутъ съ деньгами и шерстью, чтобы было довольство и скотъ въ домѣ водился, въ заблаговременно приготовленное гнѣздо. Всѣ молятся Богу; кто-нибудь изъ искусниковъ идетъ на заработокъ за пирогомъ, холстомъ и опоясками. Пирогъ достается такъ: кто-нибудь влѣзаетъ (безъ лѣсовъ и подставокъ по красному углу на самый верхъ его) и тамъ, помолясь Богу, начинаетъ совершать слѣдующее путешествіе. Онъ идетъ по одному бревну по-солонь до слѣдующаго угла, гдѣ такъ же молится; затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ въ тре-

*) Матица—это бревно, которое проходитъ по срединѣ комнаты и на которомъ укрѣпляются потолковыя доски. Она должна быть очень крѣпкой, чтобы вынести не только давленіе этихъ досокъ и земли, насыпаемой въ защиту отъ холода, но еще и служить связью между стѣнами.

тій уголъ и оттуда къ красному же углу. На срединѣ дороги ему попадается матица—онъ идетъ по ней, снимаетъ пирогъ и, положивъ его на голову и все время придерживая его на ней лѣвой рукой, отправляется вновь къ красному углу. Здѣсь, закончивъ полный кругъ и все еще держа пирогъ на головѣ лѣвой рукой, онъ молится Богу, а послѣ этого снимаетъ пирогъ и слѣзаетъ внизъ по углу. Работа эта—доставанье пирога очень серьезна. Наградой за труды для ловкача служатъ: холстъ и опояски—покромки. Самый же пирогъ идетъ въ общій кругъ, т. е. дѣлится между всѣми работниками. Послѣ подъема матицы никакихъ въ этотъ день работъ не бываетъ. Хозяинъ угощаетъ всѣхъ и самъ со всѣми угощается.

При разрѣшеніи вопроса о поселеніи хозяевъ въ новомъ домѣ необходимо считаться съ двумя обстоятельствами: и себя не обидѣть, и близкому человѣку порадѣть. Если, при переселеніи, у васъ будетъ затоплена печь раньше, чѣмъ у оставшихся, это хорошо: вы будете жить безбѣдно. Зато плохо бываетъ запоздавшимъ. Этотъ вопросъ вызываетъ много хлопотъ съ обѣихъ сторонъ и обыкновенно, разрѣшается такъ. Хозяйки обоихъ домовъ въ одинъ часъ заводятъ квашенки, каждая въ своей, такъ какъ печь имъ приведется уже въ разныхъ печахъ, и, какъ только заведутъ, даютъ имъ подняться, «вздохнуть». Дѣло это происходитъ поздно вечеромъ. Ровно въ полночь новая домохозяйка беретъ свою квашенку, а впереди становится ея хозяинъ съ иконою, сзади кто-либо изъ домашнихъ съ чернымъ пѣтухомъ и таковою же курицей, а если есть еще кто изъ близкихъ, такъ тотъ беретъ съ собой кота (тоже желателенъ черный). Вся процессія двигается въ путь. Вошедшій въ новый домъ хозяинъ ставитъ въ передній уголъ икону и опрометью бросается открывать печную трубу; хозяйка такъ же поскорѣе ставитъ квашенку и начинаетъ разводить огонь. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы затопить печь скорѣе. Кто раньше затопилъ, тотъ будетъ богаче и счастливѣе. Но тутъ-то и сказываются обоюдные хитрости домохозяевъ. Хватается одинъ изъ нихъ за вьюшки — не тутъ-то было: никакъ достать не можетъ. Да оно и не диво. Противникъ его еще утромъ велѣлъ своему малолѣтнему сынишкѣ незамѣтно прокрасться въ избу и положить вьюшки ушками книзу. Вотъ теперь и добывай ихъ, а квашенка подымается хорошо, только бы истопить печку и хлѣбы садить можно. При уходѣ въ новый домъ семья оставляетъ въ старомъ свои старые лапти для сусѣдки. Затѣмъ, приглашаетъ его идти съ собою: «сосѣдушко, братанушко, иди съ нами жить на новоселье». Въ новомъ домѣ открываютъ подполье, чтобы онъ могъ свободно пройти къ себѣ. Остающаяся семья, боясь. чтобы спорина въ хлѣбѣ и во всемъ другомъ не перешла въ новый домъ, принимаетъ для этого свои предупредительныя мѣры: она надѣваетъ на себя шубы, предварительно вывернувъ ихъ наружу шерстью;

на руки одѣваютъ теплыя шубницы (рукавицы), а на голову шапку. Разряженная такимъ образомъ семья сидитъ на лавкахъ и не встаетъ съ нихъ, пока выселяющіеся не выселятся совсѣмъ. Новоселы, чтобы къ нимъ какъ-нибудь въ домъ не попала кикимора—отчаянная блудня, топятъ печь оставшимися отъ постройки дома щепками. Когда щепки израсходуются, кикимора отойдетъ отъ дома и не будетъ нарушать спокойствія живущихъ.

Самыя избы и деревни ничѣмъ не отличаются отъ великорусскихъ; между бѣлыми избами очень часто попадаются и черныя, курныя. Деревеньки чаще всего располагаются не на горѣ, а подъ горой, почему грязь въ деревняхъ, особенно весною и осенью, непролазная. Самая деревня расположена или просто нагромождена домами безъ всякаго порядка; никакихъ иныхъ соображеній, кромѣ своихъ собственныхъ, не признается. Окна у большинства избъ (въ глухихъ пермяцкихъ мѣстечкахъ) дѣлаются во дворъ, а не на улицу. Такое устройство удобно, конечно, въ хозяйственномъ отношеніи: хозяева во всякое время видятъ все, что творится на скотномъ дворѣ; за то въ избахъ очень мало свѣта, да и воздухъ, попадающій лѣтомъ въ избу, сильно насыщенъ ароматами скотнаго двора. Въ настоящее время въ оконныя рамы почти вездѣ уже вставляются стекла, а все-таки еще попадаются окна не съ стеклами, а съ заслонками изъ бычьяго пузыря или бычьей брюшины («сирьеныя»). Каждый хозяинъ обноситъ свою усадьбу плотнымъ заборомъ, а иногда и тыномъ. Въ этомъ-то, скрытомъ отъ взоровъ, заплотѣ построенъ домъ, такъ что проѣзжій положительно не видитъ въ деревнѣ ни одного дома, а все только заборы, дѣлаемые иногда настолько высокими, что изъ-за нихъ не видно даже крышъ. Крыши домовъ тесовыя и этимъ пермяцкая деревня рѣзко отличается отъ великорусскихъ нерѣдко соломенныхъ деревень. Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить малочисленность здѣсь деревенскихъ пожаровъ, несмотря на то, что сами пермяки крайне неаккуратны въ обращеніи съ огнемъ. Всѣ надворныя постройки также тесовыя, равно какъ и масса гуменъ. Потолокъ, за самыми рѣдкими исключеніями, замѣняетъ собой крышу; входныя двери до крайности узки и низки. Неподалеку отъ избы помѣщается баня, похожая болѣе на курятникъ или собачью конуру. Почти всѣ бани курныя, съ землянымъ поломъ. Внутри каменка и лавка для мытья; полки бываютъ рѣдко, да и помѣстить ихъ въ банѣ положительно некуда. Въ низкихъ баняхъ мыться можно только сидя. Мыло и въ банѣ не употребляется и идетъ исключительно при стиркѣ бѣлья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моются особаго рода глиной («землянымъ мыломъ»).

Во многихъ деревушкахъ выстроены часовенки, по виду и по размѣрамъ, напоминающія небольшія церковки. Каждая деревня строитъ часовню въ честь своего собственнаго деревенскаго святого, и онѣ высоко чтутся пермяками. Въ дни чествованія именъ этихъ святыхъ здѣсь зачастую происходятъ вакханаліи.

Всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ заправляетъ набольшая, если только она еще въ силахъ, а если нѣтъ, то старшая по ней невѣстка. Она готовитъ кушанья и питье; она же наряжаетъ на работу другихъ женщинъ.

Пермяки любятъ поѣсть хорошо и разнообразно. Мясо-солонина и рыба, тоже соленая, какъ наиболѣе дешевая, въ рѣдкій день не появляются за столомъ мало-мальски сможнаго пермяка. Зато, если въ домѣ нѣтъ ничего, такъ пермякъ умѣетъ изготавливать кушанья изъ ничего. Весною посылаетъ всѣхъ бабъ и ребятъ въ паровое поле собирать пестики. Пестиками называется полевой хвощъ; онъ выходитъ изъ земли очень рано и собирать его надо въ самомъ раннемъ возрастѣ, пока онъ не размятлился, не распушился; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ свой вкусъ. Пестики ѣдятъ въ яичницѣ, въ пирогахъ и отваренными въ круто-посоленной водѣ. Изъ травъ въ большемъ почетѣ такъ же пиканы. Это тѣ самыя дудки, что растутъ въ каждомъ огородѣ и на поляхъ и изъ которыхъ многіе изъ насъ въ дни юности прыскали водой. Изъ пиканъ приготовляютъ только два кушанья: варятъ въ водѣ и ѣдятъ ихъ горячими, круто подсаливая, или квасятъ и ѣдятъ холодными съ квасиной. Запахъ у пикановъ неважный, и въ мѣстахъ не пермяцкихъ ихъ кладутъ въ кадки, изъ которыхъ берутъ воду для поливки огорода, такъ какъ настоявшаяся на пиканахъ вода хорошо помогаетъ отъ блохъ, истребляющихъ капустную и другую росаду.

Такимъ образомъ, пермяки весной нуждаются, въ крайности, въ очень немногомъ. Зато въ дни довольства у нихъ достаточно всего изъ яствъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ отмѣтить чисто пермяцкія—кушанье «пельняни» и питье—брагу.

Я поставилъ слово «пельняни» въ ковычкахъ не зря. До сихъ поръ тысячи людей кушали и говорили про это кушанье, а названіе его перевирали самымъ разнообразнымъ образомъ. Такъ, Немировичъ-Данченко пишетъ въ своемъ сочиненіи «Кама и Уралъ», 1890 г. стр. 505: «Твой гость. Назадъ поѣду, приверну.... Ужъ и перменями я тебя тоды угощу». Совсѣмъ недавно въ газетѣ, издающейся въ Пермской губерніи, коренной корреспондентъ изъ г. Перми пишетъ такъ: «перменями они называются потому, что придуманы пермяками». Никогда такъ ихъ не называли. Правда, кушанье это чисто пермяцкое, но ничего съ пермяками, точнѣе, съ ихъ именемъ, общаго не имѣетъ. Слово «пермяне» не существуетъ, какъ это совершенно вѣрно разъяснилъ г. Роговъ, а есть слово «пельнянь», что по-русски значитъ хлѣбное ухо (пель-ухо, нянь-хлѣбъ). Тѣ, кому приходилось кушать пельняни, знаютъ, что по формѣ своей они напоминаютъ ухо. Пельняни — традиціонное кушанье пермяковъ, и безъ него они дорогого гостя не встрѣтятъ и не проводятъ

Кушанье это весьма распространено по Сибири, часто встрѣчается и у насъ, русскихъ, только мы ѣдимъ его совершенно не по-пермяцки. Пельняни дѣлаются рѣшительно изо всего: мяса, рябковъ, рыбы соленой и свѣжей, капусты, и проч. Способъ приготовленія ихъ чисто пермяцкій описанъ уже Роговымъ и я, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что изданіе его теперь уже почти библіографическая рѣдкость, дѣлаю изъ него выдержку. «Пельняни дѣлаются изъ очень небольшихъ, круглыхъ, ячныхъ сочней и свиного, разведенаго водой, фарша. Сочень перегибается и защипывается по краямъ. Получается пирожокъ, который съ прямого края выгибается дугой на большемъ пальцѣ, отъ чего первоначальная форма его—правильный полукругъ—измѣняется въ другую, схожую съ ухомъ человѣка. Для употребленія пельняни варятся въ водѣ». Въ одномъ только я не согласенъ съ почтеннымъ авторомъ. Онъ говоритъ: «ѣдятъ руками, безъ уксуса». Пельняни всегда и у всѣхъ ѣдятъ съ домашнимъ уксусомъ, приготовливаемымъ изъ-подъ пива. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ въ уксусъ насыпаютъ, по вкусу, перецъ. Пельняни вкусное и сытное кушанье; они тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ мельче изрублена заправка—фаршъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, даже лѣнивый пермякъ, какъ только дѣло доходитъ до рубки фарша, беретъ въ руки мясное корыто и усердно рубитъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока фаршъ не превратится въ совершенно однородную полужидкую, отъ разведенія его водой, массу.

Какъ нелегко пермяку обойтись безъ пельняней, такъ же точно трудно ему обойтись и безъ браги. Первые составляютъ, конечно, роскошь, хотя капустные и не дорогую, а вторая уже замѣняетъ собою насущный хлѣбъ, и очень часто многія семьи въ недородъ если не умираютъ съ голоду, такъ только благодаря ей. Вотъ какъ Роговъ описываетъ ея изготовленіе и потребленіе. «Обыкновенное питье пермяковъ составляетъ брага. Неимѣніе браги—немалое несчастіе для пермяка. Лишившись возможности пить брагу, пермякъ впадаетъ въ состояніе, подобное тому, въ какомъ находится почитатель водки, когда не имѣетъ средствъ удовлетворить своей страсти. Брага приготовляется изъ «бражнаго солода», который дѣлается изъ одной части ржаного солода и шести частей овса, по вѣсу. Брага бываетъ жидкая и густая. Жидкая брага употребляется всегда холодная. Она замѣняетъ у пермяковъ русскій ржаной квасъ, почему и называется иначе квасиною (казеръ-ырошъ); получается она, когда насолоду (бражный заторъ) разводятъ большимъ, противъ густой браги, количествомъ воды, или когда, послѣ полученія густой браги изъ насолоды, еще разводятъ ее водой во второй разъ. Первымъ способомъ приготовляютъ квасину бѣдняки, по неимѣнію въ достаткѣ «бражнаго» (солода), послѣднимъ—зажиточные. Густая брага составляетъ постоянное питье зажиточныхъ пермяковъ, дѣлается теплая и холодная; бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ богаче пермякъ. Она чрезвы-

чайно питательна: напившись густой браги, пермякъ ѣстъ очень мало хлѣба. Отъ прибавленія хмѣля или колобка тѣста, замѣшаннаго на хлѣбномъ винѣ, брага получаетъ опьяняющее свойство, и въ этомъ видѣ особенно уважается пермяками. На густую брагу очень много тратится овса и ржи. Если брага должна быть холодная (кодзитъ), то, послѣ процѣживанья, сквасивъ ее нѣсколько, выносятъ лѣтомъ на ледникъ, зимой въ прохладное мѣсто, въ подполицу. Теплая брага (шоныть ырошъ) получается, если, послѣ приготовленія, ставятъ ее къ ночи на печь въ плотно завязанной корчагѣ; здѣсь она укисаетъ и становится очень крѣпкою. Ее дѣлаютъ только къ праздникамъ, къ помочамъ, къ свадьбамъ, къ поминкамъ, къ важнымъ, рабочимъ днямъ—всегда хмѣльную. Оставшаяся къ другому дню и выстуженная, теплая брага называется сюремкой. Страстные любители теплой браги, мужчины и женщины, приготовляютъ ее, кромѣ праздниковъ, на всякій воскресный день: по утру на шесткѣ, во время топки печи, подогрѣваютъ брагу, и съ обѣда, который бываетъ въ 9 часовъ утра, распиваютъ ее до вечера. Конечный результатъ такого наслажденія—совершенное охмѣленіе. Иногда теплую брагу дѣлаютъ съ конопляной кугликой (шелухой сѣмянъ); такая брага очень хмѣльна, или, лучше, какъ выражаются пермяки, дурна, потому, что отъ нея, говорятъ они, «люди дурятъ». Она производитъ сильное головокруженіе. И холодную и теплую брагу пьютъ въ большемъ количествѣ, особенно въ мѣстные праздники—болѣе полуведра на человѣка въ день». Къ этому, съ своей стороны, могу добавить, что, по внѣшнему своему виду, брага холодная напоминаетъ собою наши кислыя щи; она весьма пѣнна и въ лѣтніе жаркіе дни незамѣнима, такъ какъ не только утоляетъ жажду, но въ тоже самое время и кормитъ человѣка. Цвѣтомъ своимъ она напоминаетъ ополоски, получаемыя при мытьѣ чайнаго стакана, когда чай былъ налитъ съ молокомъ. Густота браги, хотя и зависитъ отъ бражнаго, но въ среднемъ всетаки одинакова, и рѣдко бываетъ гуще пивного сусла. Холодная или, какъ здѣсь называютъ, «ководняя» брага замѣняетъ многимъ не только питье, но и ѣду. Я лично наблюдалъ недородъ, почти граничащій съ голодомъ и благополучно минувшій, лишь благодаря брагѣ. Нельзя сказать того же про особенно уважаемую теплую брагу; она замѣняетъ съ успѣхомъ водку, такъ какъ пермяки нынѣ изощрились и прибавляютъ въ нее при заквашиваніи водку, спиртъ и даже ромъ. И потому, что теплая брага пьется рѣшительно во всякое время года, дня и ночи и рѣшительно всѣми и старыми, и малыми и грудными дѣтьми, то состояніе, въ какомъ обыденно находится пермякъ, нельзя не признать полупьянымъ. Такое состояніе не можетъ не отзываться на пермякахъ, и наружный видъ пермяка всегда какой-то тупой, апатичный. Бѣдные пермяки, не имѣя возможности вливать въ брагу, для большей ея хмѣльности, водку и спиртъ, все же хотя отчасти

достигаютъ большей ея хмѣльности опусканіемъ въ нее на время броженія горсточки изюма или ягодъ изъ подъ домашней настойки.

Безъ браги и пельняней существованіе пермяка какъ будто немыслимо; почти въ той же мѣрѣ оно не мыслимо и безъ двухъ другихъ атрибутовъ пермяцкаго существованія: черняня и кумышки. Чернянь, по-русски рыбный пирогъ, составляетъ, во первыхъ, принадлежность каждаго пермяцки порядочнаго человѣка; во вторыхъ, онъ составляетъ неотъемлемую принадлежность и всякаго рода веселыхъ, серьезныхъ и печальныхъ торжествъ. Наконецъ, онъ особенно вкусно пермяками готовится—это тоже немаловажно. Рыбный пирогъ приготовляется рѣшительно изъ всѣхъ видовъ рыбы, но чтобы пирогъ былъ надлежаще вкусенъ, пермяки отнюдь не счищаютъ съ рыбы чешую и, кто, по не знанію и не разсмотрѣвъ этого обстоятельства, начнетъ жевать взятую рыбу, тотъ долго послѣ будетъ выплевывать рыбьи чешуйки. Пирогъ готовится чаще всего въ черномъ или ячномъ тѣстѣ и рѣжется не кусками, а съ него снимается верхняя корка и рыба достается изъ полученнаго отверстія: такого рода рѣзкой достигается сохраненіе разсола.

У пермяковъ, какъ и вообще у русскихъ, усердно соблюдается правило: «рыба плавала». Для того, чтобы она могла наслаждаться своей стихіей и въ загробной жизни, пермяки приготавливаютъ и пьютъ свою кумышку-своедѣлку. Кумышка это та же водка, но только неочищенная. Тѣмъ, кому извѣстенъ вредъ сивушнаго масла, легко сознаютъ, какой вредъ приноситъ эта кумышка, при ежедневномъ ея употребленіи. Крѣпостью своею кумышка мало отличается отъ обыкновенной водки, хотя нѣкоторые мастера изготовляютъ ее % на 60, а то и болѣе. Съ способомъ ея изготовленія ознакомиться не трудно (тѣмъ болѣе, что и припасовъ для ея изготовленія требуется немного, и всѣ они подъ рукой). Вотъ какъ готовится кумышка—шандара, или своедѣлка, или курытъ-ва (горькая водка). На пудъ ржаной муки и два фунта хорошаго хмеля берется такое количество воды, чтобы, при размѣшиваніи, получилась полужидкая масса. Эту массу на сутки ставятъ париться, заквашиваться въ печь въ большихъ корчагахъ. Заквашиваніе должно происходить въ вольномъ жару. Полученную на другія сутки барду сливаютъ въ чугунные котлы, и эти котлы ставятъ на огонь, закрывъ верхъ ихъ деревянной крышкой. У одного изъ краевъ этой крышки сдѣлано круглое отверстіе, съ вершокъ въ діаметрѣ; въ это отверстіе вставляется мѣдная или желѣзная трубка, согнутая на подобіе французской буквы s. Второй конецъ трубки вставляется въ глиняную корчагу, также закрытую деревянной крышкой съ отверстіемъ въ ней для трубки. Какъ корчага, такъ и трубка держатся или обложенными холодными и мокрыми тряпками, или (если есть проточная вода) въ холодной водѣ. Благодаря такому несложному устройству прибора, пермяки выгоняютъ съ пуда муки одну четверть крѣпчайшей до 80% водки, такъ

называемой «съ поска», и столько же % въ 40—45. Такъ какъ свой хлѣбъ пермяки для себя на деньги не перекладываютъ, такъ какъ дрова еще, относительно говоря, недороги, то главную цѣну своедѣлки составляетъ хмель. Но и хмѣль недорогъ. Поэтому, кумышка, какъ выгодный, крѣпкій и быстро дурманящій продуктъ, господствовала раньше, да и нынче очень въ ходу. Съ поднятіемъ цѣнъ на вино, она играетъ прямо-таки выдающуюся роль. Всѣ кары за производство кумышки безсильны, такъ какъ пермяки исчислили математически, что выгоднѣе попадаться и варить кумышку, чѣмъ, не попадаясь, покупать вино въ лавкахъ.

За исключеніемъ вышеупомянутыхъ явствъ и питій у пермяковъ наблюдается и вся та пища и питье, что имѣется и у насъ, русскихъ. Но то, что пермякъ ѣстъ повседневно, русскіе ѣдятъ лишь въ большіе праздники. Въ этомъ да въ деревянныхъ крышахъ пермяки обогнали насъ на-много.

Кухонная посуда, употребляемая пермянками для изготовленія кушаній, почти ничѣмъ не отличается отъ нашей и упомянуть развѣ только о плетеныхъ изъ ивовыхъ вѣтвей корзинкахъ, имѣющихъ видъ плоской шляпы. Въ нихъ скатанный хлѣбъ-тѣсто поднимается на печкѣ и пріобрѣтаетъ круглую и правильную форму. Сѣчка для мяса имѣется, конечно, въ каждомъ домѣ, такъ какъ безъ нея нельзя приготовить пельняней.

Если мы всмотримся въ полумракъ избушки, то замѣтимъ, что въ избѣ, кромѣ глинобитной печи, занявшей чуть не треть избы, имѣются палати, въ красномъ углу иконы, а по стѣнамъ лавки. Въ этой избѣ, пространствомъ до двухъ саженъ въ квадратѣ, помѣщаются отъ двухъ до двадцати и болѣе человѣкъ. Здѣсь спятъ и ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, все наружу.

Женщины у пермяковъ мало приносятъ дохода, кромѣ чисто семейнаго. Правда, онѣ помогаютъ мужьямъ въ отработкѣ полевыхъ работъ, но такъ неумѣло, что только дивиться стоитъ. Вотъ, напримѣръ, вышли люди на работу—на сѣнокосъ. Вездѣ люди идутъ и косятъ, а какъ только коса притупилась—точатъ ее. Совсѣмъ не то здѣсь. Баба ложится на траву и ждетъ, когда къ ней подойдетъ ея благовѣрный или родственникъ, чтобы взять косу и наточить ее. Конечно, все по дому исправляется женщиной, да только немногое ей и исправлять-то. Все, что потребно для насыщенія, уже приготовлено ея мужемъ, отцемъ или братомъ; остается состряпать—это для женщины и нетрудно, и необременительно. Изъ остальной женской работы на пермянкахъ, главн. обр., лежитъ шитье и приготовленіе одежды. Для приготовленія ея обыкновенно засѣвается до пуда льна. Ленъ не полется, а что уродилось, за то и Бога благодарятъ. Пермянки всецѣло живутъ на то, что или заработалъ мужъ, или на то, что безъ помощи мужа и ея уродилъ въ поляхъ и лѣсахъ самъ Господь Богъ. Въ свободное зимнее время какъ дѣвушки, такъ

и женщины ткутъ домашній холстъ для себя и домашнихъ и—ужь совсѣмъ отъ нечего дѣлать—для продажи. Въ каждой волости найдется нѣсколько искусницъ по части тканья опоясокъ, и—дальше пермянки не пошли.

Пожалуй, не многимъ больше придется сказать и о пермякахъ, разъ коснешься ихняго только домашняго, а не полевого хозяйства. Все, что полагается сдѣлать пермяку въ домѣ, ограничивается мелкими домашними подѣлками и рубкой фарша для пельняней. Что же касается полевыхъ работъ, то пермякъ абсолютно земледѣлецъ: дѣлаетъ здѣсь, при своихъ скудныхъ средствахъ, не только необходимое, но и многое. Все, чѣмъ только существуетъ пермякъ, хлѣбъ. Его урожай—пермяцкое богатство, неурожай—пермяцкое несчастье, при крайней неприспособленности пермяковъ къ борьбѣ съ нимъ. Никакой спеціальной работы у нихъ нѣтъ. Никакого побочнаго хоз. производства у пермяковъ не имѣется уже потому, что и изучать-то его не у кого. Все, что только употребляется у пермяковъ, все покупное, все привезенное—до крестьянскаго кованаго гвоздя включительно. Своего ничего нѣтъ. Подковы, телѣжные хода и т. п., все пріобрѣтено и пріобрѣтается отъ вятскихъ кустарей за недешевую плату. Никто и никогда пермяковъ никакимъ ремесламъ не училъ, никакихъ ремеслъ они до сего времени не знаютъ и безъ помощи, безъ указанія, никогда имъ не научатся.

Земледѣліе у пермяковъ находится почти въ первобытномъ состояніи, не смотря на то, что безъ землепашества пермякъ немыслимъ, и на это дѣло онъ не жалѣетъ ни труда, ни денегъ. Немало вредитъ сельскому хозяйству и полное пренебреженіе пермяка къ чужимъ интересамъ. Всѣ поля у пермяковъ, во избѣжаніи потравы ихъ скотомъ, огорожены. Иначе имъ поступить нельзя, такъ какъ даже до такой несложной мысли, какъ: не лучше ли и не выгоднѣе ли вмѣсто городьбы держать скотину при пастухахъ, они не додумались. Надо замѣтить, что изгороди городятся всѣми хозяевами извѣстнаго поля по разсчету, кому сколько саженъ приведется. Вотъ здѣсь-то и открывается просторъ для злоупотребленій и для доказательства пренебреженія пермяковъ къ чужимъ интересамъ. При недобросовѣстномъ отношеніи со стороны сосѣдей, мало-мальски зажиточный человѣкъ, помимо общей изгороди, огораживаетъ свое поле еще и со всѣхъ другихъ сторонъ. Страшная черезполосица, существующая у пермяковъ, дѣлаетъ то, что въ одной перемѣнѣ бываетъ отъ трехъ - четырехъ до семи-восьми полосъ и каждую полосу, во избѣжаніе потравъ, слѣдуетъ огородить. Когда вы проѣзжаете по Инвинскому краю, то видите сплошной переплетъ изгородей. Одинъ изъ пермяковъ вычислилъ, что всего въ одной только Юсьвинской волости 2.500 тысячъ саженей изгороди. Считая стоимость изгороди только въ 80 коп. за полторы сажени, причемъ изгородь будетъ обыкновенной высоты въ 8 жердей, оказывается, что на городьбу полей въ этой волости затрачено немного-немало, какъ 1.500,000 рублей. Принявъ во

вниманіе то обстоятельство, что изгородь держится не больше 10 лѣтъ, т. е. въ теченіе этого времени должна быть обновлена, приходится вывести такое заключеніе: Юсьвинская волость на городьбу полей ежегодно тратитъ 150.000 руб. и всетаки изъ-за потравъ снимаетъ плохой урожай. И едва ли стоимость изгороди не выше цѣнности земель этой волости. Тоже самое и въ другихъ волостяхъ, если только не въ высшей степени. Пермяки знаютъ, что неудобренная земля родитъ плохо, и они не жалѣютъ ни времени, ни труда на удобреніе земли. Они усердно навозятъ землю, и рогатый скотъ держатъ почти для навоза. Они рубятъ въ болотахъ болотную кочку, сушатъ и пережигаютъ ее, удобряя поля такою перегорѣлой кочкой. Они удобряютъ землю всякимъ отбросомъ: щепьемъ, костями и ночнымъ золотомъ. Словомъ, дѣлаютъ все, что только можно сдѣлать, а земля все родитъ плохо. А виновата-то всетаки не земля, и это знаютъ и сами пермяки; только вину-то они относятъ не туда, куда слѣдуетъ. Они воображаютъ, что урожаи стали плохи отъ того, что попы рѣдко служатъ молебны, что сами они, пермяки, согрѣшили. Между тѣмъ, у пермяковъ нѣтъ ни плуга, ни порядочной бороны, ни пониманія, что не масса зеренъ родитъ хлѣбъ, а качество зеренъ. Жалкій ральникъ замѣняетъ плугъ. Глубоко ли онъ входитъ въ землю. Онъ только чешетъ ее, да и то неровно. На каждую десятину земли высѣвается масса сѣмянъ, а именно: отъ 10 до 12 пудовъ ржи, отъ 25 до 30 пудовъ овса, отъ 15 до 18 пудовъ ячменя; пшеница же сѣется, какъ и рожь. Громадность цифръ поразительна. Не всѣ сѣмена взойдутъ, часть ихъ погибнетъ безъ всхода только потому, что сѣмена не были отсортированы и не могли бы, при иныхъ условіяхъ, быть посѣяны. Что подборъ зеренъ необходимъ, это сознаютъ и пермяки; много семей (женщины и старики) цѣлую зиму заняты выбираніемъ полновѣсныхъ зеренъ для предстоящаго весенняго посѣва. Молотьба производится въ гумнахъ на земляномъ току.

Слѣдомъ за землепашествомъ у пермяковъ идетъ коневодство. Пермяковъ-безлошадниковъ крайне мало; зато такихъ, у кого имѣется нѣсколько взрослыхъ лошадей и нѣсколько подростковъ—и не оберешься. Впрочемъ, лошади—мелочь, худоба и полнѣйшая изнуренность. Скотъ содержится или на плохомъ сѣнѣ или на яровой соломѣ. Причиной тому служитъ слишкомъ малое количество сѣнокосныхъ угодій, съ одной стороны, и погоня пермяковъ за количествомъ, а не за качествомъ скота, съ другой. Притомъ, здѣсь желаютъ какъ можно скорѣе использовать работоспособность животнаго. Многіе хозяева держатъ по-много лошадей только потому, что яровую солому дѣвать некуда, а на ней все же хоть и худенькая лошаденка выростаетъ. Пока растетъ—навозъ даетъ и кой-что по домашнему обиходу дѣлать помогаетъ, а подросла, глянь—въ нужную пору ее и по-боку, анъ подати-то уплачены, свадьба исправлена,

сына въ солдаты снарядили и много разныхъ другихъ удобствъ приноситъ лишняя и ничего нестоющая лошадь. Про удойный скотъ нельзя и говорить, разъ называешь его рогатымъ. Скотъ пермяковъ весь комолый. Говорятъ, что онъ смирнѣе, и комолая скотина никого поранить не можетъ и поэтому безопаснѣе рогатой. Пермяки держатъ иногда до 12—15 коровъ и бычковъ съ подростками; разумѣется, это бываетъ въ годы урожайные и богатые яровой соломой. Молока мало употребляется въ пищу, оно квасится, съ него собирается сметана въ какую-либо посудину и, когда посудина полна, бьется масло. Сметана, за время ея собиранія, отъ времени горкнетъ, плѣсневѣетъ, и масло получается невкусное и горькое. Кромѣ того, и при большемъ количествѣ скота масла получаютъ такъ мало, что лишне говорить объ этомъ продуктѣ крестьянскаго хозяйства. Вѣдь крестьяне не держатъ пастуховъ при скотѣ, а оставляютъ его на волѣ и въ силу необходимости должны отпускать его въ лѣсъ. Придетъ корова домой, ее подоятъ. Нѣтъ—можетъ быть завтра будетъ. Не пришла дня три, надо поискать — не равно на грѣхъ—звѣрь задавилъ. Чаще всего ее находятъ, затрачивая на поиски немало дорогого лѣтняго времени; но и отъ найденой проку мало—молока уже нѣтъ. Зимою же бабы-пермянки доятъ неохотно, говоря, что отъ морозу руки трескаются. У пермяковъ находится въ изобиліи и другой скотъ: овцы, свиньи, отчасти козы. Голодная скотина употребляетъ всѣ мѣры, чтобы удовлетворить чувство голода; она перепрыгиваетъ, разворачиваетъ изгороди и лѣзетъ въ хлѣбныя поля. Видя попраніе своихъ правъ, пермякъ не церемонится со скотомъ. Онъ хватаетъ топоръ или вилы и преспокойно бросаетъ первое или тычетъ вторымъ. А присмотритесь къ пермяку поближе, и вы увидите, что на самомъ дѣлѣ онъ любитъ скотъ, только ходить за нимъ не умѣетъ. Кромѣ скота, пермяки держатъ помногу птицы: куръ, индюшекъ, гусей, утокъ. Множество рѣчекъ, пересѣкающихъ пермяцкій край, даетъ удобства для вскармливанія гусей и утокъ. За ними только и призору надо, что зимой и ранней весной выпустить на волю. Даже выросшую птицу пермякъ не умѣетъ использовать: онъ не несетъ ее на торжокъ, а кушаетъ самъ. Рябчики употребляются каждымъ, кто только умѣетъ владѣть ружьемъ; продажа же ихъ ничтожна.

Вообще пермякъ не знаетъ, какъ использовать себя, не знаетъ онъ во многихъ еще мѣстахъ и соразмѣрности между трудомъ и деньгами, такъ какъ трудиться за деньги ему не приходилось.

Кромѣ хлѣбопашества и домашнихъ промысловъ, пермяки занимаются еще промыслами случайными: охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ; кустарными: изготовленіемъ домашней деревянной посуды, мѣстныхъ полевыхъ орудій и т. п.

Вообще охотниковъ среди пермяковъ немного, да и до охотниковъ-зырянъ имъ далеко. Пермякъ-охотникъ стрѣляетъ дичь (звѣря почти не бьетъ,

за исключеніемъ куницы и бѣлки) только въ томъ случаѣ, когда она сидитъ на мѣстѣ, когда его ружье навѣрняка донесетъ дробь, т. е. сажень за 10—15 и когда дичь сидитъ не одна, а въ кучкѣ; изъ остальныхъ въ розницу бьетъ только рябка, да и то осенью, т. е. когда его легко сохранить до заморозковъ и предстоитъ возможность взять хорошую цѣну. Крупнаго звѣря пермякъ избѣгаетъ, онъ его боится.

Ни одинъ охотникъ не пойдетъ на охоту и до днесь, разъ онъ не имѣетъ талисмана. Изъ талисмановъ охотничьихъ укажу на одинъ. Документъ нижепрописанный и очень старъ, и очень испытанъ. Онъ взятъ мною отъ внука охотника, носившаго этотъ талисманъ. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ пермяки грамотны, а каждому изъ нихъ лестно имѣть заговоръ, поэтому неграмотные заставляютъ таковые списывать и носятъ записки у себя запазухой. Вотъ экземпляръ одного изъ такихъ «ношенныхъ» заговоровъ.

«Господи Исусе христе Боже нашъ Помилуй насъ.

Господи Боже благослови стану я рабъ божій благословесь, и пойду перекрестесь изъ избы во двѣри изъ воротъ воротами изъ заворъ заворы въ чистое поле восточную сторону подъ красное солнце подъ младъ мѣсяцъ подъ вечернія звѣзды утреннія плакати я рабъ божій и подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю (имя рекъ) Медвеною росою умоюся утруся христовою пеленою облекуся свѣтлымъ бѣлымъ подпояшусь, пойду я рабъ божій (имя рекъ) въ восточную сторону на святой океанъ море и на океанную сторону и на бѣлый островъ и на томъ Свѣтломъ Океанѣ морѣ и на сіонской горѣ и на бѣломъ островѣ стоитъ Святая Апостольская Церковь, стоитъ сырой дубъ на томъ сыромъ дубу Сидятъ двенадцать Апостоловъ, я рабъ божій (имя рекъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли, пойдите и молите вы къ самому Истинному Христу просите и молитѣ у самого у истиннаго Христаи самъ истинный Христосъ. Отворилъ бы свою теплую пазуху и выпустилъ звѣрей шалучихъ заокованныхъ лисицъ черныхъ красныхъ и пуршястыхъ зайцовъ, черноухихъ кривоногихъ и косолапыхъ горностейлей, чернохвостыхъ рисей, коротколопыхъ росомагъ и широколопыхъ, пойду я рабъ божій (имя рекъ) во ту Святую Апостольскую Церковь и завижу напрестолѣ сидящихъ Святыхъ Апостоловъ Василья Великаго Михайла Архангела, Ксенофонта Изосима и Савватія и Климонта Священномученика и возьмите вы огненное оружіе и поѣзжайте на всѣ четыре Стороны на востокъ, западъ, полденъ и на сѣвѣръ гоните и палите стреляйте всякихъ звѣрей волковъ серыхъ, лисицъ черныхъ, красныхъ и пурпастыхъ зайцевъ, черноухихъ и кривоногихъ и косолопыхъ горносталей Чернохвостыхъ, рисей, Коротколапыхъ росомагъ Широколапыхъ, въ почныхъ часахъ денныхъ и въ полуночныхъ затри дѣвятье реками затри дѣвяти морями и затри девяти ловцами, хитрыхъ и мудрыхъ, изъ заозеръ изъ подъ-

озеровъ изъ мелкихъ речекъ, изъ великихъ луговъ изъ чистаго поля, изъ темнаго лѣсу изъ подъ всякаго пня, изъ подъ колоды, изъ подчища, изъ подъ вершины изъ подъ всякаго куста, изъ подъ всякаго дерева, изъ подлежащаго остожья, изъ подъ сена, и они бы постарымъ тропамъ и поновымъ безъ детатки и безъ оглядка и безъ отвороту на мою путину, на мою лыжницу къ моимъ ловушкамъ къ моимъ поставушкамъ, ко клепцамъ, деревяннымъ жильнымъ и железнымъ поставушкамъ высокимъ и погребамъ глубокимъ избушкамъ теплымъ на мой путикъ и на моей лыжницѣ много питеры и эдеры Сахарны питья медвяныя пищи, и еще небываетъ шлибы и елибы опасу не имели не зыку не крику ни треску ни моего Стуку Грапосту, и я рабъ божій (Имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Пресвятой Матери Божіей Покрову Богородицѣ во еси ты Матерь Божія Покровъ богородица какъ же ты стерегла и берегла Самого Іисуса Христа Царя небеснаго крыла и укрывала своими ризами нетленными и пеленами Господними отъ всякихъ людей отъ страшныхъ и отъ попутныхъ злыхъ отъ попа отъ попадьи, отъ Діакона, Діаконицы, отъ Дьячка отъ Дьячицы отъ пономаря отъ пономарицы, отъ сутулова, Горбатова, отъ шипива, Киловатова отъ двоеротыхъ безъ зубовъ, отъ простоволоса, отъ женскаго белаго полу, отъ красныхъ волосовъ, отъ черныхъ и отъ Черемныхъ волосовъ, отъ рыжихъ и отъ белыхъ, отъ вдовы самокрутки отъ колдуна отъ колдуньи, отъ блядуна отъ блядуньи отъ вѣщія вѣщицы, отъ Старца отъ Старицы отъ мельника отъ мельничихи и отъ дѣвки простоволоски и отъ своей радости, и на пече сидящаго изъ окна глядящаго и всквось заплотъ смотрящаго и на путѣ сидящаго и вой вы вѣтры буйные холодные и совсѣхъ Четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу съ полдня и сѣвѣру прійдитѣ возмитѣ отъ злыхъ Человѣковъ всѣ злые дѣла поганые не давъ сок. . . . . (два совершенно истершіяся слова) ненавистями, возьмите и понеситѣ залѣса темные и зареки быстрые и за болота сыпучіе и на четыре грязи топучіе и тутъ таковыхъ поразитѣ и тутъ затопчитѣ и назадъ не носите и въ младѣ мѣсяцѣ и па ущербѣ и на исходѣ будьтѣ мои слова божественные тверды и крепки и Лепки, Тверже камня и востраго ножа булатнова въ томъ словѣ ключь и замокъ во сходную пятницу отдаваемые и до представленія свѣта и которые мои словеса божественные забылись не помянулъ сполна мастеръ недоучилъ или самъ позабылъ которы, прійдитѣ пріймитѣ пособитѣ и помогите мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) на мои пути и на мою лыжницу всякихъ звѣрей приведите и всѣ мои словеса божественные заедино слово и всѣ мои зубы за ѣдинъ зубъ и тѣмъ моимъ словамъ божественный ключь въ небо, а замокъ въ море подъ бѣлымъ алатыревымъ камнемъ, еще я рабъ божій (имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Василію Великому, Михайлу Архангелу, поставьте огненный столбъ отъ земли и до небеси въ кругъ моихъ

ловушекъ и вкругъ моихъ поставушекъ чтобъ волхвамъ восхитителямъ и колдунамъ колдунницамъ блядунамъ и блядуницамъ непохитити и не помудрити еще я рабъ божій (имя рекъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Якову Спутнику какъ же ты Яковъ Спутникъ стоишъ при пути и при дорогѣ указываешъ путь и дорогу всякому человѣку и такъ же ты Спутникъ Яковъ, стой при пути и при дорогѣ указывай Путь и дорогу на мою лыжницу въ ночныхъ часахъ въ денныхъ и въ полуночныхъ часахъ о росьвѣтѣ свѣта, и допредставленія свѣта и во вѣки вѣковъ Аминь». Подобные талисманы находятся у очень многихъ охотниковъ.

Кромѣ заговоровъ, почти у каждаго охотника имѣется «магнитъ». Магнитъ вообще играетъ въ пермяцкой жизни большую роль. Свойство магнита, по мнѣнію пермяка, распространяется на притягиваніе къ владѣльцу магнита рѣшительно всего. Взялъ магнитъ на охоту, онъ и будетъ тянуть звѣря и птицу; подвѣсилъ его къ продольнику или крюку и онъ будетъ притягивать налимовъ и другую рыбу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушки относятся къ какому-нибудь мѣстному Донъ-Жуану неособенно благосклонно, то и тутъ магнитъ оказывается незамѣнимымъ: онъ окончательно привораживаетъ дѣвицъ. «Магниты» расходятся въ нашихъ мѣстахъ въ слишкомъ большемъ количествѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ способовъ ловли звѣрей и птицъ, среди пермяковъ существуетъ еще рядъ различныхъ ловушекъ, въ которыя залавливаютъ звѣря и птицу. Всѣ эти ловушки-поставушки самаго примитивнаго устройства и не разъ были описаны.

Шкурки звѣрей всегда поступаютъ на продажу. Торгъ ими происходитъ въ с. Егвинскомъ 17 марта. Скупщики такъ монополизировали скупку шкурокъ, что продажа ихъ приноситъ только разочарованіе охотникамъ и большіе барыши покупателямъ. Лучшая куница рѣдко продается дороже 3—3 руб. 50 коп., а такъ какъ пермяки въ цѣнности звѣрей никакого толку не имѣютъ, то самыя цѣнныя шкурки покупаются отъ охотниковъ совсѣмъ за безцѣнокъ. Такъ, чернобурая лисица, прекраснаго качества и весьма крупная, была куплена купцемъ-милліонеромъ, изъ жалости къ охотнику, всего за 40 коп. Такіе случаи нееднничны. Они-то глав. обр. и составляютъ причину упадка охотничьяго промысла.

Рыболовнымъ промысломъ занимаются не только сами пермяки, но и пермячки и ихъ дѣти. Рыба составляетъ одно изъ наиболѣе любимыхъ кушаній пермяковъ, а потому и страсть ихъ къ рыболовству естественна. Естественно также, что это любимое кушанье никогда почти не поступаетъ въ продажу, а идетъ въ черпняни (рыбные пироги). Рыба ловится или неводами (этотъ родъ ловли мало употребителенъ, въ виду дороговизны снаряда и засоренности рѣкъ, почему снасти рвутся слишкомъ скоро), или сакомъ (наметомъ), или просто бред-

никами изъ сѣти или двухъ трехъ кусковъ самаго рѣдкаго домашняго холста. Такой бредникъ называется «недотка». Недотка самый зловредный снарядъ. Изъ мелкой рыбы варится уха или готовятся рыбные пироги и рыбныя селянки (рыба жарится съ яицами или съ картофелемъ). Часть этой же рыбешки идетъ въ ѣду и прямо сырою. Сильно нажимая пальцами на тѣло рыбешки, пермяки проводятъ пальцами отъ головы до хвоста ея и выдавливаютъ изъ рыбки ея внутренности, а затѣмъ кушаютъ ее. Крупную рыбу—лещей и налимовъ, язей и щукъ и т. п. ловятъ или удами, или на крюки, а осенью и весной въ запоры. Запоры состоятъ изъ слѣдующаго. Теченіе рѣки заграждается по ширинѣ рядомъ кольевъ, которые и переплетаются ивовыми прутьями, причемъ, приблизительно черезъ сажень, между кольями оставляютъ не заплетенное пространство, въ которое и вставляютъ на длинныхъ жердяхъ морды (плетенныя изъ ивы конусообразныя корзинки). Такія загражденія перепортили здѣсь всѣ рѣки. Рыбѣ волей-неволей приходится лѣзть въ эти корзинки и становиться добычей человѣка. Особенно много вреда приносятъ эти запоры весной, когда во время половодья рыба усердно оставляетъ на прутьяхъ запора свою икру. Какъ только вода начинаетъ спадать, икра сохнетъ или попадаетъ въ клювъ птицы. Вообще я долженъ сказать, рыба истребляется пермяками невѣроятно и ея становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Кромѣ лѣтней ловли, кой-кто занимается и зимней, но та ведется и въ маломъ размѣрѣ, и только запорами. О зимней ловлѣ рыбы другими снастями, пермяки, къ величайшему счастью рыбъ, понятія не имѣютъ.

Для болѣе успѣшнаго хода ловли рыбы употребляется магнитъ и всякаго рода заговоры. Рыбная ловля, разумѣется, находится въ полной зависимости отъ добрыхъ отношеній къ водяному, а потому для успѣха ловли необходимо постараться заблаговременно расположить его въ свою пользу, т. е. подарить его чѣмъ-нибудь. Въ противномъ же случаѣ, водяной не только не дастъ рыбы, но можетъ устроить непріятности и самому рыболову: вытолкнуть его изъ лодки, а то и утопить.

Изъ домашнихъ ремеслъ и издѣлій приносятъ пермякамъ пользу: кузнечное, до нѣкоторой степени плотничное и гончарное, а пермянкамъ выдѣлка домашняго холста и другой домашней одежды.

Вообще кузнецовъ у пермяковъ мало; работы ихъ ограничиваются только ковкою лошадей, свариваніемъ поломанныхъ частей и—только. Съ увѣренностью можно сказать одно: гвозди, подковы, косы, телѣжные хода, серпы и т. д. все это привозится изъ Вятской губерніи, несмотря на то, что матеріалъ въ сыромъ видѣ идетъ зачастую изъ Пермской же губерніи. Удивляться здѣсь не приходится. Откуда можетъ научиться пермякъ разнаго рода мастерствамъ, когда среди пермяковъ нѣтъ ни одного ремесленнаго училища. Сами по себѣ пермяки люди переимчи-

вые, люди способные. Намъ извѣстны такіе изъ нихъ, которые, кончивъ только мѣстную земскую школу, собственнымъ трудомъ дошли до того, что устроили въ своихъ хибаркахъ электрическое освѣщеніе. Устройство разнаго рода сельско-хозяйственныхъ орудій по моделямъ тоже совсѣмъ не рѣдкость. Обыкновенная глиняная посуда стала изготовляться на весь Иньвенскій край всего пять-шесть лѣтъ, да и то благодаря сообразительности крестьянъ Юсьвинской волости, а до этого времени каждую зиму пріѣзжали изъ Вятки кустари-крестьяне и снабжали десятки тысячъ народа этимъ товаромъ, являющимся предметомъ первѣйшей необходимости. Издѣлія изъ дерева не идутъ дальше кадокъ, корытъ, лодокъ и т. п. Что касается даже ложкарнаго промысла, и тотъ отсутствуетъ, такъ какъ токарныхъ станковъ у пермяковъ не имѣется. Недалеко отъ своихъ мужей ушли и пермянки. Обыкновенная женская работа: приготовленіе къ пряжѣ льна, пряденіе его и тканье холста тѣ же, что и у насъ на всей Руси, и среди пермянокъ попадуются искусницы въ тканьѣ. Самый узоръ рисунковъ и пестръ, и не оригиналенъ. Трудно сказать, что у пермяковъ есть свои узоры, свой вкусъ.

Кромѣ домашнихъ промысловъ и работъ, пермяки каждую зиму отправляются еще въ отхожіе промыслы: на рудники, заводы, рубку дровъ и въ лѣса и т. п. Выходъ на эти работы для пермяка неизбѣженъ, такъ какъ подати и другія повинности имъ уплачиваются исключительно этими заработками. Самыя трудныя, но и самыя надежныя работы рудничныя. Здѣсь пермяковъ подряжаютъ на выработку или вывозку извѣстнаго числа пудовъ подрядчики изъ своей же братьи-крестьянъ. Тѣ, хотя и выжимаютъ все, что можно, но все же разсчитываютъ сполна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ нимъ на слѣдующій годъ никто не пойдетъ. Зато совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляются работы на разнаго рода заводы, которыя сдаются по подряду или по сдѣлкѣ самихъ заводоуправленій. Здѣсь пермяку приходится жутко. Богатѣйшіе заводовладѣльцы ранней осенью посылаютъ къ пермякамъ своихъ довѣренныхъ съ предложеніемъ записаться на какую-либо работу и взять въ число ея задатокъ. Осень—самое хлѣбное, но и самое безденежное время для пермяка. Хлѣбъ еще необмолоченъ, да еще и не выяснилось, въ какой цѣнѣ будетъ, а старшина и староста уже требуютъ подати и недоимки. Дающій деньги обѣщаетъ всякія блага. Если рабочіе придутъ рано, до вскрытія рѣки, говорятъ нанимающимся на сплавныя работы: «мы дадимъ хлѣба и работу на берегу». «Иди пилить лѣсъ на дрова, предлагаютъ другому; онъ уже давно въ бунтахъ на берегу Камы лежитъ». И идутъ, приходятъ, дѣйствительно рѣка еще не вскрылась. Работы и хлѣба нѣтъ. И ждутъ пермяки и день, и два, и недѣли, иной разъ выжидаютъ мѣсяцъ. Совсѣмъ они исхарчатся; все, что было на себѣ, проѣдятъ; иные, имѣющіе дома сотни пудовъ хлѣба, идутъ, прижатые голодомъ,

просить «Христа-ради» и, наконецъ, не вытерпѣвъ, сбѣгаютъ съ работъ. Тотъ, кто подрядился на распиловку, пришелъ и видитъ, что лѣсъ совсѣмъ не въ бунтахъ, а лежитъ въ самой рѣкѣ въ плотахъ.—«Какъ такъ, давайте его на берегъ, намъ пилить надо».—«Да еще рабочихъ нѣтъ, подождите—скоро придутъ». Ждутъ и эти рабочіе и, затѣмъ, такъ же бѣгутъ домой. Дома ихъ уже ждетъ начальство, требуетъ деньги въ подать, высылаетъ на работы, по требованію огорченнаго убѣгомъ рабочихъ завода. Не ограничиваясь этимъ, тѣ же заводы предъявляютъ къ пермякамъ еще иски о возмѣщеніи убытковъ, послѣдовавшихъ отъ неотработки, а выданныя на руки сбѣжавшимъ рабочимъ деньги удерживаютъ со всей артели, при окончательномъ разсчетѣ. Что касается систематическаго обсчета рабочихъ, то о немъ можно было бы написать цѣлыя книги. Тамъ, гдѣ разсчеты ведутся на чистоту, пермяку въ рудникахъ приходится крайне тяжело отъ положенія работъ. Промозглый, до нельзя сырой воздухъ, сквозной вѣтеръ, кромѣшная тьма, вода зачастую выше щиколодки,—все это ведетъ къ массовымъ заболѣваніямъ сыпнымъ тифомъ. Совмѣстное житье въ душныхъ, вонючихъ казармахъ заставляетъ перемогающихся пермяковъ снабжать схваченной ими болѣзнью и своихъ прибывающихъ вновь сотоварищей. Тифозныя вспышки, ежегодно повторяющіяся среди пермяковъ, всегда совпадаютъ съ праздникомъ Рожд. Хр. и великимъ постомъ—временемъ возврата народа изъ рудниковъ: въ первый разъ—для взноса податей, а второй по случаю окончанія работъ. Тифъ это грозный бичъ пермяцкаго народа; здѣсь онъ никогда не переводится. Правда, онъ у насъ не такъ страшенъ, смертность, относительно говоря, незначительна, но ущербъ отъ тифа не ограничивается только смертью. Эта болѣзнь надолго лишаетъ и больного, и его семью, вслѣдствіе изоляціи, возможности добывать сторонніе заработки и сильно и надолго подрываетъ силы самого больного. На самыхъ работахъ пермякъ заслужилъ почетную репутацію хорошаго и выносливаго работника. Для пермяка нѣтъ ничего грязнаго, нѣтъ ничего не подходящаго. Разъ работа, по его мнѣнію, выгодна, онъ идетъ на нее безъ разговоровъ. Въ своей домашней, не рабочей жизни пермякъ, напротивъ, крайне лѣнивъ. «Успѣю» вотъ слово, которое можетъ быть девизомъ пермяка. Только нужда заставляетъ его бросить брагу и, одѣвшись въ шабуръ, выйти изъ избы. И взявшись за дѣло, онъ не старается закончить его. Не хватило, напримѣръ, дровъ и приходится мужику ѣхать за ними въ лѣсъ. Онъ везетъ домой цѣлую лѣсину, отрубаетъ отъ нея кусокъ, рубитъ дровъ на истоплю и уходитъ домой. Завтра, утромъ, онъ пойдетъ снова нарубить на новую истоплю: «на седне хватитъ».

При всемъ этомъ пермякъ очень любознателенъ и охотно готовъ поучиться уму-разуму. Вы не найдете ни одной школы или школки въ селахъ и деревняхъ съ пермяцкимъ населеніемъ, которая была бы не переполнена уче-

никами. Даже дѣвочекъ учатъ охотно и если учатъ менѣе, чѣмъ мальчиковъ, такъ потому, что, по мнѣнію пермяковъ, въ женскихъ школахъ учатъ немногому и не преподаютъ того, что составляетъ для дѣвочекъ самое главное—рукодѣлій. Въ школахъ же рукодѣлію не учатъ за отсутствіемъ средствъ. Разсматривая типъ народной школы, я долженъ сказать, что въ церковныя школы по первоначалу дѣтей начинали отдавать охотнѣе, но, затѣмъ, довѣріе къ нимъ было подорвано и, вѣроятно, на-долго. Теперь въ эти школы отдаютъ малышей или непринятыхъ за неимѣніемъ вакансій въ земскія школы. Пермяки говорятъ, что въ церковныхъ школахъ учатъ плохо. Почему плохо учатъ—этого они не знаютъ. По моему мнѣнію, первое и главное затрудненіе—это неимѣніе у этихъ школъ матеріальныхъ средствъ; второе — неимѣніе подходящихъ учителей и завѣдывающихъ этими школами. Конечно, у пермяковъ, какъ и вездѣ, таковыми значатся священники. Понятно, грамотѣ можетъ учить только грамотный человѣкъ, а между тѣмъ практика показываетъ намъ и совершенно обратные факты. Случай доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ грамотностью одного изъ завѣдывающихъ школою. Я привожу рукопись эту дословно. Прочтите ее и скажите, правъ или нѣтъ пермякъ, когда онъ говоритъ: «пвоко попы учатъ». Вѣдь многаго ученія, при такомъ руководителѣ, и ждать нельзя. Вотъ документъ:

В. П. И. 14 Ноября.

Михайло Архангельской Церкви священника І—на Ш—ва отношеніе
14 Ноября 1890 г. № 16-мъ.

Въ Архангельское волостное Провленіе.

Совѣтъ Бротства Св. Стефана постоновили Журналѣ своемъ отъ 14 Морта 1890 г. За № 2-мъ заботясь опросвѣщеніи религіозно-нравственной жизни норода, открыли Пермской Губерніи при каждомъ приходѣ школы Грамотности и зыскивая причины нехожденіе мальчиковъ въ школу, нашли Припятсвія таковы, 1-е осень дождливая, грязъ, холодъ, 2-е, Зимой морозъ, вьюга, 3-е, весною розлитіе рѣкъ, а бѣдный людъ не можетъ здѣлать мольчику теплой одежды отъ чего мольчики болѣе хворокотъ тифозной горячкой, посему всѣ органы вывѣли заключеніе и обратились за разрѣшеніемъ Его Преосвященству Преосвященнѣйшему Епископу Влодиміру Пермскому и Соликамскому Каковый Журналъ Утвердилъ: Со-Укозаніемъ мѣстностей, напримеръ моемъ приходѣ назначило открыть, въ деревнѣ Нижней-Лопвѣ, просить общества пособіе для школы, 1-е сторожа, 2 отопленіе, 3-е Учителю жалованье за труды, какое-либо Вознагражденіе.

По сему Всепокорнѣйше прошу Архангельское волостное Провленіе предложить на сходѣ обществу что бы они неоставили безнимапія, выбрали сторожа, доли оттопленіе, и денежное пособіе Учителю за труды. О Чемъ покорнѣйше

прошу Ар. волостное провленіе почтить меня Формально Увѣдомить. Михаило-Архангельской-церкви подписался: Священникъ I—въ Ш—въ.

Ни одна буква въ этомъ документѣ ни прибавлена, ни убавлена. Священникъ Ш—въ завѣдывалъ и училъ ребятъ или, какъ онъ говорилъ, былъ «преподавателемъ русской граматики» болѣе пяти лѣтъ. Чему выучились у него ребята, какъ пишутъ они — я не знаю. Настоящій фактъ слишкомъ неединичный; въ противномъ случаѣ, я не обратилъ бы на него вниманія. Конечно, въ значительно болѣе мягкой формѣ, но почти тоже приходится изрѣдка наблюдать и въ земскихъ пермяцкихъ школахъ. Учителя тамъ пишутъ грамотно, но поведеніе ихъ ниже всякой критики. Повторяю, и теперь при подобныхъ учителяхъ учащихся больше, чѣмъ мѣстъ въ школахъ, особенно тамъ, гдѣ учителя стоятъ на высотѣ своего положенія; такихъ, само собой разумѣется, тоже достаточно, даже больше. Большинство выучившихся пермяковъ идутъ въ учителя, въ писаря, лѣсные сторожа и т. п. должности, навсегда порывая свою связь съ землей. Это крайне прискорбное явленіе нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ тѣмъ, что школа даетъ пока пермякамъ только кое-какія знанія, но не учитъ пермяка ни кустарнымъ промысламъ, ни сельскому хозяйству. Въ послѣднемъ, правда, нынче сдѣлана слабая попытка: открыта сельскохозяйственная школа и опытно-показательное поле, но дѣло какъ въ той, такъ и въ другомъ ведется настолько неосновательно, что крестьяне рѣшительно ничего не теряютъ, игнорируя ихъ.

Для спасенія себя отъ полнаго обезлѣсенья, пермяки принимаютъ средства, къ сожалѣнію, неудачныя по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Когда лѣсъ почти исчезъ, пермяки сознали его пользу. Правда, они и теперь истребляютъ его всѣми мѣрами, но уже не у себя, а у владѣльцевъ лѣсныхъ дачъ и, въ тоже время, стараются развести свой лѣсъ взамѣнъ вырубленнаго. Такъ, въ то время, когда еще не было и рѣчи о посадкѣ деревъ (зеленыхъ праздникахъ), пермяки уже садили деревья для пробы. А между тѣмъ, едва вышелъ законъ о выдачѣ премій за лѣсоразведеніе, какъ пермяки уже получили отказъ отъ премирующаго такіе труды министерства, отказъ на просьбу не о выдачѣ медали или денегъ, а сѣмянъ. А вѣдь, пермяки хотѣли засѣять немного-немало почти двѣ тысячи десятинъ!

IV.

Васильевъ день. — Крещенскій праздникъ. — Масляница. — Великій четвергъ. — Семикъ. — Широкія и узкія субботы. — Первый громъ. — Петровъ день. — Марія Голиндуха. — Праздникъ Флора и Лавра (скотьяго бога; обряды жертвоприношеній: хожденіе въ воду; лошадиная гоньба). — Частные деревенскіе праздники. — Ярмарки. — Воровство; конокрадство. — Рождественскіе святки и игры на нихъ. — Посидѣнки или супрядки. — Зимнія помочи.

Пермякъ веселится по поводу церковныхъ празднествъ, а равно и тогда, когда онъ веселится самостоятельно, потому что желаетъ повеселиться. Вообще праздничныхъ дней у пермяковъ достаточно. Общій ихъ типъ почти одинъ и тотъ же. Сначала бываетъ богомолье, хотя распитіе бражки и кумышки до молебна не только не воспрещается, но даже считается до нѣкоторой степени бонтонностью, такъ какъ доступно только тѣмъ, кто въ состояніи, напившись до молебна, принять поповъ и всю уйму народа, что придетъ въ избу слѣдомъ за ними и не оставитъ этой избы до тѣхъ поръ, пока темная ночь не принудитъ и самыхъ выносливыхъ вспомнить о снѣ.

Первое января, какъ первый день новаго года, почти неизвѣстенъ пермякамъ, а чтится ими и называется Васильевымъ днемъ. Празднованіе этого дня начинается съ утра. Какъ только всѣ въ домѣ поднялись, домохозяинъ приглашаетъ семью помолиться. Вся семья, включая и работниковъ, становится у образовъ и втеченіе времени отъ четверти часа до получаса усердно молится, причемъ тѣ, кто не знаютъ никакихъ молитвъ, только и дѣлаютъ, что твердятъ съ глубокими вздохами: «Осподи Сусе, Осподи Сусе». По окончаніи молитвы хозяинъ направляется къ печкѣ, гдѣ заботливой рукой хозяйки еще съ вечера приготовлена теплая бражка. Выпивъ кружку браги, хозяинъ наливаетъ другую и подноситъ ее старѣйшему члену семьи, затѣмъ слѣдующему, пока не переберетъ всѣхъ. Тоже самое продѣлываютъ въ слѣдъ за хозяиномъ, по старшинству, и другіе члены семьи. Повторяю, празднованіе начинается рано, чаще еще до свѣту, съ такимъ разсчетомъ, чтобы питье браги у себя въ домѣ было закончено до разсвѣта, такъ какъ съ первыми лучами солнца мужчины уже направляются въ гости къ сосѣдямъ, гдѣ и продолжаютъ пить брагу до тѣхъ поръ, пока не слягутъ. Въ состояніи охмѣленія пермяки становятся крайне буйными и раздражительными; пустить въ это время въ ходъ ножъ, топоръ и, въ особенности, свое любимое національное оружіе «стяжекъ» (обломокъ жерди) или просто палку—ничего не стоитъ. Рѣдкій праздникъ обходится безъ крупныхъ дракъ; что же касается мелкихъ ссоръ, то таковыя на праздникахъ положительно обязательны. Женщины ведутъ

себя нѣсколько сдержаннѣе. Онѣ начинаютъ ходьбу по гостямъ только съ полудня, хотя къ вечеру и онѣ становятся въ большинствѣ случаевъ пьяными. Въ первый день праздника (всѣ праздники продолжаются по нѣсколько дней) приготовляется часамъ къ 8—9 утра завтракъ, а къ 12—1 дня обѣдъ или полдникъ. Часамъ къ 8 вечера приготовляется паужинъ, а затѣмъ всѣ ложатся спать, чтобы на завтра проснуться снова часа въ два утра и приняться за бражку. На второй и послѣдующіе дни столовъ, т. е. угощенія яствами для постороннихъ не дѣлается. Въ ночь на Васильевъ вечеръ дѣвушки пермянки бѣгаютъ на улицу погадать о своей судьбѣ, о грядущемъ счастьи и несчастьи. Обряды гаданья обще-русскіе и поэтому описывать ихъ излишне.

Въ Крещенье кой-кто и теперь, несмотря на зимнюю стужу, разъ только онъ рядился (маскировался), купается въ проруби и тѣмъ очищаетъ себя отъ грѣха. Рядомъ за толпой молящихся помѣщаются лошади, которымъ такъ же, какъ и людямъ, дается крещенская вода—лучшее средство отъ всякаго рода болѣзней. Попоивъ лошадей, пермяки гоняютъ ихъ, чтобы вся вода вошла въ нутро лошади и, так. обр., на животное оказала бы наибольшее вліяніе.

Послѣ Крещенья вплоть до масляницы у пермяковъ нѣтъ особенно чтимыхъ дней; зато масляница «празднуется» всѣми, и каждый, у кого только есть хоть какая-либо физическая возможность, не преминетъ возвратиться домой къ этому празднику, хотя бы работалъ на выгодной работѣ и за нѣсколько сотъ верстъ. Во все время масляницы пекутся рыбные пироги, готовятся различныя постряпушки и всѣ семейщики ходятъ съ ранняго утра и до поздняго вечера полупьяными. Никакихъ работъ въ эти дни нѣтъ. Всѣ кутятъ, кто только можетъ и какъ кто можетъ. Любвеобильные отцы и матери поятъ даже дѣтей, не исключая и грудныхъ, теплою бражкой. Нѣкоторые затѣйники устраиваютъ масляничный поѣздъ. Устройство его нехитро: въ маленькія дровни, на которыя брошенъ ворохъ соломы, запрягаются одна или двѣ лошади; на дровни садится масляница (одѣтый въ шубу на выворотъ и въ женское платье мужикъ, у плеча его метла). Лошади обильно изукрашены соломой. Если на одной изъ лошадей посаженъ, также съ вывороченной на изнанку шубой, мальчуганъ, то и у него на спинѣ и на головѣ болтаются пучки соломы. Для ребятъ и дѣвицъ въ каждой деревушкѣ, какъ бы она ни была мала, устраивается горка «катушка». Оффиціально празднованіе масляницы кончается въ воскресенье, хотя первый день великаго поста у пермяковъ составляетъ продолженіе масляной, но при постномъ столѣ; только со вторника, а иные и со среды кончаютъ гульбу. Можно положительно сказать, что масляница—самый разорительный для пермяковъ праздникъ и на немъ пропивается все, что у кого припасено или осталось отъ зимнихъ стороннихъ заработковъ.

Слѣдующимъ за масляницей праздниковъ является Великій четвергъ. Праздникъ этотъ отличается нѣкоторыми особенностями. Всегда рано встающіе пермяки, въ этотъ день стараются встать возможно раньше. Они вѣрятъ, что все нижеописанное только тогда исполнится, когда будетъ выполнено до восхода солнца. Проснувшійся пермякъ, вставъ на ноги, тотчасъ же хватается за ружье, разъ онъ охотникъ, и бѣжитъ съ нимъ въ поле, стараясь вернуться не съ пустыми руками, а хотя бы съ застрѣленной вороной или воробьемъ. Рыбакъ бѣжитъ къ рѣчкѣ, сталкиваетъ тамъ на снѣгъ свою лодку, кладетъ въ нее свои рыболовныя снасти и, взявъ въ руки весла, дѣлаетъ видъ, что плыветъ. Плотникъ идетъ въ лѣсъ и вырубаетъ тамъ хотя бы лычинку. Разумѣется, всякому пріятно принести что-нибудь домой, т. е. птицу, рыбу и т. п., но иногда это не удается, тогда возвращающійся дѣлаетъ видъ, что путешествіе его было вполнѣ удачно, что ему что-то попало и онъ несетъ добычу. Каждый пермякъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, старается приберечь къ этому дню сколько, нибудь мѣдяковъ и, считая ихъ, говоритъ: «разъ!.. два!.. три!.. у-у, какъ много»! Ни одна пермянка не оставитъ въ этотъ знаменательный день пустою свою печь; каждая изъ нихъ старается изо всѣхъ силъ поставить въ нее какъ можно больше кушаній; ставятъ по нѣсколько корчагъ съ пивомъ, брагой и проч. Какъ только женщина проснулась, она тотчасъ же накрываетъ столъ скатеркой и ставитъ на него хлѣбъ, соль и кувшинъ браги. Боже упаси, не накрыть стола—весь годъ придется жить въ проголодь. Накрывъ столъ, женщина открываетъ дымное окошко (отверстіе въ стѣнѣ для выпуска дыма при топкѣ печи въ курныхъ избахъ) и въ него кличетъ соотвѣтственными кличками скотъ и другую живность до птицъ включительно. Тамъ, гдѣ устроены настоящія печи, то же самое хозяйка кричитъ въ печную трубу. Благодаря такимъ мѣрамъ, пермякъ увѣренъ, что и скотъ, и птица втеченіе всего года будутъ находиться и въ цѣлости, и въ сохранности. Спѣшно управившись по хозяйству, пермянки садятся за шитье или пряжу, причемъ всѣми силами стараются сработать какъ можно больше до солнцевосхода. Мужчины кромѣ всего выше сказаннаго осматриваютъ амбары и другія мѣста складовъ хлѣба. Дома пермяковъ къ этому дню слегка прибираются и на полъ избы накладываются вѣтви можжевельника. Вечеромъ, наканунѣ праздника, дѣвушки поютъ пѣсни, не имѣющія, впрочемъ, никакого отношенія къ тѣмъ особымъ обычаямъ, что сопровождаютъ этотъ праздникъ. Вакханалія, пѣсни, плясъ и глубокая вѣра пермяковъ въ чертовщину особенно становятся дикими, когда принимаешь во вниманіе благоговѣйный трепетъ истинныхъ христіанъ, ожидающихъ наступленія Страстей Господнихъ.

Не меньшимъ уваженіемъ и приготовленіями къ встрѣчѣ сопровождается и «семикъ». Ровно черезъ семь недѣль послѣ Великаго четверга въ четвергъ же

начинается празднованіе семика. Въ этотъ день, только разъ за весь годъ, души всѣхъ умершихъ, по вѣрованію пермяковъ, получаютъ отъ Господа однодневный отпускъ на землю, гдѣ и присутствуютъ при трапезѣ своихъ родственниковъ, которая совершается послѣдними въ домахъ и на могилахъ. Трапезуютъ веселыми и нарядными, чтобы не обезпокоить душу, а то она можетъ еще, замѣтивъ какіе-нибудь безпорядки, разсердиться, наслать какую-нибудь болѣзнь и тогда предстоятъ, кромѣ боли физической, еще и матеріальные расходы: надо будетъ вязать черъэшванъ и справлять экстраординарныя поминки. Души покойниковъ не только присутствуютъ при трапезѣ своихъ живыхъ родственниковъ, но пьютъ и ѣдятъ. Къ празднованію семика начинаютъ готовиться заблаговременно. Такъ, уже за недѣлю ловятъ рыбу, колютъ барановъ и разную домашнюю птицу. Всю домашнюю посуду тащатъ мыть какъ можно чище на ближайшую рѣчку, чтобы въ самый семикъ покойники не осудили женщинъ за нечистоплотность. За недѣлю же начинается и кумышко-и-пивоваренье, а передъ семикомъ изготовляется въ изобиліи и теплая бражка. Въ самый семикъ бабамъ не до сна: имъ въ этотъ день предстоитъ слишкомъ много работы, поэтому почти не встрѣтишь такой избы, гдѣ бы уже съ полуночи не топилась печь. Съ этого ранняго времени уже стряпаются пельмени, тупоськи (колобки, приготовляемые изъ творожнаго сыра или изъ ячной муки), оладьи, блины, шаньги, рыбныя селянки и рыбные пироги, жарятся бараны, куры и иная птица, красятся, по пасхальному, яйца. Только что покончивъ со стряпней, хозяйки все изготовленное ставятъ на столъ, а передъ иконой затепливаютъ восковую свѣчку и вся семья молится Богу. Затѣмъ, домохозяинъ приказываетъ отодвинуть столъ отъ лавки и поставить еще лавку по другую сторону стола. Скамья эта ставится не очень близко отъ стола для того, чтобы усопшимъ можно было совершенно свободно помѣститься у стола со всѣмъ ихъ скарбомъ, иногда очень многочисленнымъ. Скарбъ этотъ заключается у покойниковъ въ тѣхъ вещахъ, которыя они покрали на этомъ свѣтѣ, будучи живыми: съ этими краденными вещами покойникамъ суждено носиться вѣчно. Когда все, что приказываетъ хозяинъ, сдѣлано, хозяинъ и хозяйка оборачиваются къ столу, низко кланяются и говорятъ: «вошъшы» (кушайте). Простоявъ не менѣе получаса у стола, дымящагося кушаньями, которыя, къ тому же заранѣе надломлены для болѣе свободнаго выхода пара, служащаго, какъ уже было говорено, единственной пищей мертвыхъ душъ,— за тотъ же столъ садятся и всѣ живые. Основательно закусивъ обильной стряпней, вся семья отправляется въ церковь, а оттуда на кладбище, захвативъ съ собой и на кладбище разной стряпни, пива, браги и водки. Причемъ, чтобы кушанья можно было донести горячими, ихъ тщательно завертываютъ теплыми тряпками и одеждой. Пришедшіе накрываютъ могилу скатеркой

и, ломая пироги пополамъ, разбивая и расколупывая яйца, ставятъ все на скатертку, равно какъ и напитки, послѣ чего женщины начинаютъ свои причитанія. Причитаютъ женщины каждая на свой ладъ, причемъ жалуются умершимъ на тѣ горя и обиды, что имъ, по ихъ мнѣнію, приходится переносить отъ свекра, мужа, мачихи, снохи или братьевъ и т. д. Причитанія произносятся зачастую въ присутствіи противной стороны и, по возвращеніи причитавшихъ домой, служатъ порою поводомъ къ дальнѣйшимъ ссорамъ. Вотъ образчикъ причитанія надъ могилой матери дѣвушки, жалующейся покойницѣ на свое плохое житье отъ злой мачихи.

Мàмъ иней тэ, мàтушка,	Маменька ты, матушка,
А мыля тэ кувинъ,	А зачѣмъ ты умерла,
Да мѐнэ кòлинъ	Да меня оставила
Енысвэ на грѣхъ,	Богу на грѣхъ,
Да отерысвэ на смѣхъ.	Да людямъ на смѣхъ.
Сякэй роботасэ ме кѐра	Всякую работу я дѣлаю
И быдэнся унаджикъ уджва,	И всѣхъ больше работаю,
А мàчикавысъ все мѐнэ видэ.	А мачиха все меня ругаетъ.
Сусѣдасъ ме ветва,	Въ сосѣди я схожу,
Да гортэ вòкта,	Да домой возвращусь,
Сыя и сыпонда мѐнэ видэ	Она и за это меня ругаетъ
И сяко мѐнэ шувасъ.	И всяко меня назоветъ.
И пòндасъ ювасьны:	И начнетъ спрашивать:
«Кычэ пэ тэ б...ь ветвинъ»...	«Куда ты б...ь ходила».
А àчисъ куйво кыджь дэчка-а-а....	А сама лежитъ (на постели) какъ свинья-я-я...

Легко себѣ представить, что будетъ у пермяка дома, если захвораетъ мачиха. Вѣдь въ этомъ случаѣ болѣзнь напущена матерью недовольной, а такъ какъ лѣченіе всякой болѣзни бьетъ пермяцкую семью по карману, то и неудовольствіе будетъ не единоличное, а всей семьи. Если въ семьѣ все обстоитъ благополучно, то причитаніе сводится къ сожалѣніямъ по поводу того, что извѣстный обрядъ или дѣло за смертью покойнаго (ницы) приходится сдѣлать уже не ему. Такъ, мать плачетъ надъ сыномъ и говоритъ, что кормить ее подъ старость, а когда она умретъ, то закрыть ея глаза ему не придется. Жена оплакиваетъ мужа въ виду того, что теперь ее и ея малыхъ дѣтушекъ уже не призрѣть ему, мужу, а если ихъ обидятъ, то и не защитить. Окончившее церковную службу духовенство совершаетъ въ это время надъ могилами усопшихъ, по приглашенію родныхъ, панихиды или литіи. Позади священниковъ идутъ люди, которымъ передается (чаще всего самими

священниками) кое-что изъ разставленнаго на могилахъ: рыбный пирогъ, селянка, блины и т. п. По уходѣ духовенства, начинается обрядъ настоящаго поминанія, тризна. Какъ мужики, такъ и бабы приглашаютъ и родныхъ, и знакомыхъ помянуть покойныхъ, кто чѣмъ можетъ. Пермякъ вообще никогда не отказывающійся отъ угощенія, въ данномъ случаѣ даже торопится исполнить просьбу приглашающихъ, чтобы тѣ не могли какъ-нибудь увидѣть въ его промедленіи желанія оскорбить память усопшихъ. Каждый пришедшій пробуетъ по немногу всего приготовленнаго, откладывая хоть нѣсколько крошекъ на могилу умершаго и, выливая на нее хоть по капелькѣ изъ питья. Забыть про голодъ покойника никто не рѣшается, мало ли чего онъ можетъ надѣлать. Если извѣстно кушанье или питье, которымъ покойный (ая) отдавалъ особенное предпочтеніе, то ихъ откладываютъ (выливаютъ) побольше: пусть не жалуется на жадность живыхъ. Когда помянуты всѣ родные и знакомые, свои и сосѣдскіе, поминальщики съ раскраснѣвшимися лицами, подъ шумный говоръ, а иной разъ и подъ звуки разухабистой пѣсни, отправляются по домамъ, гдѣ продолжаютъ поминать дорогихъ покойниковъ, вспоминая объ ихъ былыхъ добрыхъ качествахъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ноги не откажутся служить, а языкъ ворочаться. Не въ рѣдкость и такіе случаи, когда чтущій покойника переусердствуетъ еще на кладбищѣ и, забывая свой обычный передъ этимъ мѣстомъ страхъ, преспокойно ложится спать на немъ, причемъ могила почитаемаго родственника становится изголовьемъ. Насколько пѣсни возвращающихся съ кладбища поминальщиковъ не сходятся съ только что совершеннымъ обрядомъ, указываютъ записанныя именно при возвращеніи поминальщиковъ съ семика пѣсни, сопровождаемыя пляской и звуками гармоніи, въ родѣ слѣдующей:

Ахъ ты, звирь ли, мой звиречокъ,
Ясной соковочокъ.
Расповадился звиречокъ
За ягодку ричьку;
Што за ягодку за ричьку—
Къ Аннушкѣ сестричкѣ.
Аннушка сестричка
По саду гулява,
Калину ломава.
Я калинушку ломава
Дружка поджидала.
Приходи ко мньѣ звиречокъ
Во времья ты въ гости.
Когда батюшка дома ньету,
Матушка въ гостякъ,
Миvы братцы за стрѣльбою,
Миvы сестры за гульбою,
Мои сношки говубушки—
Они за роботой.
Только я, мвада мваденька,
Одна остававась,
Со звирькомъ лежала,
На правой ручкѣ держала,
Лѣвой обнимала.
Лѣвой ручкой обнимала,
Къ серчу прижимава.
Я къ сердечку прижимава,
Крѣпко чевовала.

Почти въ томъ же духѣ проводятся и другіе поминальные дни, число которыхъ значительно, хотя, должно замѣтить, празднованіе большинства остальныхъ поминальныхъ дней, сводится лишь къ подачѣ тѣхъ или иныхъ даровъ въ церковь и къ служенію, а у бѣдныхъ—къ поминанію покойныхъ.

Наибольшею популярностью пользуются изъ этихъ скорбныхъ дней широкія субботы: три субботы передъ Димитріевской, празднуемой въ ближайшую къ 26 октября субботу. Субботы эти называются широкими въ отличіе отъ остальныхъ субботъ, въ которыя также происходитъ поминаніе и которыя называются узкими. Разница между этими субботами, главн. обр., заключается въ количествѣ поминаемыхъ. Въ узкія субботы поминаются ближайшіе родственники или недавно скончавшіеся дальніе, а въ широкія поминаются рѣшительно всѣ, кто когда-либо состоялъ въ родствѣ и еще не исчезъ изъ памяти поминальщиковъ. Обрядъ поминовенія родни въ Родительскую субботу и иные поминальные празднуемые, вѣрнѣе, чтимые дни происходитъ у пермяковъ такъ же, какъ и въ широкія субботы.

Вскорѣ послѣ семика пермякамъ приходится считаться съ первымъ громомъ. Это также дѣло не изъ послѣднихъ и требуетъ нѣкотораго знанія. Вообще грома и громовержца Илью—пророка у насъ въ достаточной степени побаиваются. Хотя самое небо, по вѣрованіямъ пермяковъ, находится въ непосредственномъ владѣніи Бога, такъ, напримѣръ: Онъ небо и запираетъ, и оттыкаетъ, прямымъ слѣдствіемъ чего бываетъ засуха и дождь, но, тѣмъ не менѣе, Ильѣ пророку небо отдано для прогулокъ, отъ чего бываетъ громъ и градъ. Особенно благоговѣйно встрѣчается здѣсь первый весенній громъ. Происходитъ это отъ того, что пермяки боятся, какъ бы ихъ желанія и надежды не разбились объ этотъ громъ. Противъ грома нѣтъ ни одного заговора или наговора; точно также нѣтъ ни заговоровъ, ни наговоровъ и противъ вѣтровъ. Громовой заговоръ, какъ видно изъ послѣдующихъ строкъ, совсѣмъ не отъ грома. «Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословесь и перекрестясь. Умываюсь чистою водою, утираюсь и обтираюсь бѣлымъ полотенцемъ выйду я на чистое поле, увидѣлъ я тучу и морокъ, какъ на небеса поднимаются и Онопи, и Меланіи, святую русскую землю очищаютъ, нечистаго духа и непріятную силу, какъ Илья пророкъ, скорный помощникъ, какъ онъ грянулъ и хряснулъ, всѣ поразсыпались и песокъ разсыпался, какъ зеленая вичка день и ночь дрожитъ, такъ же и отъ меня раба Божія (имя рекъ) всѣ люди боялись бы и дрожали, какъ царь царица пріужаснулись, такъ чтобы и люди пріужасались, и, душа моя у меня, слово мое—громъ, и, я же тутъ хочу заговориться, на всѣ четыре стороны, и Бѣло-каменной стѣной и булатнымъ тыномъ отъ сырой-мать земли до небеси, по шистику и по кристику и по ангелу, сѣкутъ и рубятъ, а до меня до раба человѣка не допускаетъ, будьте мои словеса крѣпки и лѣпки

тверже камня и остраго булатнаго ножа, полно-полновицею, крутоверховы, противъ слова стой и противъ зуба и тридцать три слова, чтобы были на зубахъ, и каждый часъ и каждую минуту мои словеса, чтобы были всѣ полны, что прочитала (алъ)». Заговоръ этотъ называется громовымъ потому, во первыхъ, что въ немъ упоминается о громѣ, а во вторыхъ, потому, что онъ начнетъ дѣйствовать, т. е. держать всѣхъ въ страхѣ только съ тѣхъ поръ, какъ будетъ прочтенъ при первомъ весеннемъ громѣ. Если громовой заговоръ исполненъ, а заговорившаго все-таки никто не боится, это значитъ: или первый громъ былъ раньше и заговаривающимъ пропущенъ, или же, что прежде чѣмъ заговаривающій успѣлъ окончить свой заговоръ, кто-нибудь его уже упредилъ имъ и получилъ себѣ просимое. Только разъ въ годъ, только на одинъ годъ, только одинъ человѣкъ можетъ получить просимое въ громовомъ заговорѣ.

Говоря о громѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ о кой-какихъ растерянныхъ громовержцемъ предметахъ, тѣмъ болѣе что часть ихъ находится у пермяковъ. Будучи сами прекрасными наѣздниками, пермяки и Илью пророка представляютъ себѣ ѣздящимъ по небу не иначе, какъ на верховой лошадкѣ. По повѣрью пермяковъ, лошадь эта была въ полной верховой упряжкѣ, но (времени точно никто не знаетъ) обронилъ Илья пророкъ сѣдло съ своей лошадки и оно пало въ Архангельской волости, гдѣ и лежитъ до сихъ поръ. Заинтересованный разсказомъ, я осматривалъ сѣдло и нашелъ слѣдующее. На краю села находится небольшая деревянная оградка, внутри ея столбикъ съ иконой, какихъ немало встрѣчается на перекресткахъ дорогъ, и передъ нимъ огромный камень, вѣсомъ приблизительно въ 70 пудовъ. Форма этого камня, дѣйствительно, слегка напоминаетъ собой очертанія грубаго сѣдла. Въ настоящее время я не могу сказать, что представляетъ изъ себя этотъ камень. Вѣроятно, осколокъ метеора. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня то обстоятельство, что въ предѣлахъ Ошибской волости (въ 20 в. по прямому направленію) на одномъ изъ полей находится такой же камень, причемъ народная молва прямо говоритъ, что онъ упалъ съ неба, что подъ нимъ зарытъ очень большой и цѣнный кладъ. Дѣйствительно, камень этотъ точно такого же строенія, какъ и Архангельскій, только значительно больше послѣдняго.

Свойство молніи бить чаще всего въ хвойный лѣсъ извѣстно пермякамъ, но они увѣрены, что молніей Господь Богъ преслѣдуетъ всегда нечистую силу (діавола), послѣдній же, укрываясь отъ гнѣва Божьяго, естественно, спѣшитъ укрыться въ лѣсной чащѣ, гдѣ разглядѣть его уже становится дѣломъ хитрымъ. Хотя громъ и убиваетъ людей, но только не дѣвушекъ: «Илья Пророкъ съ земли дѣвокъ не воруетъ». Еслибы отъ громового удара что-либо загорѣлось, то такой пожаръ можно тушить не водой, а молокомъ и брагой.

Въ Петровъ день, а также въ послѣднее воскресенье передъ Покровомъ Пресвятой Богородицы (1 октября) на Марію-Голиндуху пермяки приносятъ въ мѣстныя часовни: бараньи ноги и головы — въ первый праздникъ; курицъ и разную другую птицу (колотую) — въ послѣдній. Святые Петръ и Павелъ, равно «Егорій Храброй» считаются покровителями животныхъ; отсюда происходитъ обрядъ принесенія имъ въ жертву животныхъ. Около Петровокъ зачастую начинаютъ теряться молодые барашки то отъ хвори, то отъ деревенскихъ собакъ и отъ острыхъ зубовъ «сѣраго» пріятеля, деткамъ котораго тоже вѣдь надо кормиться. Тогда-то перепуганныя хозяйки и даютъ торжественное обѣщаніе принести апостоламъ одну или двѣ бараньи ноги или голову, чтобы только они сохранили ихъ скотинку. То, что случается съ мелкимъ скотомъ лѣтомъ, тоже повторяется съ молодою птицей осенью. И ястребъ, и злой человѣкъ, и хворь все преслѣдуетъ выводокъ, какъ же тутъ за сохраненіе ихъ не пожертвуешь Маріи-Голиндухѣ — «куриному богу» (точнѣе: птичьему). Дѣйствительно, въ часовняхъ, гдѣ только празднуютъ эти праздники, приносятся бараньи ноги, головы и птица въ избыткѣ. Все принесенное послѣ молебновъ поступаетъ въ пользу духовенства и употребляется таковымъ для собственныхъ нуждъ или продается имъ же, въ засоленомъ видѣ, бѣдной паствѣ по схожей цѣнѣ.

Изъ осеннихъ праздниковъ необходимо отмѣтить праздникъ Флора и Лавра, — «скотьяго бога». Этотъ праздникъ занимаетъ первенствующее значеніе между всѣми праздниками остальныхъ покровителей животныхъ. Онъ празднуется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но глав. обр. въ д. Кочѣ, Чердынскаго, и въ д. Бутылевой, Соликамскаго уѣзда. Съ прошлаго года власть не духовная, а административная запретила празднованіе въ Кочѣ. Праздникъ перенесли въ ближайшую деревеньку Соликамскаго уѣзда. Впрочемъ, такія запрещенія въ мѣстахъ, переполненныхъ старовѣрами, даже и небезопасны. — «Идите къ намъ, молитесь, какъ мы молимся, и приносите жертвы, кому хотите». Вѣдь, вотъ что говорятъ старцы, а лѣсовъ у нихъ такъ много, и пермяку, чтобы выполнить все то, что выполнялъ онъ самъ и его дѣды и прадѣды, переходъ изъ церкви православной въ старовѣрье становится даже заманчивымъ. — «Мы, если перейдешь къ намъ, ни за крестины, ни за свадьбу ничего не требуемъ». Къ кому будетъ лежать сердце? Нѣтъ, средство для борьбы съ празднествами въ честь скотьяго бога едвали выбрано удачное. Болѣе всего свѣтомъ церковнаго и школьнаго ученія надо бороться съ такими явленіями, какъ нижеописываемое. Память Флора и Лавра чествуется церковью 18 августа, но у пермяковъ сборы къ этому празднику начинаются еще задолго, а у иныхъ чуть не за цѣлый годъ. Дѣло въ томъ, что когда болѣетъ какая-либо скотина, пермяки, прося покровителя животныхъ о выздоровленіи ея, даютъ обѣтъ принести часть

ея или часть другой скотины, если больная не съѣдобна, или, если скотина невелика, привести ее на веревочкѣ къ святому вмѣсто живой. Есть и такіе поклонники, что обѣщаютъ въ жертву и очень большихъ животныхъ, напримѣръ, трехъ-четырехъ лѣтнихъ быковъ. Такіе жертвователи проживаютъ нерѣдко за много десятковъ верстъ отъ часовенъ, гдѣ празднуется память святыхъ и поэтому отправляться имъ къ празднику приходится задолго. Къ этому же времени со всѣхъ сторонъ отправляются къ празднику и нищіе, какъ профессіоналы, такъ и любители, въ чаяніи хорошей подачки. Особенно много народа стекалось въ д. Кочѣ. Въ ночь на праздникъ то тутъ, то тамъ зажигаются большіе костры, фантастически освѣщающіе и группы народа, и тутъ же стоящій скотъ. Шумъ отъ говора, блеянія и мычанія скота, кой-гдѣ отъ пѣсенъ и пьяной ругани стоитъ всю ночь. Съ наступленіемъ же ночи начинается обрядъ жертвоприношенія животныхъ. Всѣхъ животныхъ колютъ около самой часовни, причемъ шкуры заколотыхъ остаются въ пользу часовни, а часть мяса идетъ на угощеніе богомольцевъ. Нѣкоторые богатые люди, взамѣнъ мяса и шкуры, платятъ соотвѣтственную сумму денегъ. Самое важное, такимъ образомъ, не жертва мяса, а фактъ «закланія» и принесенія за это закланіе хотя бы денегъ въ доходъ часовни. Особо приставленныя лица колютъ приведенный скотъ и слѣдятъ за исполненіемъ обряда жертвованія. Доходность отъ такого празднованія весьма велика. Такъ, напримѣръ, въ Кочу приводили иногда до 50 штукъ быковъ и множество барановъ. Въ жертву можно приносить не каждую скотину, а только «невинную» и, притомъ, мужского пола. Розпятое и пожертвованное въ пользу богомольцевъ мясо варится въ нарочно для этого устроенныхъ котлахъ неподалеку же отъ часовни. Въ варево идутъ глав. обр. ноги и головы. Поспѣвшее варево и мясо изъ него раздаются особыми сторожами; народъ рвется къ котламъ, чтобы получить хоть кусочекъ мяса, служащаго вѣрнымъ средствомъ противъ всякихъ скотскихъ болѣзней. Давка, шумъ и драка, приправляемые крупною бранью, не перестаютъ все время вокругъ часовни. Съ ранняго утра приходятъ священники и начинается служеніе молебновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ д. Бутылевой, Юсьвинской волости, къ этому времени запруживаютъ высокой плотиной мимо протекающую рѣчку и въ образовавшемся так. обр. прудѣ, подъ пѣніе духовенства, богомольцы становятся въ воду—иные по колѣна, иные на колѣни, иные заходятъ въ воду по поясъ и выше—какъ кто обѣщалъ святому. Все это происходитъ въ Пермской губерніи 18 августа, т. е. въ то время, когда нерѣдко уже бываютъ заморозки. Стояніе въ водѣ продолжается не минуту или двѣ, а все время совершенія молебна, да еще и не простого, а съ водосвященьемъ. Много ревматизмовъ, много тифа и всякой простуды уносится отъ праздниковъ святымъ, признаваемымъ пермяками за покровителей животныхъ. Намъ лично приходи-

лось видѣть немало народа, стоявшаго въ студеной водѣ по горло. Какъ только оканчивается молебствіе, священники идутъ между выстроенными въ два ряда лошадьми и окропляютъ ихъ святой водой. Въ д. Бутылевой эта ширинга простиралась въ длину, по крайней мѣрѣ, на полверсты. Затѣмъ, всѣ лошадевладѣльцы начинаютъ гоньбу по близлежащему полю, стараясь вогнать лошадь въ потъ—признакъ всосанія воды въ кровь лошади. Разумѣется, наряду съ этимъ фигурируетъ и желаніе хвастнуть лошадью, чтобы въ первой же ярмаркѣ продать ее возможно дороже. Послѣднее обстоятельство часто бываетъ причиною нежданно-негаданной смерти спортсмена. Въ узкомъ мѣстѣ отчаянная гоньба становится особенно опасной и, вслѣдствіе столкновеній и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, много отуманенныхъ кумышкою и брагою головъ закончило свой жизненный путь преждевременно. Почти также празднуется этотъ праздникъ и въ другихъ пермяцкихъ поселкахъ.

Это празднованіе, впрочемъ только въ слишкомъ слабой степени, напоминаетъ празднованіе св. Георгія Побѣдоносца (такое празднованіе нынѣ уже выходитъ изъ моды, но раньше было повсемѣстно), когда также выгоняли скотъ, кропили его святой водой и, радуясь открывшемуся дешевому способу кормленія скота на подножномъ корму, народъ пилъ и ликовалъ.

Въ промежутокъ времени между праздникомъ «скотьяго бога» и праздниками святокъ проходитъ слишкомъ много времени, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь не отпраздновать праздника. Не знаемъ, гдѣ найдется больше частныхъ «деревенскихъ» праздниковъ, какъ у пермяковъ. Построена у насъ часовня въ въ честь Егорья,—празднуемъ его и на зимняго, и на вешняго; построена на «Микову милостиваго»,—празднуемъ его и весной, и зимой и т. д. Къ каждому празднику чтущіе его готовятся заблаговременно. Но еще болѣе благовременными считаютъ себя люди, непричастные къ празднику: уже задолго до праздниковъ начинаютъ они поговаривать о днѣ грядущемъ, и съ ранняго утра толпы народа тѣснятся около каждой избы въ чаяніи получить кружку браги, а не то и кумышки. Во время часовенныхъ праздниковъ къ приходу духовенства какъ хозяева, такъ и хозяйки нерѣдко бываютъ сильно пьяны, но все же каждый ихъ нихъ требуетъ отъ священниковъ, чтобы они служили у него отдѣльный молебенъ. Большинство священниковъ этому подчиняются, и нововведенія молодыхъ батюшекъ, уходящихъ изъ такихъ домовъ, встрѣчаются съ негодованіемъ.

Нельзя не отмѣтить и религіозности пермяка. Войдите вы въ его домъ: въ немъ передъ каждой иконой теплится зажженная восковая свѣчка; столъ покрытъ свѣжею скатертью, на немъ разставлены яства и питья.

Почти также неприглядно проходятъ и многочисленныя здѣсь ярмарки, чаще всего пріурочиваемыя къ часовеннымъ или церковнымъ праздникамъ. Разнообразіемъ тутъ является только кража, та кража, о которой человѣкъ, не

знающій быта пермяковъ, не можетъ составить себѣ понятія Крадутъ всѣ, крадутъ все, что ни попало подъ руку. Попалась живая курица—хватай ее, а перья еще у живой можно ощипать по дорогѣ. Многіе для кражи отправляются изъ Соликамскаго уѣзда въ Кунгурскій и другіе. Кажется, нигдѣ воровство такъ не развито, и не можетъ быть такъ развито, какъ у пермяковъ. Главная причина та, что воровство за порокъ не признается. Правда, Богъ воровства не долюбливаетъ. Но, вѣдь, не такая ужъ страшная кара полагается, чтобы бояться воровства. Самое большое наказаніе—это таcканіе покойнымъ съ собой всего, что онъ успѣлъ наворовать за земную жизнь, слѣд., чтобы воровство было полезнѣе, а отвѣтственность возможно легче, слѣдуетъ воровать только вещи негромоздкія, тогда ихъ и на томъ свѣтѣ носить будетъ нетрудно, въ особенности же при сознаніи того, что и за семиковымъ столомъ для помѣщенія ихъ достанетъ мѣста и онѣ мирной трапезѣ не помѣшаютъ. Къ воровству же вещей негромоздкихъ располагаетъ удобство скрывать ихъ и, въ большинствѣ случаевъ, сравнительно высокая ихъ цѣнность по сравненію съ вещами громоздкими, встрѣчающимися въ крестьянскомъ обиходѣ. Конокрадство, этотъ страшнѣйшій бичъ каждаго крестьянина, свилъ въ пермяцкомъ краѣ прочное гнѣздо, причемъ къ особенно наглымъ ворамъ здѣсь питаютъ нѣчто въ родѣ уваженія и даже благоговѣнія. Звѣрскія расправы, производимыя надъ этими любителями чужой собственности почти повсемѣстно, здѣсь рѣдки. Впрочемъ, разъ пермяка вывели изъ терпѣнія, онъ не прочь примѣнить къ конокраду не кару, не истязаніе, а мѣру исправительную: отхлестать его кнутовищемъ. Пермяки удостовѣряютъ, что мѣра эта радикальна, т. е. что послѣ ея примѣненія виновный не станетъ больше воровать. Въ данномъ случаѣ пермяки безусловно правы: наказанный так. обр. конокрадъ заканчиваетъ на третій-четвертый день послѣ пріема порки свою жизнь въ ужасныхъ мученіяхъ.

Изъ числа остальныхъ особо чтимыхъ празднествъ нельзя не отмѣтить дни святочные (предъ-рождественскіе); самое же Рождество Хр. равно какъ и Пасха, здѣсь не чтятся и за праздники не признаются. Не признаются здѣсь также за праздники и большинство праздниковъ православныхъ, напримѣръ: Благовѣщеніе, Вербное воскресенье и многіе другіе. Въ недѣлю передъ Рождествомъ Хр. молодежью устраиваются различныя игры, въ большей части напоминающія наши русскіе хороводы. Игры эти имѣютъ мѣсто лишь на святкахъ, поэтому онѣ выдѣляются здѣсь изъ общаго круга игръ и пѣсенъ. Какъ святочныя, такъ и всѣ другія пермяцкія игры, въ общемъ, сводятся къ пѣнію, хожденію подъ это пѣніе молодежи кругомъ, и къ исполненію всего того, о чемъ поется въ пѣснѣ.

Крѣнъ мой, крѣнъ,
Садовой мой крѣнъ.

Кто тебья сѣяу?
Кто полеvау?

Менья сѣяу Иванъ,
Поливау Силиванъ.
Силиванова жена
Крѣнъ укажпвава.
Дѣвка по саду гулява,
Буйну говову чесава.
И сама при косѣ приговаривава:
Ты рости, рости коса
До шевкова пояса,
До сырой земли,
Чтобы люди гледѣли—
Завидовали.
Что завидовали—
Сподзавидовали.
Ошпо ѣкали бояре
Изъ нова города,
Да завидѣли дѣвичу:
Дѣвка моетча да румянитча.
«Безъ тово дѣвка баска
(Безъ того дѣвка хороша).
Безъ того короша,
Не бѣлися, душа,
Не румянься, душа,
Душа будь короша».

Когда поется эта пѣсня, всѣ дѣвушки встаютъ стаей къ дверямъ и берутся руками за дверную скобку, кавалеры же разсаживаются по лавкамъ. Какъ только пѣсня оканчивается, одинъ изъ кавалеровъ встаетъ, подходитъ къ играющимъ дѣвушкамъ и проситъ у нихъ позволенія выдернуть на свой пай «крѣновинку». Дѣвушки наперерывъ спрашиваютъ парня: на что ему хрѣнъ и высказываютъ свои, порой довольно таки циничныя догадки. Парень же отвѣчаетъ, что хрѣнъ ему нуженъ для продажи проѣзжему купцу. Повѣривъ на слово говорящему, дѣвушки позволяютъ ему выдернуть одну хрѣновинку, что тотъ и исполняетъ, причемъ выдергиваетъ почти всегда свою временную подругу жизни, съ которой отправляется на лавку. Тутъ онъ усаживается самъ, а дѣвушку садитъ къ себѣ на колѣни. Пѣсня начинается съизнова, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ играющія дѣвушки не разсядутся на колѣняхъ своихъ благопріятелей. Послѣ же этого двѣ какихъ-нибудь дѣвушки идутъ на средину избы, обходятъ сидящихъ и спрашиваютъ: «слатокъ ли крѣнъ»? Отвѣтъ отъ всѣхъ получается одинъ и тотъ же: «горькой». Тогда дѣвушки говорятъ: «а коли горекъ, то можно и крѣнъ подсластить, подбавить сакару», причемъ цѣлуютъ другъ друга. Тотчасъ же цѣлуются и сидящія парочки, и дѣвушки сходятъ съ колѣнъ парней, чѣмъ заканчиваютъ эту игру, если парни не требуютъ повторенія пѣсни.

Либединъ мой, лмбединъ, либедушка бѣвая. И. т. д.; конецъ пѣсни:

Пошелъ мой—отъ лебединъ,
Во три торга торговать.
Во три торга торговать,
Закупочки закупать.
Дорогу покупку,
Шовкову плетку.
Отворите ворота,
Пропустите лебьедя.
Здраствуй, жонушка,
Здраствуй, лебедушка!
Я принесъ тебьѣ гостинечъ—
Шовкову плетку.

Погледите люди,
Жена-то мужа любитъ,
Погледите добры,
Жена-то мужа добритъ.
Къ людямъ ходитъ пличикомъ,
Ко мнѣ, радость, личикомъ.
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣвая.

При пѣніи пѣсни «Лебединъ мой, лебединъ» дѣвушки и парни становятся кругомъ и ходятъ въ ту или другую сторону (хороводъ водятъ), причемъ одна изъ дѣвушекъ становится въ самый кругъ. При пѣніи словъ «отворяйте ворота», кругъ разрывается пополамъ и въ него входитъ одинъ изъ парней, неся съ собой что-нибудь завернутое въ свертокъ и изображающее юбку. Свертокъ этотъ онъ подаетъ дѣвушкѣ, но та отвертывается отъ подарка и бросаетъ его на полъ; парень выходитъ изъ круга и входитъ вновь въ него при повтореніи тѣхъ же словъ «отворите ворота», причемъ приноситъ съ собой и подаетъ дѣвушкѣ взятую у кого-либо изъ играющихъ шаль или простой головной платокъ. Дѣвушка встрѣчаетъ парня еще суровѣе, она сердито смотритъ на него и бросаетъ подарокъ ему прямо въ лицо. Парень еще разъ выходитъ изъ круга, для того чтобы вновь возвратиться въ него уже съ плеткою, при словахъ: «здраствуй, женушка»! Увидѣвъ въ рукахъ парня плетку, дѣвушка сразу измѣняетъ суровое выраженіе лица на привѣтливую улыбку и низко ему кланяется. Парень же слегка стегаетъ дѣвушку плеткой, а при концѣ пѣсни цѣлуетъ ее. Этимъ заканчивается игра.

Святочныхъ гаданій и пѣсенъ у пермяковъ немного; тѣ и другія сводятся къ одному: придется или нѣтъ дѣвушкѣ выйти замужъ въ наступающемъ промежговѣньи. Выйти замужъ—это мечта пермянки. Хоть и плохо, можетъ быть, ей будетъ въ новомъ домѣ, но все же впереди ее ждетъ свой собственный кусокъ хлѣба; дома же, особенно при мачихѣ, дѣвушкѣ живется очень жутко: побои и попреки, да тяжелая, иной разъ совсѣмъ непосильная, работа. Гадая о замужествѣ, дѣвушка отнюдь не идеализируетъ его и спокойно поетъ:

Отдадимъ мы красну дѣвку
Замужъ за Ивана.
У Ивана въ саду яма,
За все будетъ пьяна.
У Пилипа въ саду липа,
За все будетъ бита.

Пермячки любятъ повеселиться и въ простое будничное время. Въ будніе дни онѣ веселятся уже нѣсколько по другому. Будничное веселье проходитъ на вечеринкахъ—посидѣнкахъ, т. наз. «супрядкахъ», когда подъ видомъ пряденія льна сходятся дѣвушки, а также подростки одной или и сосѣдней деревни къ кому-нибудь въ одну изъ до крайности маленькихъ тѣсныхъ бань поработать-позубоскалить; туда же, конечно, иногда заходятъ и молодые парни. Всѣ посиденки начинаются съ сумерекъ и продолжаются до поздней ночи, а иногда и ранняго утра. На супрядкахъ поются пѣсни и играются различныя игры.

Точно также поютъ и веселятся дѣвушки на зимнихъ помочахъ. Зимнія помочи устраиваются людьми болѣе или менѣе зажиточными и изрѣдка духовенствомъ. Словомъ, устраиваются тѣми, кто не въ состояніи собственными силами справиться съ пряденьемъ льна. Пришедшія на помочь дѣвицы собственно говоря, во время самой «помочи», никакой помощи хозяевамъ-устроителямъ ея не оказываютъ, а только пьютъ да ѣдятъ въ изобиліи приготовленныя яства и питія, пляшутъ да поютъ. Но зато, уходя съ помочи, онѣ получаютъ, каждая на свой пай, извѣстную часть кудели, которую должны расчесать, выпрясть въ нитки и представить, затѣмъ, хозяевамъ помочи. Если прикинуть все, что истрачивается хозяиномъ на помочь и что стоитъ дѣйствительная работа, то, конечно, становится жаль дѣвушекъ-помочанъ, отдающихъ свой трудъ ни за грошъ. Но если принять во вниманіе, что такія помочи, дѣйствительно, веселы, то станетъ понятнымъ, почему молодежь поступается горбомъ. Не приглашаемые сюда парни бродятъ по близости дома съ помочью и разсчеты ихъ иногда оправдываются. Нѣтъ-нѣтъ, кто нибудь изъ участницъ помочи исчезнетъ съ нея преждевременно. Вотъ на этихъ-то супрядкахъ и помочахъ и «созрѣваютъ», по выраженію пермяковъ, ихъ дочери. Дѣвушки невпяныя считаются ими еще не созрѣвшими; о замужествѣ ихъ до періода созрѣванія думать рано—такая дѣвушка, несмотря на свои годы, считается ребенкомъ.

V.

Пѣсни.—Сказки (Кривая Лютра, Лѣнивая жена, Сказка про медвѣдя, Иванушка-дурачекъ, Глупые люди и Молодая старуха).—Присказки.—Пословицы.

Пермяцкая народная поэзія крайне бѣдна. Она представляетъ плохую передѣлку заимствованныхъ великорусскихъ пѣсенъ. На пермяцкомъ языкѣ имѣется лишь нѣсколько пѣсенъ. Народныхъ музыкальныхъ инструментовъ (нынѣ въ ходу только гармонія) у пермяковъ также нѣтъ.

Торокàнъ тэ, торокàнъ,	Тараканъ ты, тараканъ,
Торокàнъ àбу-овàнъ.	Тараканъ не живучій.
Шѐлье пыранъ-чувъены,	Въ щель залѣзешь—тычутъ,
Гòрвэ кàянъ-бокъ сòтэ.	На печь поднимешься—бокъ ожжешь.
Торокàнъ àбу-овàнъ.	Тараканъ не живучій.
Чѐлядь, пѐтамъ да мунàмъ,	Ребята, выйдемъ да пойдемъ,
Еръ гэгэрсэ гэгэртàмъ;	Около поля покружимся,
Пѣганука-сэ кутàмъ.	Пѣгануху поймаемъ.
Вàнька пòсэдзе пырàмъ,	На Ванькино крыльце зайдемъ,
Сурсэ, брàгасэ ювàмъ,	Пива, браги попьемъ,
Кòми письня висьтавàмъ.	Пермяцкую пѣсню скажемъ.

Ишшо суръ ектэ,
Ишшо брага ектэ.
Учтикъ Ивано̀къ
Сэтэнъ-же бергавэ,
Кыдзь го̀ра кай вебавэ
Мэдэ ока̀вны мѐнэ.
Чѐлядь, пѐтамъ да муна̀мъ
Ыджитъ туй кузясъ.
Міе вэрасъ пыра̀мъ,
Вэрасъ ошъ сеясъ;
Міе кэзвасъ каямъ
Кэзвасъ уръ пура̀съ.
Торока̀нъ тэ, торока̀нъ,
Торока̀нъ а̀бу-ова̀нъ.

Еще пиво пляшетъ,
Еще брага пляшетъ.
Маленькій Иванъ
Тутъ же вертится,
Какъ пѣвчая птичка летаетъ,
Хочетъ поцѣловать меня.
Ребята, выйдемъ да пойдемъ
По большой дорогѣ.
Мы въ лѣсъ войдемъ—
Въ лѣсу медвѣдь съѣстъ;
Мы на елку влѣземъ—
На елкѣ бѣлка загрызетъ.
Тараканъ ты, тараканъ,
Тараканъ не живучій.

—

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Прикатили го̀рьюшки!
Кыдзь ме по̀нда овнытэ?
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Га̀жа-эсэ вуннэсэ,
Га̀жа-эсэ ву̀ннэсэ,
Мича-эсэ ой-эсэ!

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Пришли горести!
Какъ я буду жить-то?
Ночи и дни коротать,
Ночи и дни коротать,
Веселые дни,
Веселые дни,
Ясныя ночи!

—

Ба̀сэкъ нывка
Во̀лькытъ юра,
Кузь чикися,
Гэрдъ ленто̀чка,
Дженытъ го̀ля,
Гэрдъ ернэса,
Вэзъ дуба̀са,
Гэрдъ запо̀на,
Чѐчкомъ чу̀вки,
До̀рэмъ ча̀рки.

Красивая дѣвушка
Съ гладкой головой,
Съ длинной косой,
Съ красной ленточкой,
Съ короткой шеей,
Въ краснай рубашкѣ,
Въ синемъ дубасѣ,
Въ красномъ передникѣ,
Въ бѣлыхъ чулкахъ,
Въ подкованныхъ башмакахъ.

—

Бо̀ба тэ, бо̀ба,
Сѣра тэ зо̀ба,
Кычѐ бо̀ба вѐтвинъ?
Чужѐй гу̀ввэ вѐтвя.

Заяцъ ты, заяцъ,
Сѣрозобый ты,
Куда заяцъ ходилъ?
Въ чужой погребъ ходилъ.

«Мый боба сёинъ?	Что заяцъ ѣлъ?
Виэнъ нянь сея.	Масло съ хлѣбомъ ѣлъ.
Мѐнымъ колинъ-я?	Мнѣ оставилъ ли?
Коли тай, кòли.	Оставилъ, оставилъ.
Кычэ пуктъинъ?	Куда положилъ?
Джоджъ-пòнэ пуктъи	Подъ печь (на концы выходящіе
Джоджъ-пòнасъ а̀бу.	изъ-подъ глинобитной печи) поло-
	жилъ (русскаго термина нѣтъ) и нѣтъ.
Ширъ нàтьтэ сёисъ.	Мышь должно быть съѣла.
Кытэнъ ширысъ?	Гдѣ мышь?
Муэ пырисъ.	Въ землю вошла.
Кытэнъ муысъ?	Гдѣ земля?
Бійэнъ (сочч эмъ).	Огнемъ сожжена.
Кытэнъ біысъ?	Гдѣ огонь?
Вàэнъ кусэмъ.	Водой загасился.

Эти пѣсни распѣваются на вечеринкахъ (супрядкахъ) или при играхъ круговыхъ, на какой-либо полянкѣ.

Пермяки большіе любители сказокъ. Сказокъ у нихъ много, но почти всѣ онѣ представляютъ пересказъ великорусскихъ. Здѣсь приведены только наиболѣе оригинальныя сказки. Сказокъ на пермяцкомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.

Кривая лютра (кривая вѣдьма).

Жилъ-былъ мужикъ. Семьи у него не было. Задумалъ онъ жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и весьма лѣнивая. Заставляетъ онъ ее работать, а она ни съ мѣста, и знать мужа не хочетъ. Ни обѣда ему не состряпаетъ, ни одежды не сдѣлаетъ, а такъ живетъ даромъ. Разъ какъ-то и говоритъ мужикъ: ты бы, жена, хоть пряла.—Ладно, отвѣчаетъ жена, стану прясть; только сходи въ лѣсъ, да изготовь мнѣ мотовило.—Обрадовался мужикъ, что жена работать захотѣла, живо пошелъ въ лѣсъ. Только жена—откуда и прыть у нея тутъ взялась — опередила мужика, обѣжала его другой дорогой и притаилась за деревомъ. Мужикъ пришелъ въ лѣсъ, выбралъ лѣсину и сталъ ее рубить, да едва успѣлъ раза два по дереву ударить, какъ жена его жалобнымъ такимъ голосомъ заплакала: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ».—Услыхалъ мужикъ плачъ и задумался: «это, видно, какая-то птица поетъ; нѣтъ, не стану дѣлать мотовило; жена теперь у меня стала бойкая—за роботу хочетъ приняться; жаль будетъ, если помретъ».—Мужикъ бросилъ работу и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А жена

давно его опередила, идетъ изъ дома къ мужику на встрѣчу и спрашиваетъ:— что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило?—Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.—Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай.—На другой день мужикъ снова пошелъ въ лѣсъ, а баба опять тоже сдѣлала: забѣжала впередъ, притаилась за деревомъ и мужика дожидается. Только началъ мужикъ топоромъ стучать, а она ужъ плачетъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ».—Мужикъ снова задумался дѣлать или не дѣлать мотовило. Нѣтъ не стану дѣлать, вонъ у меня какая бойкая жена и смерти не боится, такъ работать хочетъ; жаль ея будетъ, коли помретъ. Вернулся мужикъ домой ни съ чѣмъ, а жена, обѣжала его, выходитъ изъ лѣсу и по вчерашнему спрашиваетъ: —что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило?— Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да опять вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.—Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай. На другой день мужикъ опять пошелъ въ лѣсъ, а жена ужь давно тамъ. Только мужикъ за работу, а она и плачетъ такъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило— жена умретъ». Задумался нашъ мужикъ, что ему дѣлать, а потомъ и рѣшилъ: будь, что будетъ, а жаль жену изобидѣть; вонъ какъ она работать хочетъ, по третій день его посылаетъ.—Мужикъ сталъ рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, высѣкъ мужикъ мотовило, обдѣлалъ его и идетъ домой, а жена давно уже домой пришла и выходитъ къ мужику на встрѣчу:—что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило?—Принесъ, хозяйка, принесъ; теперь пряди.— Взяла баба мотовило, а прясть ей больно не охота. Всетаки думала, думала, да и напряла нитокъ, намотала на мотовило пасмы съ двѣ примѣрно, взяла большую кадцу, положила туда кудели и поставила ее у порога передъ дверями; потомъ сняла съ мотовила нитки, да растянула ихъ поверхъ кудели. Пришелъ домой мужъ, и вотъ пряха ему говоритъ:—смотри, хозяинъ, собаки въ домъ не впускай, а не то перепрыгнетъ она черезъ кадцу и изъ нитокъ снова куделя станетъ. А вѣдь я вонъ сколько напряла—жалко будетъ.— Смекнулъ мужикъ, что хитритъ его баба. Онъ видитъ, что напрядено мало, и впустилъ въ избу собаку. Прыгнула собака черезъ кадку, зацѣпилась въниткахъ, да и стащила ихъ на полъ. Кричитъ его баба:—охъ, хозяинъ, что ты надѣлалъ! Говорила я тебѣ: не пускай собаки, а теперь вотъ видишь, что изъ нитокъ стало.—Думалъ, думалъ мужикъ, что съ бабой сдѣлать, и не придумалъ ничего другого, какъ спросить ее:—вотъ, хозяйка, идетъ праздникъ большой—Пасха Христова. Всѣ люди снарядные (нарядные) будутъ, а я въ чемъ въ церковь пойду?—Молчи, хозяинъ, одежу я тебѣ излажу, снаряжу тебя побассѣе (по красивѣе) другихъ.—Накапунѣ праздника, взяза баба и

заколола курицу; перья съ нея ощипала; потомъ пошла въ лѣсъ и насбирала тамъ сѣры съ деревьевъ. Пришла домой, велѣла мужику раздѣться, обмазала его съ ногъ до головы сѣрой и обсыпала его куриными перьями, да такъ и послала въ церковь. Пришелъ мужикъ въ церковь, а тамъ народу много-премного. Всѣ на него дивуются, всѣ его боятся; всѣ съ него глазъ не сводятъ: кто это пришелъ? кто это такой? Такъ всѣ шептали другъ-другу, но узнать его такъ-таки никто не могъ. Допрежъ того, какъ теперь, и въ церквахъ порядка было немного. Въ сутолокѣ кто-то толкнулъ, по нечаянности, мужика, а онъ-то отъ толчка и насунься, на грѣхъ, на свѣчку. Какъ только огонь коснулся перьевъ, тѣ вспыхнули. Загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ. Жжетъ его огонь, давай-ка онъ бѣжать домой. Прибѣжалъ и говоритъ женѣ: — ахъ, ты, такая-сякая, что со мною наробила (сдѣлала)! Погляди-ко на меня, вѣдь я нагой прибѣжалъ и всѣ меня такимъ видѣли. — Шибко разсердился за это мужикъ на свою лѣнивую бабу и задумалъ ее какъ-нибудь извести. Вотъ идетъ онъ какъ-то къ рѣчкѣ и сдѣлалъ черезъ нее два перехода: одинъ изъ хорошихъ досокъ, а другой изъ гнилыхъ. Привелъ онъ свою бабу къ гнилымъ доскамъ и говоритъ: «смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи; пойдешь — худо тебѣ будетъ». А надо сказать, что Лютра (такъ прозвали жену мужика) всегда дѣлала ему на перекоръ; и теперь на слова мужа она перечила: «а вотъ пойду, эле-люкъ пойду, вотъ пойду, эле-люкъ пойду». Она побѣжала по доскамъ, да только не успѣла добѣжать до середины перехода, какъ доски подъ ней подломились и она упала въ воду. Только мужикъ ее и видѣлъ. Пришелъ мужикъ домой; вошелъ въ избу и видитъ пусто въ избѣ; жалко стало ему своей бабы. Что сдѣлать, какъ достать ее изъ воды, чтобы привести домой. Вотъ сдѣлалъ онъ веревку, привязалъ къ ней зыбку, пошелъ съ снарядомъ къ рѣчкѣ и пустилъ въ нее зыбку. Потянулъ зыбку обратно и слышитъ, что-то попало. Ну, думаетъ мужикъ, вытащу назадъ свою бабу и уведу ее домой, станемъ опять вмѣстѣ жить-поживать. Тащитъ онъ, тащитъ, глядь — вмѣсто его бабы попала ему въ зыбку нечистая сила — кикимора. Мужикъ сталъ было опускать ее обратно въ воду, да нѣтъ: кикимора схватилась за него крѣпко-прекрѣпко и говоритъ: «батюшка, спаси меня отъ кривой Лютры. Попала она въ наше царство и житья отъ нея намъ не стало. Спаси меня, вынь изъ воды и за это я тебѣ добро сдѣлаю. Съ этихъ поръ я стану забиваться въ богатые дома; буду тамъ всячески пакостить вездѣ, гдѣ только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать и скоро разбогатѣешь. Только одно запомни: какъ придется меня выгонять, ты войди въ домъ и крикни: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ! Я тотчасъ же убѣгу». Видитъ мужикъ, — плохо ему приходится; крѣпко схватила его кикимора; вѣроятно, жутко ей пришлось отъ кривой Лютры. Мужикъ вытащилъ изъ воды

кикимору, и та сейчасъ же пошла гулять по бѣлому свѣту. Она забилась въ одинъ богатый домъ и стала тамъ пакостить въ чашки и въ ложки, а затѣмъ бить посуду и все, что попадало ей подъ руку. Не рады стали ей въ домѣ и начали искать такого человѣка, который бы вывелъ ее изъ дому. Услыхалъ про это мужикъ, пришелъ и похваляется: «я могу кикимору выгнать». Стали мужику кланяться: выгони кикимору. Онъ согласился выгнать кикимору и выговорилъ себѣ въ награду сто рублей. Взошелъ въ домъ и крикнулъ: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ»! Кикимора сейчасъ же убѣжала изъ дому, но по дорогѣ она все же шепнула мужику, куда она опять идти хочетъ. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, какъ благодарить его за такую его услугу. Кикимора, между тѣмъ, полѣзла въ домъ болѣе богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чѣмъ раньше. Такъ она изъѣзжалась (издѣвалась), что хозяевамъ ни пить, ни ѣсть нельзя было—не покойное житье стало. Вотъ, прослышавъ о мужикѣ, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообѣщали ему сто рублей. Мужикъ радъ былъ деньгамъ, пришелъ въ домъ, да опять такимъ же образомъ выгналъ кикимору. Получилъ онъ денежки и идетъ домой, а кикимора бѣжитъ рядомъ и шепчетъ ему: «смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя съѣмъ»! Что̀ дѣлать мужику, опять его просятъ выгнать кикимору изъ дома самаго перваго богатѣя. Всѣ знаютъ, что кромѣ мужика никто выгнать кикимору не можетъ. Долго онъ отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумя стами рублей и пошелъ. «Будь, что будетъ, думаетъ, пойду». Только что взошелъ мужикъ въ двери, а кикимора на него со всѣхъ ногъ такъ и накинулась, да такая презлющая. Она закричала: «а, ты опять пришелъ. Я тебѣ развѣ не говорила, чтобъ ты не ходилъ. Теперь я тебя съѣмъ». Весьма испугался мужикъ, не знаетъ, что сказать, да вдругъ пало ему на умъ: «что ты, матушка, говоритъ онъ, вѣдь я пришелъ не гнать тебя, а сказать, что Лютра изъ воды вышла, тебя и меня ищетъ съѣсть». Быстро вылетѣла кикимора изъ дому, да прямо къ рѣчкѣ—только брызги поднялись. Тѣмъ все дѣло кончилось; мужикъ избавился отъ лѣнивой и упрямой жены и разбогатѣлъ.

Лѣнивая жена.

Мужикъ задумалъ жениться. Чтожъ, дѣло ладное. И женился. Стали молодые жить-поживать и хозяйничать. Насѣялъ мужикъ хлѣба много-премного, а дѣлать работу было некому. Вотъ онъ говоритъ женѣ: «давай, хозяйка, сваримъ пива да браги, доспѣемъ (устроимъ) помочь». Хозяйка сварила ему пиво, да на грѣхъ оно очень хорошее удалось, а хозяйка до страсти любила хорошее

пиво. Вотъ она и говоритъ: — хозяинъ, на что намъ помочь дѣлать; я одна управлюсь съ дѣломъ. Только мѣсто покажи. — Ладно, сказалъ мужикъ, и пошелъ показывать бабѣ, гдѣ ихъ поля. Утромъ чуть свѣтъ баба налила себѣ полный туесъ (берестяное ведерко) пива и позвала мужа жать. Пришли на хлѣбныя полосы, баба сразу нажала три снопа ржи. Диву дался мужикъ, хвалитъ жену: — да ты у меня баба бойкая, одна все выжнешь! — Выжну, никого не зови, говоритъ баба. — Оставилъ мужикъ бабу на полѣ жать рожь, а самъ пошелъ на другое поле хлѣбъ сѣять. Увидала баба, что осталась одна, взяла буракъ, и давай изъ него пиво пить. Выпила все пиво заразъ и захмѣлѣла. Она положила два снопа подъ себя, а третій подъ голову, легла и уснула. Проснувшись, она глядитъ, уже ночь на дворѣ, испугалась, стала охать: «экая бѣда, экая бѣда, что я надѣлала, что мнѣ хозяинъ скажетъ»! Побѣжала домой, а мужъ-то ужь дома дожидается и вотъ спрашиваетъ ее: — что, хозяйка, много нажала? — Полоску всю, слава Богу, выжала, отвѣчаетъ засоиха. — На другое утро мужикъ повелъ свою бабу на другое поле (по новости, баба еще не знала своихъ полосъ). Пошла баба, съ собой все же захватила новый буракъ пива. Какъ мужикъ ушелъ, она напилась и проспала до полночи. Пришла домой и снова сообщила мужу, что всю полосу выжала. Хвалитъ ее мужикъ и вѣритъ, что на самомъ дѣлѣ выжаты двѣ полосы. Пошли на третій день на новое, третье поле, мужикъ оставилъ свою бабу одну, а самъ ушелъ сѣять. Выжала баба три снопа, выпила пива, охмѣлѣла и на снопахъ уснула. Сѣялъ, сѣялъ мужикъ и думаетъ: «дай-ка пойду я, да посмотрю на хозяйку». Пришелъ мужикъ, видитъ — она спитъ. Сталъ онъ ее трясти, а она не просыпается. Осердился мужикъ и думаетъ: «ладно, ты меня обманула, такъ и я надъ тобой шутку устрою». Пошелъ онъ домой, взялъ ведро дегтю и принесъ его на поле. Мужикъ затѣмъ схватилъ бабу, поставилъ ее внизъ головой и выкупалъ ее въ дегтѣ. Такъ какъ она и послѣ этого не проснулась, то онъ оставилъ ее на полѣ. Проснулась баба, когда ужь стало совсѣмъ темно. Хватила она себя за голову, хватила за бока и заревѣла: «вотъ бѣда, что это? кто это сдѣлалъ надо мною такую шутку? да ужь я ли это? Нѣтъ, это не я — Марфида (Марфа). Пойду домой, спрошу у хозяина: дома ли Марфида? Если она дома, такъ это не я; нѣтъ ея дома, такъ это я — Марфида». Баба приходитъ домой, стучитъ подъ окномъ и кричитъ: — хозяинъ, Марфида-то дома? — Дома, отвѣчаетъ. — Экая бѣда, видно, я не Марфида. Нѣтъ, думаетъ она, спрошу еще разъ: — дома ли Марфида? — Дома, дома, брагу цѣдитъ, былъ отвѣтъ. — Что я теперь стану дѣлать, стала вздыхать баба, кто я такая, ничего мнѣ не остается, какъ идти, куда глаза глядятъ! — Идетъ баба, подходитъ къ лѣсу, а тамъ у елки сидятъ разбойники. Подбѣжала къ нимъ баба и проситъ: «примите меня къ себѣ». Увидали ее разбойники и испугались:

ночью ужь очень она была страшна и—давай бѣжать, а она за ними. Бѣжали они, бѣжали, глядятъ не отстаетъ отъ нихъ чудище, все по-бабьему кричитъ. Вотъ остановились они и спрашиваютъ его: «кто ты? Иди съ нами, только не кричи». Разбойники повели съ собою Марфиду, привели къ богатому мужику и уговорились воровать у него рѣпу. Подошли они къ ямѣ, гдѣ была рѣпа, и говорятъ Марфидѣ: «полѣзай въ яму, выбрасывай рѣпу въ кучи—крупную на печенки, мелкую на паренки, а среднюю такъ ѣсть». Лѣзетъ баба въ яму, выбрасываетъ изъ нея рѣпу, да сама во все горло кричитъ: «эту на пе-е-че-ен-ки, эту на па-аре-енки, эту та-акъ ѣсть»! Не кричи ты, убѣждаютъ ее разбойники, а она даже пуще стала выкрикивать. Убѣжали разбойники, видятъ, что ихъ поймаютъ, а бабу оставили въ ямѣ. И хорошо они сдѣлали. Проснулись хозяева, пришли къ ямѣ и сильно избили бабу. Ревѣла, ревѣла баба, пошла снова по дорогѣ и опять нашла въ лѣсу тѣхъ же разбойниковъ. Не могли тѣ отъ нея отвязаться, взяли ее снова съ собою. Дошли до другого богатаго мужика. Подняли уголъ у амбара и говорятъ бабѣ: «полѣзай въ амбаръ; тамъ есть ленъ чесанный и нечесанный. Чесанный-то отбирай, да намъ бросай, а нечасаннаго намъ не надо. Только смотри не кричи». Залѣзла баба въ амбаръ, отбираетъ ленъ, а сама опять во все горло кричитъ: «этотъ ленъ че-е-еса-ано-о-й, этотъ не-ече-е-са-ан-ны-ый»! Услышали разбойники, что идутъ хозяева и убѣжали, а бабу оставили въ амбарѣ. Били хозяева бабу, сильно били, чуть до смерти не убили, отпустили чуть живою. Бѣда, какъ ревѣла баба и поплелась, куда глаза глядятъ. Пришла въ лѣсъ и набрела опять на тѣхъ же разбойниковъ. Увидала ихъ баба и давай на нихъ что есть мочи кричать: «ахъ вы, такіе-сякіе, зачѣмъ вы меня одну оставили! Меня всю избили». Не рады ей стали разбойники и давай ее ругать: «будь ты проклята, да на что ты къ намъ привязалась, да на что ты за нами идешь»! Они рѣшили отвязаться отъ нея. «Пойдемъ, говорятъ они ей, къ попу на островъ, тамъ у него рѣпа посѣяна». Бабѣ давно хотѣлось есть и она на это съ радостью согласилась. Черезъ рѣку отъ поповскаго дома былъ островъ. Разбойники устроили къ острову переходъ изъ гнилыхъ досокъ, переѣхали сами съ бабой на лодкѣ и говорятъ ей: «рви, баба, на островѣ рѣпу, а за это мы принесемъ тебѣ мяса». Они уѣхали на другую сторону, а баба принялась рѣпу рвать и что есть мочи кричать: «вотъ и рѣ-ѣпа, вотъ и рѣ-ѣпа-а»! Услыхали ея крикъ попъ и попадья и побѣжали на островъ по переходу, да не успѣли они дойти до половины, какъ увидала ихъ баба и, думая, что это разбойники, закричала: «мясо-то не-е-се-ете-е»? Какъ услышали это попъ и попадья, испугались и бросились обратно, а переходъ-то подъ ними подломился, они упали въ воду. Баба, какъ была, такъ и осталась, да говорятъ и теперь она еще сидитъ на островѣ.

Сказка про медвѣдя.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ были три дочери. Вотъ старикъ говоритъ старухѣ: «я пойду въ лѣсъ дрова рубить и по дорогѣ набросаю стружекъ до того мѣста, гдѣ стану рубить, а ты испеки блинки и пошли ихъ съ дочерью—она по стружкамъ найдетъ меня». Идетъ старикъ лѣсомъ, да стружки бросаетъ, а медвѣдь сидитъ за кустомъ и видитъ это. Медвѣдь стружки сталъ подбирать и бросать по дорогѣ же, да только не по той, по которой старикъ шелъ, а по дорогѣ, ведущей къ нему въ берлогу. Старикъ идетъ ничего не подозрѣвая. Старуха затопила печь, испекла блины и велѣла старшей дочери отнести ихъ. Пошла дѣвица по дорогѣ и по стружкамъ дошла до избы, а въ ней—видитъ—вмѣсто отца медвѣдь сидитъ. Весьма испугалась дѣвица, стоитъ и молчитъ, а медвѣдь говоритъ ей:—останься, дѣвушка, у меня, будь моей хозяйкой.—Нѣтъ, не останусь.—А, не останешься, такъ я тебя съѣмъ!—Съѣлъ медвѣдь дѣвушку, а кости выбросалъ на полати. Ждалъ старикъ въ лѣсу блиновъ до самаго вечера и пошелъ домой. Тутъ онъ кинулся на старуху, сталъ съ ней ругаться и бить, приговаривая: «старая карга, не обманывай, носи мнѣ блины»! На другой день старикъ опять пошелъ въ лѣсъ и наказалъ старухѣ послать ему блиновъ, по той же примѣтѣ. Медвѣдь ужь давно его караулилъ и снова собралъ и разложилъ стружки по своему. Старуха велѣла второй своей дочери снести отцу блины. Пошла дѣвушка съ блинами и дошла до медвѣжьей избы. Зашла въ нее, а медвѣдь сидитъ на лавкѣ и говоритъ: «дѣвушка, останься у меня, будь моей хозяйкой». Со страху она и слова вымолвить не смогла и побѣжала. Медвѣдь догналъ ее, схватилъ, съѣлъ и кости на полати сбросалъ. Долго ждалъ старикъ блиновъ и, не дождавшись ихъ, пошелъ домой. Онъ опять сталъ бить и ругать старуху. Старуха отпиралась, что старика не обманывала и блины посылала, старикъ всетаки не вѣрилъ. На третій день старикъ строго-на-строго наказалъ послать ему въ лѣсъ блиновъ. «Не пошлешь, старуха, прибавилъ онъ, я убью тебя». Отправляется нашъ старикъ опять въ лѣсъ и стружки, по пути, бросаетъ, а медвѣдь идетъ сзади его и стружки перебрасываетъ на свою дорогу. Старуха еще до пѣтуховъ встала и все блины печетъ. Напекла и велитъ младшей дочери снести ихъ отцу. Идетъ дѣвушка отъ стружечки къ стружечкѣ и дошла до медвѣжьей избы. Только въ избу взошла, а медвѣдь и испрашиваетъ свою гостью: «будешь, дѣвушка, моей хозяйкой, такъ останься у меня»? Испугалась дѣвушка.—Хорошо, говоритъ, останусь.—Ладно, отвѣчаетъ медвѣдь, а то я съѣлъ бы тебя.—Дѣвушка осталась жить у медвѣдя, стала хозяйничать и кормить его сладко-пресладко.

Медвѣдь какъ-то ушелъ въ лѣсъ и что-то на-долго. Долго ждала его наша дѣвушка и думаетъ: «ну-ка, погляжу я, что у него гдѣ лежитъ». Пошла она въ амбаръ—хлѣба полно. Заглянула въ другой: всякое добро, да все шелковое; заглянула въ третій, а тамъ — золота до самаго потолка. Амбары-то у медвѣдя все пребольшіе, только рядомъ стоялъ малый чуланчикъ, а въ немъ находились двѣ склянки — одна съ живой, а другая съ мертвой водой. Много дивовалась дѣвушка и пошла потомъ рыться по избѣ. Все переглядѣла, залѣзла подъ конецъ и на полати. Какъ увидала тамъ человѣчьи кости,. такъ и заревѣла: «вѣдь, эти кости, должно быть, моихъ сестеръ»! Взяла она эти кости, сбѣгала въ чуланчикъ за живой и мертвой водой и стала поливать ихъ. Полила на кости сначала мертвой водой—анъ онѣ срослись, а какъ полила живой воды — появилось на нихъ тѣло. Тогда она не пожалѣла воды живой и всю ее вылила на покойницъ. Сестры ожили. Послѣ разлуки на радостяхъ онѣ стали цѣловаться и обниматься. Затѣмъ, онѣ принялись судить-рядить, какъ имъ избавиться отъ медвѣдя. Вотъ младшая сестра говоритъ: «я васъ, сестры, домой отправлю, только теперь, до поры-до времени, спрячьтесь». Только что спрятались сестры, какъ медвѣдь пришелъ изъ лѣсу. Дѣвушка накормила его и, укладывая спать, говоритъ ему:—что же это, хозяинъ, долго ли мы будемъ такъ жить? Вѣдь надо же тебѣ съ моими стариками, съ отцемъ-матерью, помириться!—Ну, такъ что, мириться, такъ мириться.—Такъ вотъ что, продолжала дѣвушка: я завтра, пока ты будешь въ лѣсу, напеку пироговъ да шанегъ, а придешь изъ лѣсу и наѣшься, пироги и шаньги унеси въ гостинецъ отцу.—Согласился медвѣдь, и когда на другой день онъ пошелъ въ лѣсъ, дѣвушка отыскала пребольшой пестерь (корзинку), выгребла изъ амбара весь хлѣбъ, ссыпала его въ пестерь, да туда же посадила старшую сестру, самый же пестерь туго-на-туго перевязала веревкой. Пришелъ медвѣдь, наѣлся, схватилъ пестерь къ себѣ на спину и пошелъ, только успѣла дѣвушка сказать ему: «смотри, дорогой пироги не ѣшь—я полѣзу на крышу и буду глядѣть». Медвѣдь бѣжалъ лѣсомъ, пріутомился и говоритъ: «уфъ, какъ я усталъ. Сись-ка на пенекъ, съись-ко пирожокъ»! Дѣвушка въ пестерѣ заплакала и молвила: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ».—Вотъ бѣда, подумалъ медвѣдь, какъ это она такъ далеко видитъ меня». Вѣдь я ужь сколько верстъ лѣсомъ прошелъ». Побѣжалъ онъ дальше. Добѣжалъ до стариковской избушки и—хресь въ ворота! Ворота отворились, а собаки накинулись на него, да какъ принялись за его пятки, такъ медвѣдь и про пестерь забылъ, давай бѣжать. Прибѣжалъ домой, отдувается и говоритъ: «охъ, какія у васъ собаки злющія, всѣ пятки мнѣ искусали»! Дѣвушка въ оправданіе возразила: «не повѣрю я тебѣ, ни въ жизнь не повѣрю, у насъ собаки смирныя, обманываешь ты, коли говоришь, что онѣ

злющія. Ступай-ка завтра, да поклонись отцу-матери, а я напеку блиновъ и шанегъ». На другой день медвѣдь пошелъ въ лѣсъ; дѣвица напекла пироговъ, сложила въ большой пестерь все золото изъ амбара, посадила туда же вторую сестру и уговорила медвѣдя нести пестерь отцу, для мировой. Напился, наѣлся медвѣдь, схватилъ пестерь и побѣжалъ къ старикамъ. Скоро онъ усталъ и думаетъ: «сясь-ка на пенекъ, съѣсь-ко пирожокъ». А дѣвушка изъ пестеря кричитъ: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ»! Побѣжалъ медвѣдь дальше; бѣжитъ да ворчитъ: «вотъ бѣда, и отдохнуть нельзя; какъ это она видитъ меня, вѣдь я далеко ушелъ». Прибѣжалъ къ воротамъ стариковской избушки и опять—хресь въ ворота! Собаки пуще вчерашняго кинулась на него. Схватили за его кожу у голяшекъ, да почти до самыхъ пятъ ее спустили. Освирѣпѣлъ медвѣдь, бросилъ на дворѣ пестерь, а самъ домой бѣжать. Домой прибѣжалъ злющій, весь въ крови. Вошелъ въ избу и кричитъ: «смотри-ка, что со мной ваши собаки сдѣлали, а ты все не вѣришь! Не пойду больше ни за что». Дѣвушка обласкала и урезонила его. Помирился съ нею медвѣдь и пообѣщалъ завтра еще разъ, да только въ самый послѣдній, сходить къ старикамъ на поклонъ. Дѣвушкѣ только этого и надобно было. На утро она проводила медвѣдя въ лѣсъ, напекла пироговъ; со всѣхъ ногъ бѣгаетъ-суетится. Она нашла самый большой пестерь, сложила въ него все шелковье, а поверхъ его пироги, да еще и для себя мѣста оставила. Приходитъ медвѣдь изъ лѣсу домой, давай дѣвушка угощать его, да такъ сладко и такъ много, что онъ едва могъ дышать.—Ну, не хотѣлъ я больше идти къ старикамъ, молвилъ медвѣдь, да седни ты меня очень уважила, сладко накормила, и я уважу тебя въ послѣдній разъ: схожу къ старикамъ съ поклономъ.—Иди съ Богомъ, больше тебя посылать я не стану; въ сѣняхъ возьми пестерь и неси его, а я пойду на крышу смотрѣть на тебя.— Дѣвушка быстро побѣжала на крышу, захвативъ съ собой деревянную ступу. Ступу же загодя обрядила въ свое платье и верхушку повязала своимъ платкомъ. Ступу она поставила на крышу, а сама скорѣе сбѣжала внизъ, залѣзла въ пестерь, завязалась изнутри и—сидитъ. Медвѣдь схватилъ пестерь, бросилъ его къ себѣ на спину и подумалъ: «что она тутъ наложила,—ровно камни». Медвѣдь бѣжитъ да кряхтитъ и скоро присталъ. Онъ опять захотѣлъ присѣсть на пенекъ, съѣсть пирожекъ. Но дѣвушка сейчасъ такъ жалобно завопила изъ пестеря:—вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожекъ!— Экая бѣда, какъ она меня видитъ. Ну, да ладно, донесу, вѣдь уже въ послѣдній разъ.—Едва добѣжалъ медвѣдь до воротъ и—хреснулъ воротами. Собакъ на него выбѣжало еще больше, еще злѣе. Какъ вцѣпились онѣ въ медвѣдя, изорвали у него въ куски всѣ ляжки; едва онъ отбился, бросилъ пестерь и побѣжалъ домой безъ оглядки. Медвѣдь бѣжитъ да рявкаетъ: «погоди ты у меня,

дамъ я тебѣ почувствовать, какъ поправлюсь»! Подбѣжалъ медвѣдь къ избушкѣ и кричитъ: «слѣзай съ крыши, да отпирай двери! Слышишь, слѣзай»! Молчитъ ступа, молчитъ да на одномъ мѣстѣ стоитъ. Совсѣмъ освирѣпѣлъ медвѣдь, полѣзъ на крышу, да какъ брякнетъ по ступѣ лапой, та съ крыши оземь грохнулась и въ мелкія щепы раскололась. Тутъ только медвѣдь догадался, что дѣвушка его обманула. Заревѣлъ тутъ медвѣдь свирѣпымъ воемъ. Онъ бросился затѣмъ къ амбарамъ—вездѣ пусто. Видитъ—его въ конецъ разорили. Долго и сильно ревѣлъ онъ, а все же къ старику и старухѣ больше не пошелъ. Больно ужь его собаки проняли.

Иванушка-дурачекъ.

Жили-были три брата; двое умныхъ, а третій былъ у нихъ Иванъ-дуракъ. Вотъ задумали умные братья жениться и послали дурака на мельницу, чтобы солоду смолоть и къ свадьбѣ пива наварить. Смололъ дуракъ солодъ, идетъ съ нимъ домой, да на бѣду захотѣлось ему пить. Неподалеку была рѣчка. Подошелъ Иванъ къ рѣчкѣ, высыпалъ въ нее солодъ, напился и приходитъ домой къ братьямъ. Гдѣ солодъ? спрашиваютъ его братья. Разсказалъ имъ Иванъ, куда хмѣль дѣвалъ. Ругали его братья, да что съ дурака возьмешь. Снова они послали Ивана, чтобы онъ для нихъ хоть хмѣлю купилъ на базарѣ. Пошелъ Иванъ за хмѣлемъ, купилъ его, взвалилъ къ себѣ на плечи и несетъ. Шумитъ хмѣль за плечами, а Ивану покажись, что хмѣль ругаетъ его: «Иванъ-дуракъ, Иванъ-дуракъ»! Разсердился Иванъ: «ишь тоже всякая дрянь ругается»! И онъ выпустилъ хмѣль по вѣтру. Пришелъ домой и разсказалъ братьямъ, за что онъ на хмѣль разсердился. Ругали его братья, ругали, сходили сами за солодомъ и за хмѣлемъ и заварили пиво. Затѣмъ братья куда-то отлучились изъ избы, а Ивана оставили дома. Вотъ Иванъ вылилъ пиво на полъ, принесъ сельницу (корыто, въ которомъ сѣютъ муку и катаютъ хлѣбы), поставилъ ее на полъ, взялъ въ руки хлѣбную лопату, сѣлъ въ сѣльницу и давай по избѣ плавать. Вернулись братья и увидѣли, что Иванъ сдѣлалъ съ ихъ добромъ. Они ругали его и придумали, что для того, чтобы имъ отъ Ивана-дурака отвязаться, надо имъ убѣжать отъ него, а не то все равно онъ разоритъ ихъ. Вотъ они сложили въ мѣшки все свое имущество и стали выжидать время, когда Иванъ уйдетъ. Иванъ подкараулилъ, какъ братья имущество складывали, и залѣзъ въ одинъ изъ мѣшковъ. Видятъ братья—нѣтъ дурака. Они взвалили мѣшки къ себѣ на спины и понесли. Вотъ шли они, шли, дошли до избушки и вздумали въ ней отдохнуть. Взошли въ избушку, развязали мѣшки, а Иванъ-дуракъ тутъ: выскочилъ оттуда и закричалъ: «братья, и я съ вами»! Братья разсердились на Ивана, и

просто не знали, какъ отъ него отдѣлаться. Въ наказаніе братья велѣли ему нести дверь, что была отнята ими отъ избушки. Пошли братья дальше. Идутъ они, несутъ мѣшки, идетъ и Иванъ-дуракъ и несетъ пребольшую дверь. Долго ли-коротко ли дошли братья до лѣса и вдругъ слышатъ—скачутъ разбойники. Что имъ дѣлать. Полѣзли братья на дерево и мѣшки съ собой захватили; полѣзъ за ними и Иванъ-дуракъ и дверь свою туда же затащилъ. Разбойники, какъ на грѣхъ, остановились подъ тѣмъ же деревомъ. Сидятъ разбойники подъ деревомъ и варятъ кашу. Иванъ-дуракъ все держитъ свою дверь; наконецъ, утомился и говоритъ братьямъ:—ой, братья, не могу двери удержать.—Молчи, дуракъ—они вразумляли его—попадешься ты и мы тогда изъ-за тебя пропадемъ.—Посидѣлъ, посидѣлъ Иванъ, и опять говоритъ:—братья, у меня брюхо болитъ, усидѣть не могу.—Молчи дуракъ—снова они твердили ему—попадешься разбойникамъ, и мы изъ-за тебя пропадемъ.—Терпѣлъ Иванъ, терпѣлъ, да вдругъ грохнулся съ дверью на землю и крикнулъ. Разбойники, кто куда, всѣ со страху поразбѣжались. Только одинъ изъ нихъ до того испугался, что съ мѣста сойти не могъ. Иванъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у него изъ-за пояса ножъ и обрѣзалъ имъ у разбойника языкъ. Пустился разбойникъ догонять своихъ товарищей. Онъ кричитъ имъ въ догонку: «стойте, братья, одинъ талалалекъ, одинъ талалалекъ»! Безъ языка не могъ онъ крикнуть имъ: «одинъ человѣкъ». Разбойники, услыхавъ его, подумали, что онъ кричитъ про «сто человѣкъ, сто человѣкъ» и стали убѣгать еще скорѣе. Разбойники бѣжали, бѣжали, да наконецъ одумались. «Стой, братцы,—раздался голосъ—кажется, вѣдь кто-то кричитъ: одинъ человѣкъ, одинъ человѣкъ». Остановились они и видятъ: бѣжитъ къ нимъ ихъ товарищъ; лице у него все какъ есть въ крови. Подбѣжалъ онъ близко—видятъ разбойники, что онъ безъ языка. Выспросили у него, какъ было дѣло, и повернули назадъ: да гдѣ тебѣ...

Иванъ-дуракъ вмѣстѣ съ братьями забралъ все имущество разбойниковъ и ушелъ изъ лѣсу. Онъ пришелъ домой и сталъ жить да поживать.

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вотъ пришло время, когда надо отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ хлѣвъ, то на гумно, то на полати, то—куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ шестка ошепокъ, а ошепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха—да какъ заревѣтъ. Услышалъ старикъ, что ревѣтъ его старуха, пришелъ въ избу

и спрашиваетъ:—о чемъ ты, старуха, плачешь?—Охъ, старикъ, не знаешь ты моего горя. Какъ мнѣ не реветь. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебѣ разскажу. Стала я топить печку, уронила ощепокъ на шестокъ, а съ шестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашъ Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на залавочкѣ; ощепокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то?—А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебѣ реветь.—Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: «вотъ бѣда, видно, за мной пришли; пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватятъ». Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видитъ: никого нѣтъ, кромѣ старика и старухи. Зашелъ въ избу и расспросилъ, о чемъ они ревутъ. Они разсказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка, плюнулъ на земь и сказалъ: «тьфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичѣе, да дурнѣе васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду—не видать вамъ меня болѣе». Ушелъ. Только его и видѣли старикъ со старухою.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходитъ въ избу, а въ ней тоже живетъ старикъ со старухой; они ѣдятъ кисель и молокомъ захлебываютъ. Хлѣбнутъ ложку киселя и бѣжатъ въ клить молокомъ захлебнуть. Глядитъ, глядитъ на нихъ Иванъ и говоритъ: — не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей и я научу васъ, какъ надо ѣсть.—Возьми, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы каждый разъ ѣдимъ до пристатку, зачастую и наѣстся не можемъ.— Пошелъ Иванъ въ клить, принесъ горшокъ съ молокомъ, поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель уписывать. Всѣ такъ наѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходитъ въ нее, а въ избѣ такой дымъ, что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносятъ. Гладитъ, глядитъ Иванъ и говоритъ: «кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ». Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать имъ по своему; дали ему сто рублей, только бы напредь не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣлили. Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самаго потолка дырку; дыму сразу не стало и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идетъ Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья. Вотъ схватилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свиной визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: «бѣгите скорѣе, узнайте, о

чемъ моя свинья пищитъ». Увидалъ Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: «свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости». Слуги, спросили Ивана, что онъ свиньѣ наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: «да вотъ зову ее въ гости, къ крестнику на свадьбу — въ свахи, да не идетъ, говоритъ не въ чемъ». Слуги разсказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свиньѣ хорошее шелковое платье. Снарядили свинью въ это платье, но оно оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и!—Чего ей еще надо, кричитъ баринъ.—Да вотъ, говоритъ Иванъ, идти не можетъ, больно толста, лошадей проситъ.—Дать ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ.—Вывели что̀ ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходитъ, свиньѣ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этотъ шумъ, и онъ опять закричилъ:—чего ей еще надо?—Да вотъ, говоритъ Иванъ, проситъ она барскаго благословенія на дорогу и денегъ сколько-нибудь.—Дать ей двѣсти рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: забралъ все, что дали свиньѣ, сѣлъ на лошадей и рѣшилъ: «идти мнѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на свѣтѣ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ—онъ воротился домой. И живутъ теперь всѣ они вмѣстѣ, да поживаютъ и добра наживаютъ.

Молодая старуха.

Старикъ-иней тэ, старикъ-иней. Кувинъ тай, кувинъ, ко̀линъ тай мenэ, ко̀линъ. А ме кыдзь мэдэчча, кыкъ-о̀та ернэсъ пасьтава чо̀чкомъ, сизимъ-ота дубасъ вэзъ пасьта̀ва, сѐра чувкиэзъ кэма̀ва, да сѐдъ ча̀рки кэма̀ва, шутемъ-кузясъ котэрта, кэзъ увтасъ сувтышта, кыдзь шутнѐвта, моводяжысъ ме дынэ во̀ктасэ; ме этъ ко̀кэсъ мыччишта, мэдъ ко̀кэсъ мыччишта-нъія ча̀йтэны нывка, а то инька.

Свободный переводъ. Эхъ, старикъ ты мой, старикъ, напрасно ты умеръ и меня оставилъ. Возьму-ка я снаряжусь: одѣну рубаху въ двѣ полосы, а синій дубасъ въ семь полосъ, на перекось шеи надѣну платокъ, а на ноги пестрые чулки и черные башмаки. Да какъ побѣгу я по шутьму, какъ подъ елочку-то встану, изъ подъ нея какъ свисну—молодяжки-то (молодые ребята) ко мнѣ и прибѣгутъ. Я имъ какъ покажу одну ногу, какъ покажу другую, такъ они и подумаютъ, что я—дѣвка, а не баба.

Эта побасеночка единственная, какую я могъ достать на пермяцкомъ языкѣ. Такихъ побасенокъ есть, конечно, много, но всѣ онѣ черезчуръ свободны и, поэтому, для печати не пригодны.

Далѣе слѣдуютъ двѣ присказки, почти всегда употребляемыя не передъ сказками, какъ это дѣлается у насъ, напримѣръ: «по усамъ текло», а послѣ сказокъ. Присказки говорятся однѣ сказочниками, а другія сказочницами. Вотъ какъ заканчиваетъ свои слова балагуръ-сказочникъ: «И я тутъ былъ, медъ и пиво пилъ, по усамъ бѣжало, а въ ротъ не попадало. Дали мнѣ штаны полосами, кафтанъ да колпакъ и стали въ двери толкать. Я выскочилъ и побѣжалъ, а тутъ летятъ птицы, кричатъ: «штаны полосами, штаны полосами»! А я думаю: въ штанахъ-то поросята, въ штанахъ-то поросята. Бѣгу дальше, а птицы летятъ и кричатъ: «синь да хорошъ, синь да хорошъ»! А мнѣ слышится: скинь да положь, скинь да положь. Вотъ сбросилъ я съ себя штаны, снялъ кафтанъ, положилъ ихъ подъ кокору, да и теперь знаю подъ котору». Такъ заканчиваетъ мужчина, а женщина варіируетъ тоже въ нѣсколько иномъ видѣ: «И я тутъ была, пиво-медъ пила. Дали мнѣ синій дубасъ, рубаху полосату; дали шлыкъ. Я въ подворотню—швыркъ. За воротами дали лошадку ледяную, плетку сѣмянную, а седѣльце гороховое. Ѣхала, ѣхала, увидала пожаръ. Поставила лошадку съ сѣдломъ и съ плеткой къ огороду. Вотъ на пожарѣ мнѣ кричатъ: «рубаха полосата, рубаха полосата»! А я думаю: въ рубахѣ-то поросята, въ рубахѣ-то поросята. Кричатъ въ двугорядь: «дубасъ синь, да хорошъ; дубасъ синь, да хорошъ»! А я думаю: дубасъ скинь, да положь; дубасъ скинь, да положь. Рубаху я бросила, дубасъ скинула и побѣжала. Побѣжала къ лошадкѣ, а она-то и разстаяла. Посмотрѣла на плетку, ее-то воробьи расклевали, а гороховое сѣдло вороны на гнѣздо утащили. Такъ я не причемъ осталась».

Въ такомъ же духѣ можно найти нѣсколько другихъ присказокъ. Въ общемъ, всѣ онѣ похожи другъ на друга.

У всѣхъ народовъ пословицы представляютъ житейскую мудрость, облеченную въ форму остроумія, а загадки—житейское остроуміе въ формѣ иносказательной. Трудно найти народъ, не имѣющій на своемъ языкѣ ничего такого, что бы можно было назвать остроумнымъ. Но еще труднѣе, порой, разобраться въ плодахъ житейскаго остроумія.

Послѣ тщательнѣйшаго разбора такого этнографическаго матеріала представляется возможнымъ изъ пермяцкихъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ выбрать только нижеслѣдующія.

Изъ пословицъ большею частью великорусскихъ (характерно, впрочемъ, перековерканныхъ):

Будливой коровѣ Бокъ рога не даетъ.

Сытый говоднова не разуміетъ.

Дальше поможишь—ближе возьмешь.

Старая собака не ваетъ на пустое дереьево.

Кривое дерьево не спрямишь, звово чевовѣка не выучишь.

Звому чевовѣку кошкой въ гваза не скочишь.

Колды сокъ падаетъ, толды и сочись.

Колды кипитъ, толды и вари.

Скоро идешь, ближе будешь; тише идешь. дальше будешь.

Пвоко лежитъ, брюко болитъ.

Пвоко не квади, вора въ грѣкъ не вводи.

Съ вовками житъ—по вовчьи выть.

Рыба ишшотъ, гдѣ гвубже, а чевовѣкъ—гдѣ вучше.

Осенью по полью кодить—пирогомъ кормить, весной по полью кодить—стягомъ бить.

У говоднаго клѣбъ на памети.

Береженова Бокъ бережетъ.

Нѣтъ женика—не пойдешь за быка.

Не смійся горокъ надъ бобами, самъ наваляешша подъ ногами.

Не смійся горокъ—не бѣлѣе зубовъ.

На чужи сани не садись.

Не знаешь броду, не суйся въ воду.

Два медвѣдя въ одной бервогѣ не уживутца.

Изъ загадокъ:

И ночь и день старый чевовѣкъ мьясо крошитъ (лучина горитъ).

Воробей бѣжитъ, кровью... испражняется (лучина горитъ).

Что̀ въ избѣ красиво? (образъ).

Что̀ на спичку не повѣсишь? (яичо).

Что̀ къ стѣнѣ не привалишь? (дорогу).

Сидитъ баба на яру, рошшеперива дыру (ковшъ надъ мельничнымъ жерновомъ).

Двѣ сестры однимъ поясомъ подпоясались (колья въ изгороди).

Чотыре брата однимъ пваткомъ покрылись (столъ).

Гнѣздо повное заперто бѣвыкъ куричъ (зубы).

На краю повки медвидя кувакъ (солонка).

По стѣньѣ ремень растянувся (мохъ въ пазахъ бревенъ).

На уличѣ рогато, въ избѣ безрого (уголъ).

Запвотъ развомашь, квадешь, квадешь, не можежь скласть (щепанная лучина).

На старушкѣ-то спотѣу, да на дѣвку захотѣу, а на дѣвкѣ-то озябъ, да на старушку-то назадъ (печь и полати).

Еслибы не дѣдушковъ шунтюкъ, то бы заросла у бабушки шунтя-мунтя (замокъ).

VI.

Лѣченіе пермяковъ.—Народныя снадобья.—Заговоры.—Цѣлебная сила бани.—Зубная боль.—Лѣченіе больного въ избяной печи. — Средство «очиститься отъ суда». — Стрижка ногтей.—Подмѣнъ бѣсомъ дѣтей.—Муравьиный настой.—Земляное масло.—Отрубленный палецъ. — Болѣзнь — обезноженіе и лѣченіе ея (мыльная вода послѣ покойника). — Вытравленіе плода (снадобья, механическіе пріемы, спорынья, разминаніе живота).—Рѣзунъ трава (вспомог. средство для воровъ).—Средства для защиты отъ воровъ (челпанъ, плакунъ).—Затворъ колдуна.—Состязаніе колдуновъ.—Текстъ заговоровъ.—Примѣты.

Какъ только въ пермяцкой семьѣ кто-нибудь заболѣлъ, ему для исцѣленія даютъ то или другое изъ всѣмъ извѣстныхъ народныхъ снадобій или же зовутъ знахаря-вѣжливца. Снадобья, какъ даваемыя самими домохозяевами, такъ и вѣжливцами, имѣютъ въ массѣ случаевъ рѣшающее значеніе. Оно и неудивительно. Вѣдь иной разъ даютъ напр. сулему и мышьякъ въ большихъ дозахъ: всѣ измѣренія производятся на глазомѣръ.

Кромѣ лѣчебныхъ снадобій, у пермяковъ имѣется множество заговоровъ. Вотъ нѣсколько наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ. Когда пермяку случится порѣзаться или наколоться до крови, то ему рекомендуется слѣдующій заговоръ «крови»: «Въ роту не вода, въ роту не капли, какъ земля крѣпится, небо вертится, такъ же крѣпись кровь отъ раба человѣка (имя рѣкъ). Стонись, крѣпись, становись, крѣпись. Человѣкъ изъ булатнаго камня, а кровь будь крѣпче булатнаго камня. Аминь на аминь, какъ мать поставила, такъ же будь по старому». Еслибы, этотъ заговоръ, паче чаянія, не помогъ, а скорѣе повредилъ, то имѣется слѣдующій и уже самовѣрнѣйшій: «Шла баба по рѣчкѣ, вела быка по ниткѣ. Нитка порвалася—кровь пролилася. Стану я на камень, кровь моя не канетъ. Кровь закрѣпися, будь моя молитва крѣпка и лѣпка. Ключь мой становися. Аминь». При посредствѣ заговора можно избавиться и отъ такой болѣзни, какъ кила. Вотъ заговоръ противъ нея. «Отъ раба человѣка (имя рѣкъ), отъ бѣла тѣла третье сердце, третья кровь. Какъ Илья провокъ милостивый громомъ гремитъ, огнемъ палитъ—по землѣ очищаетъ, также очисти нечистый духъ—нечисту силу болѣзнь съ громомъ огненнымъ. Отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Сторонись, крѣпись; становись, крѣпись, какъ мать поставила, такъ же будь по старому. По всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ, отпущаемы крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественныя слова, Божественные заговоры; нечистый духъ, нечистая сила—въ болѣзняхъ хитрость-мудрость и какъ росла-выросла, также сохни высыхай. Вода мутна, вода копна, вода пробѣгшая, какъ вода проходитъ по рѣкѣ, также проходи нечистый духъ, непріятна сила».

Всѣ заговоры и наговоры главн. обр. продѣлываются въ баняхъ. Въ цѣлебную силу бани пермяки вѣрятъ слѣпо и, быть можетъ, благодаря этому безукоризненно гигіеническому средству, они еще не всѣ вымерли. Заболѣетъ малютка и бабушка живо истопитъ баню, куда тащитъ его. Тамъ, разогрѣвъ вѣничекъ, она паритъ дитя, приговаривая одинъ изъ урочныхъ заговоровъ: «Господи благослови. Дай Господи здоровья всѣмъ младенцамъ. Баенька, матушка девяностолѣтенка. Кто разхитилъ и разщипалъ и сучья и вершины, тотъ моего младенца сохрани и избавь отъ чернаго глаза, отъ бѣлыхъ глазъ, отъ рыжаго человѣка, отъ худой думы». Не остается бабушка безмолвной и въ то время, когда распариваетъ вѣникъ. Она наговариваетъ на воду: «Господи благослови. Баинька, матушка (батюшка), Соломія бабушка и теплая парушка; парила, гладила, отъ грѣховъ очистила». Кончая заговоръ, та же бабушка приговариваетъ: «Дай, Господи, тебѣ (имя рѣкъ) добраго зодоровья. Всѣ болѣзни оступитесь въ темные лѣса, на высокія кочки, въ зыбучія болота, къ старому хозяину. Избави тебя Господи, отъ всякихъ болѣзней и отъ колотья и отъ горячки и отъ шепоты-ломоты; не болите не ломите семьдесятъ семь суставовъ и семьдесятъ семь жилъ». Вѣрятъ и въ такой урочный заговоръ: «Сердце не радуйся, глаза не глядись. Ты меня не бойсь. Отъ бѣло-глазаго, черно-глазаго и синеглазаго, отъ уроковъ, отъ пороковъ, отъ женскаго полу, отъ маленькихъ ребятъ, отъ долговолосыхъ, отъ русыхъ, отъ бѣлыхъ и отъ всего; будь моя молитва аминь».

Зубную боль лѣчатъ слѣд. заговоромъ, обращеннымъ къ Антипѣ—зубному цѣлителю. «Стану я рабъ Божій человѣкъ (имя рѣкъ). да перекрещуся, обуюся, да еще перекрещуся, умоюся со святой водой—ключевой; оботруся въ полотенце бѣлое и Господу Богу помолюся. Пресвятой мати Богородицѣ—Антипѣ преподобному. Одѣнуся, да еще переодѣнуся; выйду я за двери и выйду я за ворота подъ частыя звѣзды, подъ красно солнце и подъ свѣтлый мѣсяцъ; пойду я въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ есть океанъ море; на океанѣ морѣ есть островъ; на островѣ стоитъ соборная церква. Въ соборной церкви есть Мать Пресвятая Богородица—Антипа преподобный. Я къ ней пришелъ съ добрыми дѣлами и заповѣдями. Я вамъ покорюся и помолюся: какъ у дерева сукъ сохнетъ и посыхаетъ, также чтобъ сухъ и посыхалъ зубной червь. Пойди за темные лѣса—на сырыя болота. Какъ запираются райскія двери на 12 замковъ, на 12 дверей, также остановитесь мои слова крѣпкія—костныя и крѣпче булата. Щука въ морѣ, ключь—замокъ во рту. Во имя Отца и Сына и святаго Духа Аминь». Так. обр. при посредствѣ подобнаго рода заговоровъ пермяки исцѣляются отъ постигающихъ ихъ болѣзней путемъ, такъ сказать, гипнотическимъ—путемъ вѣры въ лѣчебную силу извѣстнаго проходимца. Когда сила эта оказывается недѣйствительною,

здѣшніе доморощенные лѣкаря и лѣкарки обращаются къ другимъ средствамъ. Напримѣръ, одного изъ крестьянъ лѣчили отъ ревматизма тѣмъ, что запарили больного въ избяной печкѣ до смерти. Въ печку, къ тому, была поставлена корчага костей ради полученія изъ нихъ костяного дегтя. Лѣкарка, въ оправданіе неуспѣха лѣченія, положительно ссылалась на то, что больной, выходя изъ печи, переступалъ ногами не «благословесь», почему нечистый духъ «напустился» на него снова, а такъ какъ молитва дѣвы разсердила этого нечистаго духа, то онъ и набросился на мужика съ большимъ ожесточеніемъ. Врагъ отбилъ у него ральникъ (ляжку—бедро) и напустилъ на него хворость, твердила лѣкарка.

Чтобы очиститься отъ суда надо только завести: библію, черную магію и перевернуть ихъ на другую сторону. Будто бы очень помогаетъ и разжеванный печеный хлѣбъ; его только слѣдуетъ посолить возможно круче и держать въ рукѣ или за пазухой. Само собой разумѣется, средство будетъ дѣйствительнѣй, если тотъ же хлѣбъ заговорятъ. Во всякомъ случаѣ, каждому, кто идетъ въ судъ, необходимо знать, что въ порогъ присутственнаго мѣста слѣдуетъ пнуть три раза. И вообще во всемъ жизненномъ обиходѣ надо знать подходящіе способы. Напримѣръ, стричь ногти можно, но съ тѣмъ, что ихъ необходимо прятать за собственную пазуху, такъ какъ они пригодятся каждому при подъемѣ на райскую гору.

Пермяки вѣрятъ въ силу бѣса, что онъ будто бы можетъ обмѣнить у нихъ ребенка. Противъ этого придуманы особыя мѣры. Здѣсь извѣстенъ такой случай. Ребенокъ, родившійся здоровымъ, захворалъ, значитъ бѣсъ подмѣнилъ ребенкомъ больнымъ (собственно чертенкомъ). И вотъ бабушки голого ребенка положили на лавку, покрыли его корытомъ и, затѣмъ, стали рубить сѣчками по дну корыта. Потомъ онѣ переложили ребенка въ люльку и ушли изъ хаты, будучи увѣрены, что въ ихъ отсутствіи бѣсъ возьметъ обратно своего бѣсенка и возвратитъ похищеннаго ребенка: ни одинъ бѣсъ не позволитъ жить своему «рубленому ребенку», такъ какъ такой ребенокъ не только не принесетъ бѣсу никакой пользы, а даже можетъ повредить общему бѣсовскому дѣлу. Бываетъ иногда, что бѣсъ, возвративъ ребенка, потомъ уморитъ его. Чтобы не произошло послѣдняго, надо ребенка на другой день заговорить. Въ описываемомъ случаѣ ребенокъ началъ поправляться. Когда спасенный, так. обр., ребенокъ выростаетъ, онъ можетъ стать знаменитымъ колдуномъ, такъ какъ хорошо извѣстенъ чорту. Изрѣдка, при подмѣнѣ ребенка бѣсомъ, послѣдняго заставляютъ совершить размѣнъ, причемъ засаживаютъ дитя часа на два-на три въ печку. Если послѣ этой операціи ребенокъ умираетъ, значитъ это было не человѣческое дитя, а самый настоящій чертенокъ и жалѣть объ немъ

грѣхъ. Куда въ этихъ случаяхъ дѣвается настоящее дитя, пермяки объяснить не могутъ.

При наружныхъ, отчасти и внутреннихъ болѣзняхъ пермяки охотно употребляютъ муравьиный пастой. Онъ изготовляется такъ: берется обыкновенная тонкогорлая стеклянная бутылка, внутреннія стѣнки которой обмазываются чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ. Затѣмъ, бутылка эта вкладывается въ муравейникъ такъ, чтобы горлышко ея приходилось на уровнѣ самаго муравейника. Потревоженные муравьи начинаютъ сновать по своей кучѣ, падаютъ и залѣзаютъ въ бутылку, а колдунъ терпѣливо ждетъ, пока ихъ неналѣзетъ туда столько, сколько ему надо. Бутылку несутъ домой, наливаютъ въ нее немного водки и ставятъ на теплую печь. Здѣсь бутылка остается до тѣхъ поръ, пока всѣ муравьи отъ дѣйствія тепла и вина не разойдутся (не разложатся). Приготовленный так. обр. пастой идетъ на излѣченіе многихъ болѣзней: ревматизма и водянки, въ особенности. Пермяки еще ищутъ въ муравейникахъ муравьиное масло, какъ излѣчивающее многія болѣзни, но что-то не слышно ни одного колдуна, у котораго бы оно было.

Отъ многихъ болѣзней — убѣждены пермяки — помогаетъ также земляное масло. Достать его терпѣливому человѣку труда не представляетъ. Въ каждомъ лѣсу растетъ немало грибовъ съ шляпкой, опрокинутой не книзу, а къ верху, т. е. воронкообразныхъ. Въ чашечкѣ такихъ грибовъ находится слизь. Вотъ эта-то слизь и есть земляное масло — «му-ви».

Лѣчить человѣка, помогать ему, считается у пермяковъ дѣломъ благоугоднымъ и поэтому противъ всякой болѣзни только стоитъ слово сказать, какъ насовѣтуютъ вамъ массу самыхъ разнообразныхъ и, будто бы, самыхъ радикально дѣйствующихъ средствъ. Чѣмъ средство ѣдкостнѣе, чѣмъ отъ него сильнѣе достается человѣку, тѣмъ оно излюбленнѣе. Выносливость пермяковъ относительно боли физической прямо-таки поразительна. Сильно болитъ, напр., у крестьянина зубъ. И вотъ большими кузнечными желѣзными щипцами надоѣдливый зубъ больнымъ собственноручно такъ стиснутъ, что не только зубъ, но даже десна расплющилась. «Свѣту не взвидѣлъ» операторъ, но боль перенесъ и на операцію рѣшился. Такое же пренебреженіе къ физическимъ страданіямъ замѣчается и при разнаго рода пораненіяхъ, порубахъ и т. п. несчастьяхъ. Если случается пермяку отрубить себѣ палецъ, то таковой, по его мнѣнію, слѣдуетъ сохранить, а отнюдь не бросать. Палецъ этотъ пригоденъ для пермяка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется что-либо украсть или онъ задумаетъ ограбить кого-нибудь. Имѣя такой палецъ, можно идти въ любой домъ. Положивъ его, а не то и мертвую руку, на окно дома и бери себѣ, что нравится: никто этого не услышитъ и не увидитъ. Приэтомъ надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство: такой палецъ или руку надо заговорить.

Среди пермяковъ часто встрѣчается какая-то болѣзнь, выраженіемъ которой является обезноженіе. Многіе изъ пермяковъ увѣряютъ, что оно происходитъ отъ колдовства. «Только выпилъ рюмку водки отъ такого-то, какъ хватило меня за ноги, такъ съ тѣхъ поръ все хуже и хуже», слышится иногда ропотъ пермяка. Обезноженіе доводитъ пермяка до такого состоянія, что онъ можетъ передвигаться только на четверенкахъ, волоча за собою совершенно неподвижныя отъ колѣнъ ноги. Иной разсказываетъ, что обезноженіе случилось у него отъ средствъ и разныхъ лѣкарствъ, приготовленныхъ имъ самимъ (иногда и колдунами) и принятыхъ передъ солдатчиной, для избавленія отъ нея. Такимъ средствомъ считается, между прочимъ, вода, разведенная мыломъ, которымъ обмывали покойника. Пермяки увѣряютъ, что человѣкъ, выпившій такого снадобья, чернѣетъ, сохнетъ и становится неспособнымъ къ военной службѣ. Чтобы было не слишкомъ противно принимать такую воду, предварительно надо напиться до совершеннаго опьяненія. А то недугъ обезноженія приписываютъ излишнему употребленію браги. Вѣдь въ пее для большой хмѣльности нерѣдко кладутъ такія снадобья, какъ коканъ (чемерицу), листовой табакъ и др.

Отъ болѣзни этой, какъ и отъ многихъ другихъ не лѣчатся, да и вообще, хотя къ докторамъ иногда обращаются, имъ, въ тоже время, не вѣрятъ. Ни одинъ пермякъ не скажетъ доктору причинъ заболѣванія, не откроетъ ему своего житья-бытья. Угадаетъ докторъ—хорошо; значитъ, онъ дѣльный, понимающій человѣкъ; не угадаетъ, значитъ, онъ самъ ничего не знаетъ, а только народъ морочитъ. Пермяки цѣнятъ доктора гл. обр. за то, что онъ умѣетъ помочь бабамъ во время родовъ лучше, чѣмъ бабушка, и еще за операціи. Что же касается всего другого, такъ тутъ познанія докторовъ—разсуждаютъ пермяки—слабы, напр. докторамъ даже кикиморы не выгнать, а это сдѣлаетъ у насъ каждый колдунъ. Такое докторское незнаніе явно обличаетъ въ нихъ незнакомство ихъ съ нечистой силой, а не зная ея, развѣ же можно, по мнѣнію пермяка, браться за лѣченіе народа.

При страшной нравственной распущенности пермяцкаго населенія чувство стыдливости однакожъ развито у пермяцкихъ дѣвушекъ. Это, въ данномъ случаѣ, ложное чувство заставляетъ ихъ пользоваться только любовью и избѣгать долга, съ нею сопряженнаго—беременности. Среди общей массы пермяпокъ дѣла о вытравленіи плода ничтожны, но способы, нерѣдко примѣняемые для этого разнообразны. Вытравливаніе плода чаще всего производится бабушками-повитушками и преимущественно у первозабеременныхъ, такъ какъ повторно забеременныя, боясь суда и поступившіяся уже разъ чувствомъ стыда, а также ближе познакомившись съ чувствомъ материнства, рѣдко прибѣгаютъ къ этому средству. Вытравливаніе производится двумя способами: при посредствѣ пріема снадобій и при посредствѣ способовъ механическихъ. Къ первымъ необходимо

отнести: порохъ и селитру. Какъ первый, такъ и вторая употребляются въ видѣ растворовъ и пьются въ винѣ. Аббортъ слѣдуетъ вскорѣ за пріемомъ, но всегда сопровождается обильнымъ кровотеченіемъ, влекущимъ за собою въ весьма многихъ случаяхъ смерть матери, иногда же потеря крови лишь весьма обезсиливаетъ мать. Оба эти средства популярны и употребляются не только дѣвушками, но и тѣми бабами, которымъ надоѣло рожать. Въ почетѣ также спорынья. Ее ѣдятъ прямо въ зернѣ или же толкутъ и пьютъ въ видѣ порошка. Въ послѣднемъ случаѣ чаще всего ее пьютъ въ брагѣ. Немало лицъ совершаютъ аббортъ при помощи особой травы, называемой у пермяковъ «выживательницей брюха». Къ числу способовъ механическихъ нельзя не отнести разминаніе живота. Оно причиняетъ беременной страшныя страданія и, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собой смерть не только ребенка, но и матери. Установить фактъ вытравливанія, пока, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда беременница осталась жива; иначе—лишь констатировать причину смерти, такъ какъ никто изъ дѣвушекъ и женщинъ не скажетъ про свое лѣченіе никому изъ родни изъ чувства стыдливости или по чувству страха: «а вдругъ выздоровѣю, да меня за это на судъ потащатъ и дома-то за хлопоты поколотятъ».

Въ т р а в а х ъ пермянки ищутъ помощи не только отъ болѣзней, но и отъ разныхъ другихъ бѣдъ, которыя приключаются какъ у скота, такъ и по «домашности». Къ числу послѣдняго рода бѣдъ надо отнести крайне распространную у пермяковъ жажду поживиться на чужой счетъ. Если у кого-нибудь зудъ въ рукахъ развился на столько сильно, что—крѣпись не крѣпись—воровать все же надо, тогда остается достать «р ѣ з у н ъ т р а в у». Эта трава будтобы обладаетъ даромъ открывать всѣ замки и двери. Обладателю ея не страшны никакія крѣпи. Нѣкоторыя трудности представляетъ умѣніе различить среди другихъ травъ эту дотолѣ невидѣнную траву. Достать ее можно только слѣд. способомъ. Ищущій траву находитъ въ лѣсу дупло, въ которомъ у дятлей выведены дѣти, и, спрятавшись не по-далеку, ждетъ, когда улетитъ дятлиха за кормомъ для дѣтей. Какъ только онъ это замѣтилъ, поскорѣе лѣзетъ къ дырѣ, ведущей въ дупло, загоняетъ въ нее деревянный гвоздь, слѣзаетъ съ дерева и прячется на прежнее мѣсто. Вскорѣ съ кормомъ для ребятъ прилетитъ самка; увидавъ, что входъ закрытъ, она поспѣшно улетитъ куда-то и, затѣмъ, возвращается съ травкой во рту. Какъ только приложитъ она эту травку, гвоздь выпадаетъ. Тогда дятелъ травку эту, какъ ненужную, выброситъ на волю. Вотъ тутъ-то и нельзя зѣвать: кто найдетъ ее—тому счастье: ни одинъ замокъ не остановитъ его, ни однѣ цѣпи не удержатъ. Конечно, въ лѣсу травъ много, можетъ быть, достанется и не та, что «рѣзуномъ» прозывается, но первые же опыты обнаружатъ подлинность этой травы. Если вору замки не только не поддадутся, но онъ бываетъ даже пойманъ, значитъ, у него припасенъ не «рѣзунъ».

Извѣстны средства, употребляемыя въ защиту отъ всячески исхищренныхъ воровъ. Вотъ одно изъ, будтобы, вѣрнѣйшихъ. При похоронахъ сопровождающіе ихъ берутъ съ собой «челпанъ», который бросается первому встрѣчному. Если пермяку счастье поблагопріятствовало и ему челпанъ достался, то долженъ скорѣе взять его, откусить только одинъ разъ и принести его домой. Приэтомъ необходимо, однакоже, хранить полнѣйшее молчаніе. Кто бы ни встрѣтился и чтобы ни случилось—ни слова, ни звука. Хозяйка такого пермяка должна разрѣзать челпанъ на кусочки и высушить ихъ на сухари. Стоитъ мѣшекъ съ этими сухарями повѣсить подъ крышей дома и ни одинъ воръ не обокрадетъ его. Какъ только войдетъ воръ, хоть бы и съ «рѣзуномъ травой», такъ у него руки опустятся. Воръ сейчасъ же пойметъ, что это мѣсто отъ воровства свято и уйдетъ, ничего не тронувъ. Иначе, хозяева проснутся во-время и изловятъ вора.

Послѣ «рѣзуна» одною изъ наиболѣе употребительныхъ травъ считается трава «плакунъ». Она растетъ въ прудахъ и озерахъ. Найти плакунъ можно только случайно. Одинъ изъ колдуновъ нашелъ траву, рыбачничая въ заводскомъ пруду. Закинулъ разъ-другой мережу и вытащилъ, вмѣсто рыбы, лошадиный черепъ; изъ этого черепа, во всѣ стороны, словно свѣчки восковыя, тянулись какія-то штуки. Рыбакъ разбилъ черепъ и нашелъ въ немъ корень травы «плакуна». Мужичекъ, добывшій плакунъ, употребляетъ эту траву противъ колдуновъ, которые, поэтому, боятся его, какъ чорта, а также для излѣченія отъ цѣлаго ряда болѣзней. Плакунъ обыкновенно вшивается въ ладонку, вмѣстѣ съ воскомъ, ладономъ, при самыхъ завѣтныхъ нашептываніяхъ. Самая ладонка привѣшивается къ обыкновенному тѣльному кресту. Околдовать владѣтеля такой ладонки не можетъ ни одинъ самохитрѣйшій колдунъ. Никакой злодѣй не страшенъ никому подъ защитой ладонки: она охранитъ и сбережетъ его ото всего злого. Кромѣ того «плакунъ» можетъ быть употребленъ для «затвора колдуна». Стоитъ, въ данномъ случаѣ, владѣльцу талисмана, какъ только прошелъ черезъ двери въ его избу подозрительный человѣкъ, потихоньку снять ладонку вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ и обыковенный хлѣбный ножъ воткнуть въ дверной косякъ, а на него повѣсить ладонку и крестъ: ни за что колдуну не выйти въ двери. Весь онъ тогда во власти обладателя «плакуна». Пойдетъ такой человѣкъ къ дверямъ, а тамъ «плакунъ» не пускаетъ его, и вотъ начнетъ его всячески корчить, по полу бросать до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ «плакуна» не сжалится надъ колдуномъ и не сниметъ свой талисманъ. Разумѣется, за это съ колдуна можно выговорить сороковку-другую. Если же иной утверждаетъ, что онъ колдунъ, а между тѣмъ, несмотря на повѣшенную ладонку, изъ дому выйдетъ, то, значитъ, онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ, какихъ развелось теперь не мало.

Колдовство—дѣло не простое и имъ сразу не овладѣешь. Для этого кол-

дуну надо многое узнать и перенести. Настоящій колдунъ, или «матка», по мнѣнію пермяковъ, только тотъ, кто прошелъ сквозь пасть «лягуши-матки». Сама лягуша-матка выходитъ изъ воды не зря, а только по вызову стараго колдуна. Стараго и заправскаго колдуна лягуша-матка всегда слушается, и стоитъ ему назначить баню, въ которую ей надо явиться, она непремѣнно придетъ туда. Ровно въ полночь двери, назначенной для встрѣчи лягуши, бани открываются и въ нихъ появляется преогромнѣйшая лягушечья пасть. Въ эту пасть колдунъ долженъ войти и сквозь нее пройти, если онъ хочетъ стать заправскимъ колдуномъ. Лягуша-матка тоже не проста. Желая испытать твердость новичка, она отступаетъ къ самой каменкѣ: влѣзь-ка, молъ, такъ вылѣзешь въ каменку. Только особенно сильные духомъ проходятъ сквозь пасть лягуши-матки, причемъ прошедшіе и становящіеся съ этихъ поръ настоящими колдунами, иногда, какъ они утверждаютъ, проходятъ такъ, что нигдѣ за лягушину утробу не зацѣпляются—такіе, конечно, чтутся больше. Говорятъ, что и послѣ лягушечьей пасти надо испытать кой-что, напр., залѣзть въ воду и выйти изъ нея сухимъ. Въ данномъ случаѣ колдуну идутъ на встрѣчу колючіе ерши, громадныя коровы водяного (не дойныя). Всѣ они стараются по силѣ возможности вредить колдуну. Но тотъ, кто пройдетъ воду, можетъ смѣло идти въ водяные разбойники—грабить суда и проч. Вообще, кто прошелъ воду, тотъ пріобрѣтаетъ рѣдкій даръ сокращенія дорогъ; ему можно идти и по водѣ. Теперь тѣ же ерши и коровы поддержатъ его, какъ одного изъ своихъ начальниковъ.

Въ пермяцкомъ краѣ нерѣдко можно слышать фразу: онъ захворалъ оттого, что перешелъ по дорогѣ въ то время, какъ состязался въ силѣ (въ знаніи) колдованія съ такимъ-то (кэръ этшасисэ тэдисьсзъ). Фраза эта подтверждаетъ, что и сами колдуны признаютъ себя неравносильными, и слабѣйшіе отчаянно боятся сильнѣйшихъ. Пермяку надо быть слишкомъ самоувѣреннымъ, чтобы вызвать какого-нибудь извѣстнаго вѣдуна на состязаніе. Самое состязаніе состоитъ изъ чтенія разнаго рода заговоровъ, бросанія другъ въ друга зажженными спичками, въ маханіи кисетами съ громовою стрѣлою и, чаще всего, заканчивается свирѣпой потасовкой, послѣ которой побѣдитель, тяжело отдуваясь, садится на лавку и плетъ оттуда ругань, а поколоченный спѣшитъ удалиться домой.

Мнѣ удалось выманить у одного изъ колдуновъ-побѣдителей тетрадку съ тѣми заговорами, при посредствѣ которыхъ онъ одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ. Тетрадка состояла изъ слѣд. заговоровъ, будто бы, отвращающихъ разныя бѣды и напасти. Отъ лихорадки. «Встану я, рабъ Божій (имя рѣкъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ двери въ двери, изъ воротъ въ вороты, путемъ дорогой къ синему Окіану-Морю. У этаго Окіана-моря стоитъ дерево Карколистъ; на этомъ деревѣ Карколистѣ висятъ: Козьма

и Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помошники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Божій (имя рѣкъ). Прошу великіе помошники Кузьма и Демьянъ, Лука и Павелъ, сказать мнѣ: для чего-же выходятъ изъ моря-Окіана Женщины простоволосыя, для чего онѣ по миру ходятъ, отбиваютъ отъ сна, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точитъ черную печень, пилами пилятъ желтыя кости и составы. Здѣсь вамъ не житье—не жилище, не прокладище; Гступайте вы болота, Глубокіе озера, за быстрыя рѣки и тем(н)ыя боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки перяныя; тамъ яства сахарныя, напитки медовыя, тамъ будетъ вамъ жите-жилище, прокладилище по сей часъ, по сей день, слово мое раба Божьяго (имя рѣкъ) крѣпко, крѣпко». «Отъ звиху (отъ вывиха). Во имя отца и сына и Святаго духа... здѣсь недѣсь на синему Мори лежитъ камень бѣлый, па бѣлому камени кто седитъ, высижаѣ, изъ животой кости цвѣли выкликая: жовтая кость левовъ духъ: якъ у льву духъ не держитса, то щобъ такъ у животой кости раба Божьяго (имя рѣкъ) звихъ не держався. Миколаю угоднику, корый скорый помошнику, Месяцу ясный, князю прекрасный, стань меня у помощь, у первой разъ, у другой разъ, у третій разъ. Аминь». «Отъ пушокъ стрѣлъ, ядеръ, и пулекъ и всякаго оружія и побоища. Взнидіе на гору Господню Господа Нашего Іесуса Христа—со мною, рабомъ божіимъ (имя рѣкъ), и и святого Пророка Претечи и крестителя Господня Іоанна, молитвами святаго Николая Чудотворца, заступитѣ меня, отъ стрѣлъ и пушекъ: и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) и моихъ товаришшовъ въ заговоренномъ оружіи —пятисотъ трицать человѣкъ: Молитвами святыхъ Апостоловъ и Молитвами святыхъ отецъ запрещаю вамъ, стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ и пушечнымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ пятисотъ трицать человѣкъ всѣмъ святымъ Молитвами и Апостолами, Архангелами и Ангелами, Михаиломъ, и Гавріиломъ, и со всею Небесною силою, и со всѣми преподобными Отцами, и святыми-священномучениками, которыя за Христа Кровь свою проливали, святый Тихонъ..., всякаго супостата; святіе четыре Апостола Іоаннъ, Матвѣй, Марко, Лука, помолитса за меня Господу богу раба божьяго (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ. Слава воимя Господне, Господа Нашего Іисуса Христа. Повергни Господь ворогов Моихъ и супостатовъ въ Окіанъ въ Море и подъ бѣлый камень и каково въ замкахъ Сидѣти крепко, таково было бы слово Христово крѣпко на рабѣ божемъ (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ въ заговоренномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ: коли эти мои нед(р)уги изо дна моря ключи достапутъ, тогда меня раба божьяго (имя рѣкъ) и моихъ товаришшовъ въ заговорномъ оружіи не образитъ никакимъ ратнымъ оружьемъ: како не выходитъ, также съ также стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ, замыкаю свои приго-

воренныя словеса замкомъ, а ключь кидаю въ окіанъ море, подъ горючь камень Алатырь, а какъ морю не высыкать, и меня не видать, ключей не доставать, такъ меня пушкамъ не убивать, до моего живота, имъ по конецъ вѣка недоставать». «Противъ ружья стрѣлка идущаго напротивъ или сзади. Нужно сказать ему про себя: это идетъ не стрѣлецъ съ ружьемъ, а попъ съ требникомъ; онъ идетъ не птицъ стрѣлять, а молитву давать». «Противъ Меча и Сабельныхъ ударовъ. Кованъ еси братъ. Самъ еси оловянъ, а сердце твое вошанное, ноги тво каменые отъ земли до небесъ, не укуси меня песъ, отъ ай, оба ема отъ земли кому смотрю ти очима своего брата, тогда убоится твое серце Моихъ очей усмотренія». «На желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь. Мать сыра земля, ты мать всякому железу, а ты железо поди въ свою Матерь землю, а ты древо поди въ свою Матерь древо, а вы перья подите во свою Мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ море, а мнѣ бы рабу (имя рѣкъ) было просторно по всей землѣ. Железо, укладъ, сталь, Мѣдь, на меня не ходите, воротитесь ушьми и боками какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому дереву блиско приставать, такъ бы всѣмъ нимowно ни прямо ни тяжоло падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню какъ у мельницы жернова вертятса, такъ бы железо, укладъ, сталь и медь вѣртелисъ бы кругомъ меня и въ меня не падали, а тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не оскверняна. А будь мой приговоръ крѣпокъ и дологъ». «Отъ пищалей, стрѣлъ и кулачныхъ бойцовъ. За дальними горами есть окіанъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ, стоитъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣшаетъ и заповѣдаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ, железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьіямъ, пищалямъ и стрѣлкамъ, борцамъ и кулачнымъ бойнамъ большой завѣтъ: подите, вы железо каменьія и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (имя рѣкъ), а дерево къ берегу, а перья птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море сокройтесь отъ раба (имя рѣкъ). А велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихими и смирными. А велитъ онъ не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велитъ схватить у луковъ тивы и бросить стрѣлы на землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, твердеѣ булату, плате и колпакъ крѣпчѣ панцыря и калчуги. Замыкаю свои словеса замками бросаю ключи подъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. А какъ подъ замкомъ смычи крѣпки, такъ мои словѣса крѣпки». «Противъ пищалей стрѣлъ и всякаго оружія. Есть море железное на томъ море камень Алатырь, на этомъ камнѣ сидитъ мужъ желѣзный царь, высота его отъ земли до небеси, заповѣдаетъ своимъ желѣз-

нымъ посохомъ на всѣ четыре стороны отъ востока до запада, отъ юга до сѣвѣра, стоитъ подпершись, заказываетъ своимъ дѣтямъ, укладу ли красному и желѣзному каменному и простому и проволокѣ-желѣзу литому, стали и мѣди красной и зеленой, свинцу и олову, чугуну и серебру и ядрамъ подите вы ядра, пушечнымъ ядрамъ не находить,.... пусть же идутъ мимо меня. Я рабъ божій (имя рѣкъ), и моихъ товарищовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ, всегда, и нынѣ и Присно и во вѣки вѣковъ Аминь». «Противъ войска. Господи. Оружіе на діавола.—Крестъ Твой далъ еси намъ трепещетъ бо и трясется не Могій взарати на силу его, Яко Мертвыя возставляютъ и смерть упразни, сево рады кланяемса Кресту Твоему».

Въ каждомъ изъ этихъ заговоровъ есть своя особенность и общая черта имъ та, что составленіе ихъ восходитъ ко временамъ сравнительно давнимъ и что всѣ они точно носятъ на себѣ какіе-то слѣды масонства. На это наводятъ слова: мастеръ, карколистъ, алатыревый камень и др.

Разумѣется, роль колдуновъ съ ихъ заговорами гораздо обширнѣе задачъ, направленныхъ на спасеніе и исцѣленіе человѣка. Все, что мы видимъ въ подлунной, все это, въ нѣкоторой степени, подчинено колдуну. Нѣтъ вещи или предмета, которые бы онъ не могъ испортить или исправить. Напримѣръ: въ доселѣ исправной печкѣ сталъ появляться безпорядокъ, она дымитъ. И вотъ надо прочесть этотъ маленькій заговоръ и печь исправится. «Какъ птица вылетаетъ по воздуху, также вылетай и нечистый духъ, непріятна сила, болѣзнь хитрость-мудрость, по указанному мѣсту; изъ 120 древъ, 120 лѣсинъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, хитрость-мудрость, по указанному мѣсту». Или: заболѣла лошадь «ногтемъ» (колики) и самое лучшее прочитать надъ нею заговоръ отъ «ногтя»: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ ногтя, отъ коня отъ Егоревскаго, Егорій храбрый, Егорій милостивый, возьми ты желѣзное копье; желѣзнымъ копьемъ тычь, тычь и подтыкивай изъ ушей, изъ ноздрей, изъ копытъ отъ печенной, отъ почечной, отъ жильной, отъ хвостовой, отъ мозговой, отъ стоячаго, отъ лежачаго и отъ внутренней крестовой, отъ катучаго; вода мутна, вода капна, вода пробѣжная, какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, нечистая сила, болѣзни хитрость-мудрость-ноготь». Или, далѣе, холмогорка перестала давать молоко. Надо попробовать прочесть надъ ней нижеслѣд. слова: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ одношерстой, двоешерстой, троешерстой. Отъ коровушки, отъ матушки, отъ святоласьевской, отъ бѣла тѣла, отъ третьяго сердца, третьей крови, какъ Илья пророкъ милостивый, Петръ и Павелъ Верховные Апостолы,—громомъ гремитъ, огнемъ палитъ, громомъ очищеннымъ, также очисти нечистую силу, нечистый духъ громомъ огненнымъ, отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Счупись, крѣпись, стано-

вись, по всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ отпущаемъ крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественныя слова, Божественные заговоры. Нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость, какъ съ бѣлаго лебедя вода скатывается, также скатывайся хитрость-мудрость нечистаго духа. Непріятная сила болѣзнь хитрость-мудрость отъ 77 жилъ, 77 костей, отъ 77 суставовъ, ступись, крѣпись, становись, какъ мать поставила, также будь по старому. Болѣзнь хитрость-мудрость, нечистый духъ, непріятная сила, уходи къ старому хозяину, старой хозяйкѣ. По вѣтру пришла, такъ поди по вѣтру, на пустыя мѣста, за темные лѣса, на болотныя мѣста, на зыбучія болота, куда люди не попадаютъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость. Аминь на Аминь».

Вліяніе и значеніе всякихъ заговоровъ держатся въ здѣшнемъ краѣ на томъ, что пермякъ весьма суевѣренъ. Онъ вѣритъ, напр., что если захворалъ вечеромъ—помрешь, утромъ—выздоровѣешь. Захворалъ въ Благовѣщенскій день—умрешь, а въ другой какой—выздоровѣешь, а не помрешь. Если ребенокъ родится въ ущербъ—помретъ, а при нарожденіи луны—жить будетъ, и т. п.

Здѣсь приводятся нѣкоторыя изъ примѣтъ.

Лошадь копытомъ бьетъ—къ ведру, ногами переступаетъ—къ дождю.

Собака траву ѣстъ, а кошка блюетъ—къ дождю.

Лучина при горѣніи трещитъ—къ морозу; большой нагаръ на ней—къ теплу.

Лучина сильно дымитъ—къ снѣгу.

Вороны и гуси купаются—къ дождю.

Гусь на одной ногѣ стоитъ—къ морозу.

Кошка царапается—къ сильному вѣтру съ сѣвера; спитъ и прячетъ морду—къ холоду, а поднимаетъ ее вверхъ—къ теплу.

Стоитъ морозъ и начинаетъ пощелкивать—къ теплу.

Ворона кричитъ на полдень—къ теплу, а на сѣверъ—къ холоду.

Солнце встаетъ и первые лучи бросаетъ на лѣсъ—къ дождю.

Рыба кровяниста—къ дождю.

Солнце прячется за тучи или галки летаютъ стаями или ласточки рѣютъ—къ дождю.

Курица носомъ о земь стучитъ—къ дождю, а порхается—къ дождю или къ вьюгѣ.

Ночь на Васильевъ день (1 января) звѣздная—малина уродится.

Ночь на сорокъ мучениковъ или въ этотъ день дождь или снѣгъ—будетъ много грибовъ и ловъ рыбы будетъ хорошъ.

Холодъ въ расцвѣтъ черемухи—много ягодъ и лѣто хорошее.

Рябины много—лѣто будетъ дождливое.

Сильный первый громъ—хорошій урожай, нѣтъ—плохой.

Недѣля передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ съ сѣвернымъ вѣтромъ—урожай, нѣтъ—будетъ плохо.

Много ягодъ на ели (почекъ)—урожай льна.

Иней на бабье лѣто (1 сентября)—хлѣбъ замерзнетъ.

Бабье лѣто хорошее и теплое—осень сухая.

Работать въ Благовѣщенье—быть несчастью.

Курица клокчетъ утромъ—къ несчастью; того же жди, когда она кричитъ, садясь на насѣстъ.

Весь листъ по осени съ березъ опалъ—годъ тяжелый; если нѣтъ—легкій.

Деньги въ землю прятать—къ потерѣ.

Встрѣтить, при путешествіи, кого-нибудь съ деньгами, пересѣкающимъ дорогу—потерять деньги.

Утирать руки мѣшкомъ—быть ногтоѣду.

Встать утромъ и сразу не умыться—насморкъ получить.

Отдать въ люди парное молоко—испортить его у коровы.

Дать хлѣбъ взаймы до солнца—обѣднѣть.

Первая встрѣча не мужикъ, а баба или дѣвка—не къ добру.

Первая встрѣча свинья или возъ съ хлѣбомъ—къ добру; попъ—плохо.

Гдѣ въ Благовѣщеньевъ день тучи идутъ—быть на томъ мѣстѣ граду.

Встать на мѣсто, гдѣ баба ухватомъ повертѣла—восцу (мучительная болѣзнь) получить.

Если изъ этого малаго перечня примѣтъ исключить примѣты метеорологическія и сельскохозяйственныя, то на долю пермяцкой мудрости останется совсѣмъ немного.

Неудивительно, что среди столь суевѣрныхъ и довѣрчивыхъ пермяковъ можетъ поселиться, подъ видомъ лѣшаго, отъявленный мошенникъ, съ безумною наглостью обирающій народъ (напр., извѣстенъ фактъ появленія въ 80 гг. прошлаго вѣка Чердынскаго крестьянина).

VII.

Историческій эпизодъ (1860 гг.) изъ жизни инвенскихъ крестьянъ.—Манифестъ 19 февраля 1861 г.— Ликованіе крестьянъ по этому поводу.—Составъ служащихъ въ управленіи имѣніями гр. Строгановыхъ. — Причины, вызвавшія недоразумѣнія и волненія крестьянъ.— Умиротвореніе волненій и стоимость ихъ.

19 февраля 1861 года, по могучему слову Царя-Освободителя, вышли изъ крѣпостной зависимости и крестьяне Инвенскаго края. Радость ихъ была неописуема. Впрочемъ, должно замѣтить, что этимъ крѣпостнымъ крестьянамъ жилось у послѣдней ихъ владѣлицы, графини Н. П. Строгановой, весьма хорошо. Это была въ высшей степени гуманная, добрая и умная женщина, и память о ней до сихъ поръ чтится пермяками. Высочайшій манифестъ былъ объявленъ крестьянамъ Инвенскаго края въ мартѣ мѣсяцѣ приставомъ Юдинымъ, въ присутствіи управлявшаго Инвенскимъ окружнымъ правленіемъ В. Ф. Гилева. Въ частности, въ с. Егвинскомъ объявленіе произошло 14 марта, въ 5 ч. вечера. Послѣ прочтенія манифеста слышались въ народѣ возгласы: «наконецъ-то, теперь мы—царскіе». Народъ устраивалъ шумныя оваціи приставу и управляющему. Словомъ, заря свободы засвѣтилась такъ ярко, была привѣтствована такъ радостно, что никому и въ голову не приходило, что можетъ вскорѣ грянуть буря и разразиться волненіемъ тѣхъ крестьянъ, которые такъ недавно привѣтствовали, въ лицѣ управляющаго, свою добрую помѣщицу [1].

Виновниками описываемыхъ волненій были не инвенскіе крестьяне, понесшіе за нихъ тяжкую кару, а служащіе въ управленіи имѣніями гр. Строгановой. Масса служащихъ, въ большинствѣ состоящая изъ завзятыхъ полуграмотныхъ крѣпостниковъ, не только не могла примириться съ выходомъ Инвенскихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но положительно противилась всякому акту, которымъ робкое, въ то время, волостное начальство заявляло о своей законной самостоятельности. «Приказчики» (нѣчто въ родѣ управляющихъ меньшаго ранга) положительно не признавали за освобожденными крестьянами права жить такъ, какъ имъ хотѣлось, а требовали, чтобы они жили такъ, какъ велятъ имъ они—приказчики. Нѣкоторое представленіе о заносчивости этихъ господъ—уже не говоря про отношенія ихъ къ крестьянамъ—въ сношеніяхъ съ новымъ волостнымъ управленіемъ дастъ оффиціальный отзывъ

[1] Я прочелъ немало документовъ, относящихся до настоящаго событія и находящихся въ волостныхъ правленіяхъ, куда поступили всѣ дѣла бывшихъ «земскихъ управленій». Кромѣ того, мнѣ удалось разыскать кой-кого изъ очевидцевъ и кой-кого изъ лицъ потерпѣвшихъ. Такъ образовался главнѣйшій матеріалъ нижеслѣдующаго описанія.

одного изъ приказчиковъ (Егвинскаго) Ф. Дружинина, написанный уже послѣ усмиренія волненія и послѣ того, какъ дѣйствія ихъ были въ нѣкоторыхъ частяхъ признаны неправильными и покойной владѣлицей. Между прочимъ, онъ писалъ 12 сент. 1861 г. въ Егвинское волостное правленіе. «Поступивъ на службу въ с. Егвинское Прикащикомъ, я не ожидалъ вольнодумства скрытаго здѣсь, что вскорѣ разкрылось явно, и, я думаю извѣстно Начальство принявшему въ волости, болѣе того нынѣ волостному писарю. При открытіи волости я замѣчаю, что крестьяне, можетъ быть отъ малаго образованія, безъ сомнѣнія говорю, что и отъ даннаго имъ направленія, совершенно отчуждены въ знаніи помѣщичьяго Управленія; вслѣдствіе чего опредѣленный отъ помѣщика прикащикъ не знаетъ, къ кому онъ долженъ обращаться съ законными требованіями, ибо объ избранныхъ Сельскихъ Старостахъ мнѣ не дано знать и, вѣроятно, Волостное Правленіе не считаетъ это нужнымъ; я же состоя въ обязанности знать Сельскихъ Старостъ, нахожусь надо помнить на основаніи положенія Главы 6, § 148, 149 и 150 Волостному Правленію прошу объявить мнѣ имена избранныхъ старостъ, съ показаніемъ въ какихъ деревняхъ они живутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не угодно-ли будетъ имъ приказать явиться ко мнѣ для объявленія имъ, ихъ обязанностей къ Помѣщику, но если имъ будетъ трудно меня извѣстить, въ какіе дни и часы собираются Старосты въ Волостное Правленіе, потому какъ прежній порядокъ явки, въ ожиданіи исправности, уже Волостнымъ Правленіемъ измѣненъ. О распоряженіи Волостнаго Правленія ожидаю на семъ же увѣдомленія».

Вмѣсто того, чтобы ничѣмъ не раздражать сельское населеніе, помѣщичье управленіе, не желая тратить ни одной копѣйки болѣе противъ того, что тратилось при прежнихъ крѣпостническихъ условіяхъ, заставило сельское начальство собрать сельскіе сходы для найма рабочихъ на сплавку весенняго «усолскаго» каравана. Кретьяне, исключительно существовавшіе на разныхъ работахъ у гр. Строгановой, тотчасъ же собрались на сходы и готовы были подрядиться. Приказчикъ Купросской волости, вмѣсто того, чтобы предложить сходу н а н я т ь с я на работы, вмѣсто того, чтобы спросить уже некрѣпостныхъ крестьянъ о платѣ за добровольные труды, объявилъ прибывшимъ на сходъ крестьянамъ, что они о б я з а н ы к ъ я в к ѣ н а к а р а в а н н ы й с п л а в ъ п о п р и м ѣ р у п р е ж н и х ъ л ѣ т ъ и съ платой за сплавъ по у с м о т р ѣ н і ю у п р а в л е н і я. Такого издѣвательства надъ своей, только что загоравшейся, свободой крестьяне не стерпѣли.

Вотъ что произошло на другой день въ Архангельской волости, отстоящей въ 35 в. отъ Купросской. Спустя двѣ или три недѣли по объявленіи воли— разсказывалъ мнѣ очевидецъ событія—согласно распоряженію управляющаго Иньвенскимъ округомъ, къ намъ пріѣхалъ членъ правленія Дм. И. Медвѣдевъ.

Это былъ хорошій человѣкъ и мужики любили его. На 10 марта, по просьбѣ его, у насъ въ селѣ былъ назначенъ сходъ. Сходъ собрался большой. Прибывшій на сходъ Медвѣдевъ заявилъ сходу: не желаетъ ли кто записаться на караванныя работы на прежнихъ основаніяхъ. Крестьяне начали волноваться и вышли изъ зданія волостного правленія, намѣреваясь разойтись по домамъ и тѣмъ выразить свое несогласіе на подчиненіе себя условіямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ. Стоило Медвѣдеву только спросить: «какова же ваша цѣна, братцы»? и никакого волненія не возникло бы, тѣмъ болѣе, что и цѣну-то крестьяне запросили бы едвали большую. Но управленіе не спрашивало, а требовало записи только на прежнихъ условіяхъ.

На бѣду архангельцевъ, къ зданію ихъ волостного правленія подъѣхалъ богатый купросскій крестьянинъ Ф. А. Мингалевъ, который сообщилъ крестьянамъ, что у нихъ, купросцевъ, вчера нанимали на караванъ, но что они не только не пошли, а даже поколотили приказчика, и что и они, архангельцы, будутъ умны, если послѣдуютъ примѣру купросцевъ. Искра попала въ пороховую бочку. Крестьяне тотчасъ же стали заходить въ волостное правленіе и говорить возбужденно. Кто-то изъ доброжелателей Медвѣдева посовѣтывалъ ему уйти и тотъ, вмѣстѣ съ приказчикомъ, успѣлъ ульзнуть въ окно; писцикъ же Н. З. Лунеговъ не успѣлъ воспользоваться такимъ благимъ совѣтомъ. Крестьяне поймали его за волосы, смяли подъ себя и учинили надъ нимъ экзекуцію. Озвѣрѣвшій народъ бросился догонять какъ-то вырвавшагося отъ толпы Лунегова; онъ успѣлъ добѣжать до своего дома, заперъ его и, схвативъ ружье, заявилъ крестьянамъ, что станетъ стрѣлять въ каждаго, кто не послушается его и подойдетъ къ дверямъ. Между крестьянами нашлось нѣсколько благомыслящихъ, которые сказали: «стой, братцы, теперь онъ послѣ порки озвѣрѣлъ; пожалуй и стрѣлитъ»! Ихъ послушались. Тѣмъ не менѣе въ томъ же волостномъ были выдраны тѣ изъ крестьянъ, которые считались «заединщиками помѣщицы».

Не прошло и полусутокъ, какъ въ Егвѣ, въ Кудымкорѣ и дальше знали о всемъ, что произошло въ Купросѣ и въ Архангельскѣ. «Какъ насъ, царскихъ, опять подъ помѣщицу»!.. всюду раздавалось изъ крестьянскихъ устъ. Но и тутъ не опомнились управляющіе Иньвенскаго округа. Чрезъ два дня тѣ же лица прибыли въ с. Егву для найма рабочихъ на караванъ не по ихъ волѣ, а по неволѣ. Эти лица попали какъ разъ туда, гдѣ сельчане, въ силу необъяснимыхъ причинъ, были наиболѣе озлоблены на помѣщичье управленіе. На Егвинскій сходъ собрались уже не одни егвинцы, но и крестьяне окрестныхъ волостей. Все предвѣщало грозу. Послѣ приказанія представителей управленія идти на караванъ по прежнимъ основаніямъ сначала проявилось полное безмолвіе, а затѣмъ, вскорѣ кто-то изъ громадной толпы крикнулъ: «бей ихъ»! Глухо

пронесся въ сосредоточенной толпѣ этотъ зловѣщій кличъ, и еще не успѣли всполошиться строгановскіе служащіе, какъ толпа надвинулась на нихъ... Произошло то, чего никакъ нельзя ни предвидѣть, чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже нельзя ничѣмъ предотвратить и что, въ тоже время, представляетъ самое ужасное при народномъ возмущеніи: стихія разыгралась!.. Что именно произошло въ Егвѣ, этого мнѣ, несмотря на мои расспросы, такъ и не удалось точно узнать. Оно и немудрено. Это было нѣчто стихійное. Обезумѣвшіе и ожесточившіеся крестьяне «топтали» своихъ противниковъ ногами. Было немало раненыхъ; у одного изъ строгановскихъ служащихъ оказалось содранною кожа почти со всей головы. Встрѣченное такимъ протестомъ крестьянъ приглашеніе идти на караванныя работы управленіемъ гр. Строгановой было принято за возмущеніе противъ нея. Эти крестьянскія волненія стали извѣстны подъ излишне громкимъ названіемъ «караваннаго бунта». Но сама графиня ни о нихъ, ни о способахъ ихъ усмиренія ничего не знала, а какъ только узнала, приняла сторону крестьянъ. Нѣтъ ни одного документа, свидѣтельствующаго о томъ, что мѣстная администрація присутствовала на мѣстѣ происшествія и заранѣе предотвращала возможность какихъ-либо усложненій. Все ограничилось одною перепиской.

Въ тоже время у инвенскихъ крестьянъ происходили уже болѣе крупныя событія. Управленіе грозило:—по нашему будетъ.—Мы царскіе! кричали крестьяне, не пойдемъ не по волѣ.—Издѣвавшимся ранѣе надъ сельчанами приказчикамъ и всѣмъ, кѣмъ тѣ были недовольны, житья не стало: ихъ били и ругали, а особенно сѣкли. Перепадало даже ямщикамъ, когда они собирались везти управителей или какія-либо «грамоты» въ г. Пермь. Центральное управленіе въ то время было сосредоточено въ с. Кудымкорѣ. За разъясненіемъ тревожныхъ вопросовъ и пошли туда крестьяне. Огромная кудымкорская площадь быстро была запружена народомъ. «Дай манифестъ, читай грамоту»! кричала собравшаяся толпа. Власти уступали ей и читали манифестъ. Чтеніе его сопровождалось криками «ура», но какъ только читающій доходилъ до словъ «временно-обязанные», такъ тотчасъ же въ отвѣтъ ему неслось: «нѣтъ, врешь, мы—царскіе»! Слово «царскіе» было роковымъ: при произнесеніи его народъ шалѣлъ. Духовенство выходило съ иконами на площадь и служило молебны. Изъ среды грамотѣевъ толпой было выбрано нѣсколько почтнѣйшихъ, которыхъ посадили на оградѣ мѣстной церкви. Обязанность ихъ заключалась въ безпрерывномъ чтеніи манифеста, причемъ они, во избѣжаніе неудовольствія со стороны слушателей, слова «в р е м е н н о-о б я з а н н ы е» пропускали. Чтеніе грамоты сопровождалось громкимъ «ура» и крикомъ: «мы —царскіе»! Слухъ объ искаженіи манифеста пропускомъ цитированныхъ словъ дошелъ до графскаго управленія, и вотъ, подъ давленіемъ его, приставъ Юдинъ (человѣкъ, по словамъ очевидцевъ, вообще добрый) задумалъ прочесть полный манифестъ. Къ за

кончилось чтеніе, какъ многолюдная толпа, закричала: «бей его»! Только стѣны крякнули,—такъ наперла толпа на крѣпкій заборъ. Точно вихрь пронесся надъ этимъ мѣстомъ и отъ забора ничего не осталось. Приставъ успѣлъ спастись. Нарядившись въ рясу священника, онъ незамѣтно прошелъ изъ дома среди той толпы, которая такъ гнѣвно и страстно требовала битья его.

Кстати о рясѣ. Ей одной обязано большинство Строгановскихъ служащихъ тѣмъ, что избавились отъ немалыхъ бѣдъ. Въ Егвѣ, Юсьвѣ, въ Кудымкорѣ и въ др. мѣстахъ приказчики и ихъ присные спасались, какъ это теперь всѣмъ извѣстно, лишь благодаря тому, что они свой костюмъ замѣняли одеждой духовенства. Къ этому послѣднему народъ въ то время относился благосклонно. «Тоже на волю вышли»! такъ говорили крестьяне про священниковъ. Если припомнить зависимость духовенства отъ помѣщика, это пермяцкое размышленіе глубоко правдиво. Когда въ с. Егвѣ происходило волненіе крестьянъ, мѣстный священникъ задумалъ было къ нимъ выйти съ крестомъ для возстановленія порядка. «Домой, домой, убьемъ»!.. ревѣли волновавшіеся. Къ счастью, онъ уступилъ угрозамъ толпы и тѣмъ далъ возможность, впослѣдствіи, многимъ спастись въ іерейской одеждѣ отъ народной ярости.

Отовсюду въ с. Кудымкоръ стали стекаться домохозяева, чтобы спасать себя отъ произвола Строгановскихъ управителей. Изъ завода Кувы (почти русскаго) управляющимъ были вытребованы вооруженные люди для защиты какъ его, такъ и имущества управленія. Всѣ служащіе въ немъ скрылись въ каменномъ домѣ управленія. Всѣмъ имъ приходилось жить впроголодь, если изъ дома не доставляли обѣда, а доставлять его было не безопасно. Среди собравшихся крестьянъ появлялись люди, понимавшіе ненормальность положенія и совѣтовавшіе толпѣ бросить всякія затѣи и просить о признаніи своихъ правъ по новому закону (напр., В. П. Вилесовъ), но такимъ совѣтникамъ приходилось плохо отъ взбѣсившейся толпы: они должны были убѣгать подъ охрану Строгановскихъ пищалей. Были и такіе увѣщатели, которые, признавая требованіе Строгановскихъ приказчиковъ незаконными, убѣждали крестьянъ не подымать волненія, а лишь нравственною силою, т. е. личнымъ неповиновеніемъ не исполнять произвольныхъ требованій крѣпостническихъ заправилъ (напр., М. П. Вилесовъ). Послѣднимъ попало нѣсколько позднѣе, по усмиреніи волненія: такихъ ссылали путемъ административнымъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ произошелъ первый взрывъ негодованія крестьянъ на крѣпостническій произволъ алчныхъ приказчиковъ добрѣйшей графини—владѣлицы. Въ сущности, ничего незначущіе отдѣльные факты такъ быстро выросли въ грозное событіе, что для подавленія крестьянскаго волненія уже не хватало мѣстныхъ наличныхъ силъ. Между тѣмъ, изъ Перми никто не пріѣзжалъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Пермская адми-

нистрація, получивъ увѣдомленіе о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Инвенскомъ краѣ, отправила за 200 в. для усмиренія волновавшихся роту мѣстнаго гарнизона и, вслѣдъ за нею, въ самомъ непродолжительномъ времени, двѣ сотни казаковъ, донесши о происшедшемъ высшему начальству. Послѣднее, съ своей стороны, туда же послало флигель-адъютанта, кн. Багратіона. Войска вошли прежде всего въ с. Кудымкоръ для спасенія блокированнаго управленія. Впрочемъ, всѣ служащіе въ немъ были цѣлы, и лишь никто изъ нихъ не смѣлъ показываться изъ дому. Затѣмъ, военный отрядъ отправился для усмиренія волновавшихся крестьянъ въ с. Егву.

Егвинскіе крестьяне простодушно привѣтствовали солдатъ, мирно любовались на ихъ до сихъ поръ не виданные здѣсь мундиры и на ихъ мѣрную ходьбу. Отрядъ пришелъ поздно, вечеромъ, но распоряженіе о томъ, что егвинцамъ надо собраться на другой день на церковную площадь рано, утромъ, успѣло распространиться слишкомъ скоро, и утро озарило площадь, усѣянную народомъ. Изъ крестьянъ окрестныхъ волостей здѣсь были всѣ, кто только могъ попасть пѣшимъ. Они ждали и жаждали услыхать отъ царевыхъ слугъ истинный манифестъ, признающій ихъ, какъ и солдатъ, не временнообязанными, а «царскими»; всѣ жаждали посмотрѣть на еще никогда не виданныхъ въ этой мѣстности царскихъ слугъ. Раннее весеннее утро было прекрасно. Тишина царила полнѣйшая. Вотъ послышался тяжелый шагъ военныхъ, а черезъ нѣсколько минутъ они пришли на площадь. Мы—разсказываетъ очевидецъ событія—тоже стоимъ не подалеку. Вотъ вышелъ одинъ изъ приказчиковъ и читаетъ манифестъ. Мы шапки сняли. Вотъ, думаемъ, настоящій-то привезли, только вдругъ слышимъ за мѣсто «царскіе», читаютъ: «временнообязанные». Ну, мы, значитъ, и закричали: «чарскіе, чарскіе, не котимъ подъ помѣщика»! Въ тѣ поры вышелъ ахвичеръ и что-то гаркнулъ. Сейчасъ это барабанщики заиграли. Никогда мы этой музыки допрежь того не слыхали и давай подходить поближе—всякому послушать хотѣлось. Поиграли на барабанахъ, ахвичеръ опять что-то гаркнулъ, опять заиграли на барабанахъ, мы еще поближе подвинулись. Снова остановилась музыка, а потомъ она заиграла въ третій разъ. Вышелъ опять начальникъ и что-то крикнулъ солдатамъ. Вотъ четверо изъ нихъ вышли впередъ и стрѣльнули въ насъ, да только стрѣляли-то нарочно кверху, чтобы кого не задѣть. Видимъ мы, что насъ только попужать пришли и кричимъ: «чарскіе, не котимъ подъ помѣщика»! А солдаты да какъ стрѣльнуть снова, такъ мы тутъ ужь видимъ, что дѣло-то плохо—троихъ сразу на мѣстѣ положили, да кой-кто еще благимъ матомъ закричалъ: «батюшки, убили, батюшки, убили»! Давайка мы тогда бѣжать.

Вотъ какъ передаетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ о подавленіи крестьянскаго волненія военной силой. Очевидно, несчастная стрѣльба была вызвана тѣмъ, что

пермяцкіе крестьяне не поняли, что продѣлывали солдаты, такъ какъ всѣ команды и оклики офицера были произнесены по-русски, а не по-пермяцки. Желаніе крестьянъ послушать военную музыку обошлось имъ недешево! Убиты были трое и оказалось нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Даже первые выстрѣлы чуть было не натворили бѣды, такъ какъ одна изъ пущенныхъ вверхъ пуль залетѣла на кладбище, гдѣ въ это время отпѣвали покойника и пробила подрясникъ у діакона. Залпъ, данный солдатами, отрезвилъ народъ. Даже завзятые крикуны засѣли въ домахъ.

Но это смиреніе волновавшихся крестьянъ уже не спасло ихъ отъ тяжелой расправы. Пріѣхали казаки, прибылъ кн. Багратіонъ и начался судъ «о сопротивленіи воинской командѣ». Плети и казачьи нагайки засвистѣли въ воздухѣ... Приставъ, какъ-то пріѣхавъ въ Егву уже по осени, высѣкъ болѣе 30 человѣкъ, причемъ давалъ по 60—150 розогъ на человѣка. Нѣсколькихъ крикуновъ заковали въ кандалы и сослали въ Сибирь. Казаки были разставлены по всѣмъ окрестнымъ селамъ и безпрестанно разъѣзжали по нимъ, внося въ деревенскую жизнь трепетъ, развратъ и всякое безобразіе. Кн. Багратіонъ пробылъ здѣсь очень короткое время, лишь поговорилъ съ крестьянами на площадяхъ Кудымкора и Купроса и отбылъ. Памятникомъ пребыванія его здѣсь остается бумажка о томъ, гдѣ онъ обѣдалъ и на сколькихъ тройкахъ проѣзжалъ.

Казаки простояли у инвенскихъ крестьянъ долго—19 мѣсяцевъ и стоили имъ много денегъ. Конечно, самый военный постой обошелся бы гораздо дешевле, еслибы и тутъ не было проявлено великое хищничество какъ со стороны волостныхъ главарей, такъ и мелкихъ служащихъ въ Строгановскихъ имѣніяхъ. Изъ документовъ, относящихся къ дѣламъ о содержаніи здѣсь военнаго отряда, видно, что суточное довольствіе, кромѣ квартиръ, обходилось (40 лѣтъ тому назадъ!): каждаго солдата въ 30—35 коп., офицера—въ 50 коп., а офицера, командовавшаго ротой—даже въ 1 р. 50 коп. Одно только Строгановское управленіе истратило и, затѣмъ, судебнымъ порядкомъ взыскало съ волновавшихся крестьянъ 10.686 р. 61 коп. Къ этому слѣдуетъ еще причислить сумму въ 1.422 р. 28 коп., истраченную Егвинской волостью, и не мало денегъ, истраченныхъ другими волостями. Въ общемъ итогѣ, вся денежная потеря крестьянъ волновавшихся мѣстностей Инвенья, навѣрное, исчисляется тысячъ въ 18. А потраченнаго напрасно работнаго времени и не счесть.

Для характеристики тогдашняго времени и нравовъ любопытно указать, куда и на что расходовались тѣ деньги, что потомъ были взысканы съ крестьянъ. «Выдано писарю А. Стародумову за пріемъ суд. слѣдователя съ двумя писарями, 12 декабря, три р.». «Выдано сидѣльцу Могильникову за вино и рыбу 27 р. 9 к. Отдано повѣренному Ягубову за вино 25 р. На водку Кудымкорскимъ

казакамъ 24 к. На покупку $1^1/_2$ ведра вина для солдатъ 7 р. 50 к. Куплено для солдатъ вина изъ Егвинскаго питейнаго дома на 2 р. 40 к. На покупку вина для солдатъ 5 р. Сидѣльцу Могильникову за вино для солдатъ 9 руб. Вина куплено $1^1/_2$ ведра (за тоже количество въ первый разъ взято только 7 р. 50 к.)». «Заплачено за пріемъ г. пристава, письмоводителей, полицейскаго и казаковъ 20 р. пищику Вогулкину». Этому же пищику выдано за содержаніе солдатъ: 4 іюня 30 р.; 17 іюня —50 р.; 12 сентября—35 р.; 28 сентября—9 р. 20 к. Всего Вогулкину уплачено: 144 р. 20 к. Другому пищику Соловьеву на тотъ же предметъ выдано 56 р. А всего только имъ двоимъ 200 р. Самымъ старшимъ и почетнымъ въ волости лицомъ въ то время былъ, конечно, приказчикъ; на его обязанности лежалъ пріемъ почетныхъ гостей. Какъ видно изъ документовъ, онъ кормилъ своихъ невольныхъ гостей очень щедро. Вотъ его счеты.

9 мая приказчику на пріемъ чиновниковъ выдано 40 р.; 15—ему же—6 р. Приказчику Дружинину за солдатъ—25 р.; 10-го мая приказчику Дружинину за цвѣточный чай—4 р.; 17-го ему же на пріемъ чиновниковъ—10 р.; 23-го на пріемъ чиновниковъ ему же—5 р.; 24-го ему же на покупки для чиновниковъ—8 р. 55 к.; 31-го ему же на пріемъ чиновниковъ—5 р. Іюнь: 5-го ему же за солдатъ—20 р.; 7-го ему же за чиновниковъ и солдатъ—135 р.; еще шесть—6 р. Іюль: 23-го приказчику Ф. Дружинину по возвращеніи на лицо—25 руб. Здѣсь кто-то сдѣлалъ приписку такого рода: «пойдутъ къ содержанію войска». Августа 22-го съ записи приказчику Федору Дружинину къ возвращенію 27 р. 55 коп. Всего же получено Дружининымъ 313 р. 10 коп. Кромѣ уплаты этимъ главнымъ лицамъ за содержаніе войскъ, израсходовано за квартиры: 646 р. 54 к., каковыя деньги выданы крестьянамъ с. Егвинскаго. Въ общемъ, квартирное довольствіе войскъ обошлось свыше тысячи рублей. Причемъ къ этому еще надо добавить сумму въ 528 р. 70 коп., истраченную на покупку для солдатъ 44-хъ быковъ и коровъ.

Вся суть, весь смыслъ приведенныхъ здѣсь цифръ заключается въ томъ, что онѣ относятся лишь къ тѣмъ немногимъ солдатамъ, что жили въ одной Егвинской волости. Посмотримъ же, сколько ихъ было и долго ли они тутъ стояли. Въ Инвенскомъ краѣ стояло отъ 8—20 чел. втеченіе 19 мѣсяцевъ. Всего на всего сначала прибыло для усмиренія двѣ сотни, но вскорѣ онѣ были отозваны обратно. Если предположимъ, что на с. Егву втеченіе всѣхъ 19 мѣс. приходилась половина солдатъ—а ихъ было меньше—то окажется, что въ ней проживало только 10 чел. Слѣд. оказывается: на квартиру для нихъ—10 тратилось свыше 50 р. въ годъ на человѣка: каждый изъ нихъ съѣлъ только однихъ быковъ по 4,4 штуки. Понятно, при такомъ количествѣ мяса потребовалось

и соотвѣтственное количество вина, а именно на каждаго по 7 р. 60 к. Что касается чиновниковъ, то, такъ какъ ихъ было только трое-четверо, и пріѣзжали они на день, много на два, судя по счету расходовъ на нихъ, здѣсь цифры еще любопытнѣе. Какъ на самомъ дѣлѣ они могли вмѣстить въ себя то, что имъ подавалось угощавшими ихъ! Въ Кудымкорской волости, впрочемъ, сохранился счетъ (ниже приводится буквально) одного изъ приказчиковъ, Ив. Пекинѣлова, который провѣрилъ офицеръ и снабдилъ своими замѣтками, очевидно, будучи немало возмущенъ наглостью грабителя-приказчика [1].

Еще также любопытный документъ того же приказчиза: «Счетъ по пріему разныхъ лицъ въ квартирѣ Кудымкорскаго приказчика въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1861 года.

1. Отевскаго приказчика Кирпичева за 14 дней, по 60 коп. въ каждый—8 р. 40 к.

2. Офицеровъ, прибывшихъ изъ г. Перми съ военной командой: 1-го за 12 и 2-хъ за четверы сутки, всего за 20 сутокъ, по 1 р. 50 к.—30 р.

3. Соликамскаго Стряпчаго г. Руднева съ 8 апрѣля по 8 мая и съ 15 по 21 мая жъ, всего за 36 дней, по 1 р. 60 коп.—54 р. 60 к.

---

[1] Свѣдѣніе о количествѣ припасовъ закупленныхъ и употребленныхъ для содержанія офицеровъ съ 12 по 28 Апрѣля 1861 года:

		Руб.	Коп.	Замѣтки офицера:
Муки ржаной	5 п.	2	—	получено и есть.
Крупчатки	2 п.	4	57	15 ф. на пасху солдатамъ
Говядины	2 п.	4	80	возвращено 22 фунт.
Свечь сальныхъ	14 ф.	1	79	получ. 6 ф.
Масла: скоромнаго	14 ф,	2	80	получ. 8 ф. изъ нихъ 3 ф. на пасху солдатамъ.
» постнаго	4½	—	67½	получ. 1 фунт.
Просы	3 ф.	—	21	получ.
Луку	1 реш.	—	20	
Капусты	1 в.	—	30	получена гнилая.
Картофели	3	—	27	получ. 1½ ведра замерзавшей.
Чаю	2 ф.	3	43	получ. 1 фунтъ дряннаго и потому купленъ свой.
Сахару	32 ф.	10	19	получ. 15½ фунт.
Гусей для жаркова	2	—	73	получены,—соленые.
Яицъ	160	—	69	30 штукъ получены, остальные солдатамъ.
Рыбы судачины	3 ф.	—	30	не было.
Рису	10 ф.	1	50	получ. 6½ фун.
Варенья банку въ 1 ф.	—	—	40	я не знаю почьему разрѣшенію покупалось все это.
получ. ½ фун.	2 ф.	—	30	
Изюму	1 ф.	—	40	
Миндалю . . . получ. 1	2 ш.	—	50	
Тятеревъ	—	—	—	
Курица . . . получ.	1	—	16	
Ноги скотскіе	2	—	15	не было.
Поросенокъ для холоднаго	1	—	25	
Телятины	14 ф.	—	84	получ. 12 ф.
Свеклы	17 ш.	—	17	получ.
Почьки	—	—	15	не было.
Графинъ христальной	—	—	25	
Итого		38	2½	

4. Письмоводителя его за 36 дней, по 1 р. 50 коп.—54 р.

5. Старшаго засѣдателя Соликамскаго земскаго суда г. Сизикова за 5 дней, по 1 р. 50 коп.—7 р. 50 коп.

6. Исправника Пейкера, приставовъ Юдина и Ромодина, козаковъ и разсыльныхъ (послѣднимъ, очевидно, тоже подавалась водка и проч.), во время производства втеченіе двухъ недѣль въ квартирѣ приказчика допросовъ отъ арестантовъ,—20 р.»

Слѣдуетъ замѣтить, что плата за полное мѣсячное содержаніе одного лица нынѣ, спустя 40 лѣтъ, въ нашихъ мѣстахъ не превышаетъ 10—11 р. Слѣд. сколько лишнихъ денегъ пришлось сельскому населенію заплатить за алчность помѣщичьихъ служекъ!

Въ указанныхъ счетахъ не помѣщены огромныя суммы денегъ, истраченныя на подводную повинность, на протори и убытки по содержанію военно-судной коммиссіи, и деньги, взысканныя съ крестьянъ за содержаніе и отправку арестантовъ. Арестантовъ только изъ одной Егвинской волости было отправлено въ тюрьму (отъ 2—6 мѣсяцевъ) 35 чел.; изъ нихъ одинъ на полтора года. Ихъ немало доставили и другія волости. У крестьянъ много имущества, скотъ и почти всѣ деньги ушли въ уплату постоя и за судъ. А ушли казаки слѣдомъ за ними, въ добавокъ ко всему, ушли еще бабы и дѣвки.

Какъ только было замирено крестьянское волненіе, тотчасъ же, по распоряженію управленія, стали записывать крестьянъ на караванъ. Однако, между усмиренными пермяками оказалось много такихъ, которые бѣжали и отъ свободы, и отъ своихъ домовъ, чтобы только быть подальше отъ каравана и караванныхъ работъ. Караванные приказчики и вся, ниже ихъ стоящая, челядь въ волю издѣвались надъ растерявшимися крестьянами. Сбѣжавшіе съ работъ явились въ Кудымкоръ къ управляющему, съ заявленіемъ о причинѣ ихъ побѣга «Уйти насъ вынудилъ —жаловались натерпѣвшіеся на работахъ крестьяне— караванный Орѣшниковъ неплатежомъ намъ харчевыхъ за простойные дни». Были и такіе крестьяне, которыхъ уже сами владѣльцы, подъискавшіе къ тому времени новыхъ и болѣе дешевыхъ рабочихъ, несмотря на заключенное условіе, не приняли на работы, отговариваясь тѣмъ, что нашлись люди подешевле. Пришлось такимъ, исхарчившимъ свои послѣднія на дорогу деньги, бѣднякамъ возвращаться домой, питаясь Христовымъ именемъ. Караванные приказчики, совсѣмъ забывшись, потребовали было, чтобы волости, взамѣнъ самовольно ушедшихъ крестьянъ-рабочихъ, выслали новыхъ, хотя бы и незаподряженныхъ на караваны. Но такой произволъ приказчиковъ остановило само инвенское управленіе. Бумагой своей въ Юсьвинскую Земскую, отъ 6 мая 1861 г., оно дало знать: «Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,

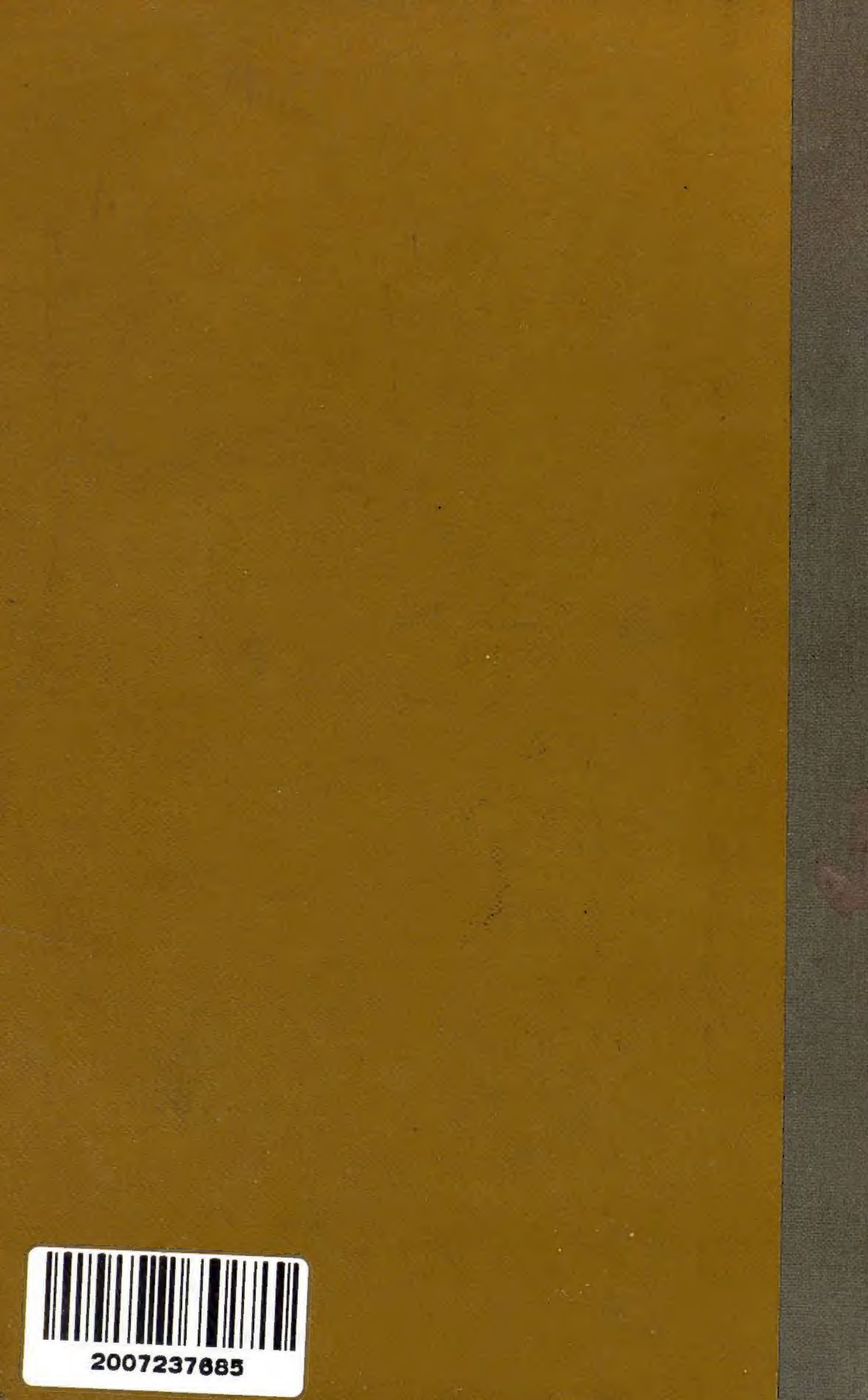
въ 3 пунктѣ 2 статьи воспрещена отдача крестьянъ и дворовыхъ людей владѣльцами постороннимъ лицамъ въ услуженіе или въ работы, потому Инвенское Правленіе не имѣетъ права избрать людей Инвенскаго Округа и отправить насильственно на караванъ. Поэтому изъ крестьянъ с. Юсьвинскаго избирать людей не нужно, а отправить только тѣхъ, которые обязались поступить на караванъ, согласно заключеннаго ими условія». Къ этому необходимо добавить, что еще до В. манифеста часть людей, какъ крѣпостныхъ, Строгановыми была отдана кн. Голицыну. Управленіе его имѣніями также требовало высылки силою крестьянъ на работы, причемъ требовало замѣнить не идущихъ крестьянъ первыми попавшимися изъ нихъ.

Послѣ умиротворенія инвенскаго края г. Гилевъ былъ разжалованъ изъ управляющихъ въ члены управленія—случай въ имѣніяхъ Строгановыхъ рѣдкій, если не единственный.

Слѣдомъ за этимъ тяжелымъ для инвенскихъ крестьянъ годомъ пошелъ рядъ лѣтъ еще труднѣйшихъ—рядъ неурожаевъ. Между тѣмъ, натуральныя повинности, переведенныя на деньги, сразу подняли подати крестьянъ съ 2 р. 70 к. до 11 р. 52 к., причемъ имъ во взносѣ податей не давалось ни малѣйшаго послабленія... Вскорѣ, однако, послѣ замиренія волненія крестьянъ честные и добрые люди изъ Строгановскихъ служащихъ, каковыхъ всегда бывало немало, поняли ошибки, допущенныя при недавно возникшихъ недоразумѣніяхъ крестьянъ съ помѣщичьимъ управленіемъ, пришли на помощь этимъ крестьянамъ. Такъ, главноуправляющій пермскимъ имѣніемъ гр. Строгановой, П. С. Шаринъ, въ виду высокаго оброка крестьянъ, сложилъ своею личною властью по 1 р. 57½ коп. съ души, а также сложилъ со счетовъ и всю недоимку ихъ съ 1861 г. по 1 января 1867 года. Только благодаря такой огромной помощи Шарина, народъ пермяцкій сохранилъ свою жизнеспособность и могъ приняться за улучшеніе своего хозяйственнаго быта.

Вс. Яновичъ.

С. Юсьва,
Соликамск. уѣзда.

2007237685